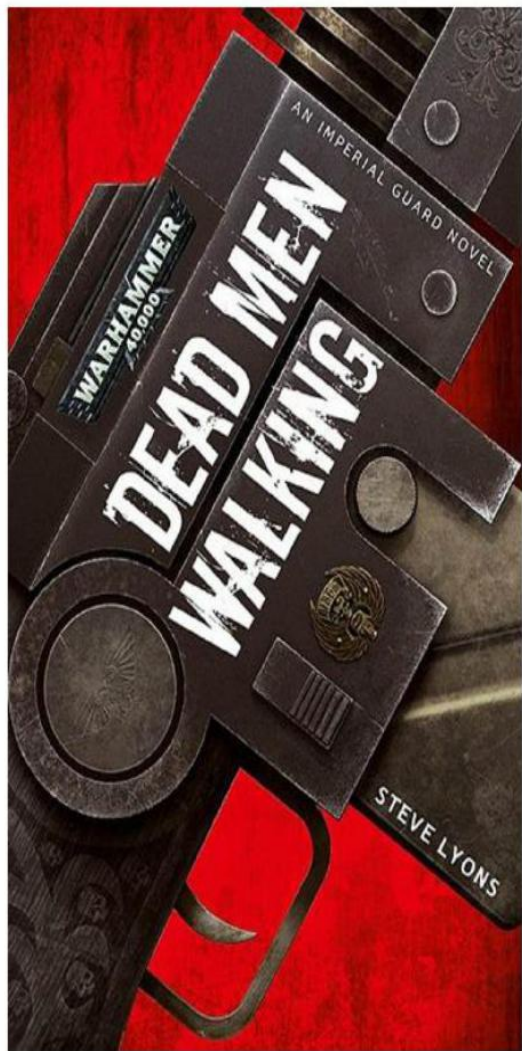

На сравнительно недавно колонизированном имперском мире Цероним Тета обнаружено присутствие некронов. Планета погружается в пучину войны с безжалостным врагом, которому не может противостоять обычный человек. Но гвардейцы из Корпуса Смерти Круга — сила столь же безжалостная и бесстрастная, как сами некроны. Эти жернова перемелют всех, и не всякое воображение сможет вместить такое количество жертв, которое будет принесено на алтарь борьбы.

- [Стив Лайонс](#)

-
- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)

- [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Об авторе](#)
-

Стив Лайонс

МЕРТВЕЦЫ ИДУТ

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижит на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин триадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуволитую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. Поэтому Владыка Империи никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые

флоты пересекают кишащий демонами
варн, единственный путь между далекими
звездами, и путь этот освещен
Астрономиконот, зримым проявлением
духовной воли Императора. Огромные
армии сражаются во имя Его на
бесчисленных мирах. Величайшие среди
его солдат — Агентус Астартес,
костические десантники, генетически
улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию:
Имперская Гвардия и бесчисленные Силы
планетарной обороны, вечно бдительная
Инквизиция и техножрецы Агентус
Механикус. Но, несмотря на все старания,
их сил едва хватает, чтобы сдерживать
извечную угрозу со стороны ксеносов,
еретиков, мутантов. И много более
опасных врагов.

Быть человеком в такое время —
значит быть одним из миллиардов. Это
значит жить при самом жестоком и
кровавом режиме, который только можно
представить.

Забудьте о достижениях науки и
технологии, ибо многое забыто и никогда

не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие, да стех жаждущих богов.

Глава первая

Гюнтеру Соресону еще никогда в жизни не было так страшно. Он спрашивал себя, как бы поступили в такой ситуации его герои — мускулистые воины с квадратными подбородками, чьи подвиги воспевались в кинохрониках. Испытывали бы они страх? «Возможно, — думал он, — но это не заставило бы их отступить». Они просто сделали бы то, что должно, и приняли бы последствия, плохие или хорошие. Ему хотелось быть таким же смелым, и Соресон уверял себя, что он это сможет. Он сунул лагерь в карман брюк, и его пальцы нащупали твердый ободок кольца.

— О нет! — выдохнула Арекс.

Гюнтер отдернул руку, словно кольцо его укусило. Заметила ли она его движение? Или прочла намерения в лице?

Он колебался, гүтая, не догадалась ли девүшка, о чем он хочет спросить? И если да, то считать ли ее вздох ответом?

Арекс отложила вилку и прикрыла лицо ладонью. Вжалась в стул, словно пытаясь утеньшиться. Робко взглянула на Гюнтера:

--- Двүмя столиками позади меня, справа. Нет, от меня. Этот мужчина в синем, с бородой и плешью. Он смотрит в нашу сторону?

--- Нет, --- помотал головой Гюнтер.

--- Мне кажется, я с ним встречалась. На каком-то приеме в Высоком Шпиле. Уполномоченный проктор или что-то вроде. Ты уверен, что он не смотрит на нас?

--- Да, --- ответил Гюнтер, --- он смотрит только в свою тарелку. Здесь темно, потому я тебя сюда и привел. Я вообще с трудом различаю его лицо. Уверен, что он тебя не узнаёт, тем более со спины. Если вы и встречались-то лишь раз...

--- Ты прав, мне просто мерещится.

Арекс остелилась бросить взгляд

через плечо, и ее лицо облегченно просияло.

--- Конечно же, это не он. Да и что бы человек его круга стал делать в таком месте?

Что-то в тоне Арекс покорило Гюнтера: вероятно, ирония, прозвучавшая в слове «таким».

--- Ты же пришла сюда? --- заметил он.

--- Я инкогнито, забыл? --- напомнила девушка, вновь берясь за вилку и накручивая на нее глиняный корень бораны. --- Не хочу, чтоб меня нашли. И это последнее место на Церонил-Тема, где станут искать племянницу губернатора.

--- Да, --- глухо ответил Гюнтер, --- думаю, ты права.

Они ужинали у вершины одной из самых низких башен Церонил-сити. Так высоко Гюнтер в жизни не забирался. Эстакады, ведущие сюда, были переполнены даже в предвечерний час. Он неделями копил деньги, на взятку швейцару в ресторане. Это было первое место, в котором он побывал, где подавали настоящее мясо, а не синтетическую дрянь. Междy столиками сновали

сервиторы, принятая заказы у посетителей.

Но и этого оказалось мало. Арекс привыкла к местам куда лучше тех, что мог себе позволить Гюнтер, даже после повышения.

--- Прости за суету, --- сказала она. --- Я могу лишь представлять, что сделал бы дядя Хенрик, узнав, что я забралась так далеко от дома.

--- Догадываюсь, --- вздохнул Гюнтер.

О чем он только думал, мечтая о жизни с ней, строя планы? Как они могли стать реальностью? Они ведь живут в разных мирах. И ее мир никогда бы не принял Гюнтера, а Арекс никогда не стала бы счастлива в его.

Гюнтер оставил кольцо в кармане.

Он настоял на том, чтобы проводить ее до дома, --- хотя бы докуда можно.

Он о многом хотел ей сказать и о многом расспросить. Почему она все же пришла? Может, эти тайные встречи для нее лишь игра? Волнующее приключение на нижних уровнях? Думала ли она хоть

раз, к чему это может привести? Гюнтер по-прежнему ощущал холодную тяжесть кольца в кармане и все еще боялся ответа, который мог услышать.

По пути через губернаторский сектор они взяли автомаксо, но вылезли из него через несколько жилых блоков, пока прокторы не слишком ими заинтересовались. Завели разговор о работе Гюнтера, и он долго что-то бубнил о годовом доходе каждой из его подопечных шахт, пока до него не дошло, что девушка заскучала. Не то чтобы она это показала, — напротив, Арекс мастерски изображала интерес. У нее была хорошая школа — как и любому с ее положением, ей приходилось посещать нудные официальные мероприятия.

Он помнил ту церемонию, что познакомила их: открытие очистного комплекса. Арекс стояла, освещенная красным заревом плавающего металла, и вежливо смеялась над шутками начальника смены. Помнил блеск зеленых глаз и каштановые волосы, разметавшиеся по плечам. Помнил свои первые ступенные

слова, обращенные к девушке, и то, как хорошо она ему улыбнулась, сделав вид, что они говорят по делу; как потом он наткнулся на нее на качающемся железном мостике, задохнувшись горячим сухим воздухом, и ее чувство юмора и еще одна добрая улыбка разрядили неловкую паузу. Неужели она лишь изображала интерес к нему?

Они брели между башнями из пластика и стекла по пустынным эстакадам, шагали по белым отметкам, обозначавшим пешеходные переходы, пока приземистые округлые автоматсы гудели по обе стороны от них. Здесь людей было меньше.

— А ты, — неожиданно спросила Арекс, — не замечал ничего странного? В шахтах, я имею в виду?

— Странного? — повторил Гюнтер, настораживаясь. — Нет, ничего особенного. Но мои люди работают из всех сил, а уровень выработки остается стабильным. Ты о чем-то конкретном?

— Нет, — быстро сказала Арекс. — Просто так. Мой дядя кое-что обронил в

разговоре, только и всего. Он разговаривал с одним... Думаю, ничего особенного, как ты и сказал. Не бери в голову.

Они оказались на перекрестке, и Арекс потащила Гюнтера к ряду лифтовых шахт. Они зашли в пустую кабинку, в нос ударил запах пота и испражнений, сопровождающий любое путешествие по нижним уровням.

--- Мне не следует, --- замешкался Гюнтер, --- если ты возвращаешься в Высокий Шпиль, я не должен... Это самая большая высота, до которой я, вообще-то...

--- Кто сказал, что я поднимаюсь? --- ответила девушка.

Она стело нагавила на руну управления, и створки кабинки, гребезжа и скрипя, сошлись. В следующий миг лифт быстро заскользил вниз. Гюнтер подумал, что наверняка Арекс знает некую секретную комбинацию рун, позволяющую лифту пролетать мимо грудых ожидающих пассажиров.

--- Я всегда опускаюсь на несколько этажей, расположенных недалеко от дома, --- сообщила она. --- Тут есть

местечко недалеко от Высокого Шпиля, подалее от любопытных глаз, где я могу вскарабкаться. Это проще, чем пытаться пробраться мимо патрулей прокторов и пункт-камер наверху.

— Но это уже больше, чем несколько, — занервничал инспектор.

— Не занудствуй, трусишка, — подбодрила девушка. — Я думала, ты родился внизу.

— Не настолько «внизу», — проворчал Гюнтер.

Она, похоже, его не услышала. Ее глаза светились любопытством и возбуждением, предвкусывая настоящее приключение. Гюнтер облегченно выдохнул, когда подъемник притчался на гребезжащую платформу и механический голос сообщил, что если они проследуют дальше, то не смогут вернуться без пароля высокого уровня шифровки.

— Не слушай эту чуху, — отмахнулась Арекс. Дверь с лязгом распахнулась, и они вышли на забытую эстакаду, в разы темнее и грязнее предыдущей. — Здесь не так паршиво, если

привыкнуть. Жаль, что так поздно: днем от этих перил можно увидеть все, вплоть до земли. Хотя костры мы даже сейчас разглядим, если захочешь на него взглянуть.

Гюнтер покачал головой. Перила по краю эстакады оказались выкручены и разбиты, и он испугался, что толпа может выпихнуть его за край, стоит подойти ближе.

Они протолкались сквозь толпу. Несколько человек покосились на их дорогие одежды, только и всего. Гюнтер начал думать, что Арекс права. Он потратил всю жизнь, пытаясь выбраться из мест, подобных этому, но не мог отрицать, что только здесь чувствует себя дома. Совсем не так, как в дорогом заведении наверху. Здесь, внизу, он вновь стал безымянным невидимкой, всего лишь одним из тысяч. Никто не приставал к нему с расспросами, что он делает так далеко от дома? Равно как никто не узнал бы и спутницу, взявшую его под локоть. А он узнал бы — не поверил своим глазам. В таких местах Гюнтер чувствовал себя в

безопасности.

Магазины уже закрылись, на их витрины опустились тяжелые ставни из пластали. Уличные торговцы тоже разошлись. Только обрюзгший старик выуживал протеиновые бургеры из грязной тележки без крышки. Непогалеку валялся на боку обгоревший остов автомаксы, перегородивший выход из узкого переулка. Круглые люминаторы пытались рассеять сгущавшийся мрак, но их было слишком мало -- большинство перегорело или разбилось. Гюнтер и Арекс стали свидетелями трех драк. Прокторы направились к одной из помасовок, но участники, три девушки и старик, заметив их приближение, растаяли в сумрачных проулках.

-- Нельзя увидеть это, -- тоскливо сказала Арекс, -- когда ты с губернатором. Все вокруг делают вид, что этого просто нет, но оно существует здесь, на Церонил Тета. Таков мир, где мы живем.

-- Я слышал, что предлагается соединить местные эстакады с верхними, --

— сказал Гюнтер, — запечатав все нижние уровни разом.

— Спрятать наши проблемы, — добавила Арекс, — но они нигде не денутся. Мы можем и дальше карабкаться вверх, хоть до стратосферы. Но мы строим наши башни на гнилом фундаменте, и однажды они рухнут, и мы вместе с ними.

— Наш мир еще очень юн, — сказал Гюнтер. — То, о чем ты говоришь, случится через века, если не тысячелетия. У нас еще много времени. Император защищает.

Что-то изменилось. Что-то нарушило обычное течение толпы, сделало ее нерешительной и напряженной. Над головами прошел непонятный шум, причем интенсивность его нарастала. «Еще одна града?» — подумал сначала Гюнтер, но вскоре понял: нет, нечто более серьезное.

Арекс, казалось, не заметила изменений, или они ее просто не беспокоили. Она размашисто шагала дальше, ведя Гюнтера прямо туда, где он определил центр возмущения. Он

предостерег ее, но не слишком настойчиво, чтобы девушка не сочла его трусом, и снова спросил себя, как поступили бы герои из кинохроник. Затем толпа расступилась, и Гюнтер увидел монстра.

Чудовище припало к земле у широкого входа в туннель. Плечи его сгорбились, кожа высохла и пожелтела, как старый пергамент. Узловатые руки кончались кривыми клешнями, а жуткие розовые глаза влажно блестели.

Гюнтер и раньше видел мутантов, но только на пикт-снимках, хотя один как-то раз случайно пробрался в шахту, за которой он наблюдал. С тех пор Гюнтер мечтал встретить зверюгу во плоти, однако в этих мечтах у него был лазган или цепной меч, да и мутант был поменьше. В этих фантазиях Гюнтер был стельчаком.

Несколько рискованных горожан вооружились палками и ножами. Они подначивали мутанта, который шипел и плевался, щелкал клешнями, не давая подступить. На земле валялась палка, вырванная из чьих-то рук, и Гюнтер

подумал, что, наверное, стоит ее поднять. Выполнить волю Императора, превратив ошибку природы в кровавое месиво. Стать героем.

Тем временем один из напавших расслабился и погнулся слишком близко. Мутант расправился с ним в мгновение ока. С утробным ревом тварь вырвала человеку гортань, из раны ударил фонтан крови. Жертва успела издать только сдавленный захлебнувшийся крик. Тогда один за другим его бывшие союзники взглянули в безумные розовые глаза, выронили оружие из замерших рук и принялись бежать прочь.

Гюнтер сам не заметил, как оказался среди убегающих, чувствуя вину оттого, что не подумал об Арекс, и тут же с радостью заметил ее рядом. Впрочем, им не удалось убежать сколько-нибудь далеко.

Толпа превратилась в лютующую стаю, порываясь бежать во все стороны сразу. Гюнтер боролся с людской волной, еще больше страшась того ужаса, что приближался сзади и, казалось, уже сжимал клешни на шее. Ему хотелось

орать, хватать людей, повернувшихся на
пути, и кричать им прямо в лица:

--- Не сюда! Оно тут! --- Это все, что
мог он кричать, пытаясь сохранить
равновесие. Дважды Гюнтер чуть не
потерял его, но Арекс вовремя
подхватывала своего спутника. Если бы
кто-то из них упал, то его растоптали бы
вмиг.

К хаосу прибавился новый звук, и
Гюнтер опознал треск лазганов. Прокторы
наконец-то среагировали на угрозу. Но тут
он понял, что звук доносится не из-за
спины, а спереди, по меньшей мере с двух
сторон; и живот свело от страха, как
только Гюнтер подумал, что это может
означать. Он подхватил Арекс под руку,
остановив.

--- Там их еще больше! --- закричал он.
--- Мутанты всюду!

Они уставились в испуганные глаза
друг друга и поняли всё без слов. Стали
прорываться в новом направлении,
подальше от вскриков и пальбы, молясь
Императору, чтобы не встретить
опасность похуже. Зная, что мутанты

могут выглядеть почти как люди, Гюнтер подозревал любого, кто приближался, сверля встречных взглядом в поисках любых признаков искажения. Едва не забывил, когда в него врезалась молодая женщина — не нападающая, а лишь сбитая с ног толпой. Она вцепилась в серую куртку Гюнтера, пытаясь удержаться на ногах. Он хотел ее поддержать, но поздно. Женщина рухнула под ноги бегущих и ей уже ничем нельзя было помочь.

Раздались чьи-то приказы: их отдавали твердым голосом, силы и металла которому придала громкоговоритель. Гюнтер и Арекс почти инстинктивно направились на властный голос. Инспектор облегченно вздохнул, увидев багряно-пурпурную униформу Сил планетарной обороны. Теперь толпа текла в одном направлении, начиная ослабевать, и он наконец-то смог разобрать, что к чему. Мегафон был установлен на бронемашине экстренного реагирования, и из него неслись призывы соблюдать спокойствие и организованно покидать зону чрезвычайной ситуации. Машина,

сопровождаемая с флангов несколькими солдатами, ползла по узкой улице, выпуская ядовитые облака выхлопных газов.

Алекс отступила на шаг назад, резко схватив Гюнтера за руку. Ему ясна была причина ее страха, но в данный момент этого это мало заботило. Он предпочел бы, чтоб их обоих опознали, отняли у него работу, квартиру и все прочее, что еще губернатор Хенрик пожелает, нежели повернуть назад и встретиться с кошмаром за спиной.

--- Все нормально, --- сказал он. --- Они не проверяют документы. Всего лишь убеждаются, все ли тут люди. Просто пропусти голову, и они нас пропустят.

Гюнтер хотел бы испытывать эту уверенность, которую изображал. Сам не знал, откуда взялось это напускное спокойствие, но продолжал пробираться вперед, увлекая за собой девушку. Перед ними двое солдат остановили средних лет паря. Желудок Гюнтера свело от страха, но он уже не мог повернуть. Он не мог решить, что безопаснее: встретиться с солдатами взглядом или же отвести его.

Внезапно Гюнтера пронзила мысль о том, что его мундир тут не очень уместен, но он сразу понял, что одежда его изограна в ключья и залита чем-то темным, уже загустевшим, скорее всего — кровью.

Не меньше досталось изящному синему платью Арекс. Красное ожерелье из аметиста, последний подарок ее матери, пропало. Гюнтер не знал, сняла ли она его сама или украшение было сорвано в давке. Вскоре они поравнялись с солдатами; их внимательные взгляды искали отклонения, патологии, бородавки и другие признаки уродов, отпавших от мира людей. Гюнтер сам озирался других так же придирчиво. Им предстояло пройти проверку, чтобы не попасть на ту, безопасную, свободную сторону сжимающегося оцепления.

Сначала Гюнтер не знал, что делать, и в этом не был одинок. Таких, как он, вышедших из оцепления, набрались сотни. Одни плакали от радости, другие стеснялись, третьи растерянно сидели на поребриках и потали головами. Оказались тут и зеваки, не участвовавшие в происшествии: они сбежались на крики,

увидев униформу солдат. Гюнтер подслушал обрывки разговоров и понял из них, что тало кто видел мутанта вживую. Но все были одинаково потрясены этими ужасами, что нарисовало их воображение, и расползающиеся слухи становились все ужаснее при каждом новом пересказе.

Арекс вела Гюнтера сквозь толчею, и он понял, что, в отличие от него, девушка преследует некую цель. Дождалась, пока большая часть толпы осталась позади и никто из солдат не смотрел в их сторону. Затем снова сжала его руку, и они побежали: как можно быстрее, прочь от этого места.

Они остановились отдыхать в темном переулке. И тут Гюнтер, которому их бегство казалось бесцельным, с удивлением понял, что именно тут Арекс и хотела очутиться. Ржавая лестница пожарной эвакуации змеей карабкалась по крошащейся кирпичной стене, местами вовсе провисая без опор. Легкие горели, а ноги подкашивались —

Тюнтера начало от усталости. Арекс тоже была вымотана. Никто из них долго не мог ни выдать слово, ни взглянуть другому в глаза. Наконец девушка устало произнесла:

--- Мне пора. Дядя Хенрик наверняка беспокоится. Порой он даже посылает прокторов на поиски.

Арекс ухватила за перекладину лестницы. Тюнтер посмотрел наверх, но не увидел ее конца -- тот терялся в темноте.

--- Мне стоит пойти с тобой, --- настоял он. --- По крайней мере, чуть-чуть.

--- Не нужно, --- сказала Арекс. --- Нет, правда, не надо. Там, на крыше, есть грузовой подъездник, он провезет меня большую часть пути.

--- Если он работает, --- сказал Тюнтер.

--- Я изучила его талон техосмотра, прежде чем спуститься. Тебе тоже надо готовой. Ты проберешься через кордоны СНО?

--- Конечно, --- ответил Тюнтер, вовсе не уверенный в своих словах. Арекс вновь повернулась, чтобы уйти, и его сердце

испуганно забилося. Он не мог просто смотреть, как она уходит. Не мог остаться в одиночестве.

--- Прости меня, --- выпалил он.

Арекс замерла, занеся ногу на ступенькой и ухватившись за перекладину выше.

--- Я должен был защитить тебя, --- пробормотал он, --- сделать что-нибудь.

--- Не глупи, --- успокоила Арекс. --- Ну что ты мог сделать?

--- Я не знаю, --- смутился Гюнтер. --- Хотя что-то, вместо того чтобы... Я был бесполезен. Я знал, что должен сделать... но просто не мог.

Арекс повернулась к нему, взяла его лицо в ладони, мягко отведя со лба темную прядь.

--- Ты ж видел, что стало с тем, кто пытался грабнуть.

--- Просто я всегда думал, что в подобной ситуации я бы...

--- Ты поступил правильно, Гюнтер: вытащил нас оттуда.

--- Знаешь, я несколько лет назад хотел вступить в СНО. Мне тогда

сепнацатъ стукнуло. Моих друзей
призвали, а меня нет. Я думал, что, по
крайней мере, смогу сражаться за
Императора дома. Но меня завернули.
Видимо, и они знали...

--- Если кто и заварил кашу, ---
перебила Арекс, --- так это я.

--- Нет.

--- Это ведь я притащила нас обоих
вниз.

--- Ты же не знала про этих тварей.
Мутанты? На этих уровнях?

--- Такое случается, --- сказала Арекс, ---
куда чаще, чем ты думаешь, в
особенности в последнее время... Тебя не
удивило, что СНО притчались так
быстро, в таком количестве?

--- Ты думаешь, они... --- Гюнтер
похолодел.

--- Думаю, они патрулируют дороги.
Они ожидают неприятностей. Я же тебе
рассказывала, Гюнтер, что слышала, как
дадя говорил о... ну, точно не знаю, о чем,
но думаю, что что-то идет не так. Что-
то... что-то внизу. И это что-то выгоняет
мутантов наверх...

Они посмотрели друг друга в глаза. Гюнтер прочел в ее взгляде те же мысли и страхи, что одолевали сейчас его самого.

--- Они думают, --- наконец сказала она, --- дядя Хенрик и все прочее, что происходит внизу нас не касается. Но однажды они поймут, как сильно заблуждались.

--- Еще увидится? --- спросил Гюнтер.

Арекс улыбнулась.

--- Конечно. Я вскоре свяжусь с тобой.

Она наклонилась к нему, оплела руками его затылок, и, прежде чем Гюнтер понял, что происходит, их губы встретились. Ему стало жарко от поцелуя. Он вдыхал цветочный аромат ее духов и чувствовал тепло ее тела в руках.

Все кончилось слишком быстро. Арекс отступила и начала карабкаться по лестнице, уходя прочь из жизни Гюнтера. В этот раз он уже не мог ее остановить, ведь все уже сказано. Кроме самого главного.

Он должен был отдать атецитовое кольцо.

Глава вторая

Цероним Тема. Мрачный мир у внешнего края Сегментума Темпестус. Цероним достаточно юный, как отметил комиссар Костеллин. Численность населения еще не достигла девяти миллионов, а освоены лишь треть поверхности планеты.

Как многие новые миры, Цероним Тема еще богата полезными ископаемыми. Вся промышленность выстроена вокруг добычи и переработки минералов. И планета отдает львиную долю своих богатств Империи Магантием и пласталью. Подземное хозяйство включает более двадцати тысяч станций. Тема славится хорошо защищенным местом, поскольку Империя держит окрестности Сегментума Темпестус в ежовых рукавицах. Углубляясь в чтение инфопаншета, Костеллин

отметил также, что ни сам этот мир, ни окружающие планеты не были задействованы ни в каком, даже самом малом, конфликте. «Само совершенство», — подумал он.

— Это всё, сэр?

Костеллин с удивлением посмотрел вверх. Он-то думал, что давно отослал Гвардейца, доставившего сводку. На самом деле он лишь жестом дал понять, что тот свободен, после чего погрузился в чтение. Ему следовало быть осмотрительнее. Комиссар провел почти тридцать лет — с тех пор как ему самому стукнуло тридцать — приписанным к Корпусу Смерти Круга. Если он что и выучил за это время, так это то, что солдаты Корпуса в целом намеков не понимали. Они не реагировали на жесты или эмоции, а нуждались в прямых приказах.

Гвардеец продолжал стоять на вытяжку перед широким столом комиссара. Даже здесь, на контролируемой системами безопасности десантном корабле, он носил полную боевую

экипировку. Угольно-серые шинель, ботинки и брюки — цвет Сто Восемьдесят шестого пехотного полка Крига. Впрочем, поскольку лишь немногие полки Корпуса Смерти выбирали цвета, отличные от серого или черного, это не сильно выделяло их из толпы. Шлем, перчатки и рюкзак гвардейца тоже находились при нем, да и плазган висел там, где надо. Что выглядело совсем глупо — он по-прежнему носил противогаз. Толстый резиновый шланг соединял маску с фильтром в квадратном кожаном ранце на груди воина.

Костеллин не знал имени этого солдата. Впрочем, он не знал имени ни одного из них. Только немногие из криговцев имели имена, и все равно — редко когда они использовались внутри полка. Для комиссара они были лишь номерами на бутаге — как и для полковников и генералов, отправлявших их в бой.

Как личности они были даже меньше, чем номера.

Криг классифицировался как мир смерти, планета с ядовитой атмосферой.

Как следствие, его обитатели привыкли к защитным костюмам, как ко второй коже. Несмотря на это, перед переводом в Корпус комиссар почему-то воображал, что в один прекрасный день маски будут сняты. Но он ошибся.

Маски отчуждали кризовцев даже друг от друга. В отличие от других полков, в которых служил Костеллин, здесь он редко видел крепкие узы дружбы. Бойцы Корпуса Смерти учились, сражались, ели и спали плечом к плечу, но между ними не возникало ни дружбы, ни даже боевого товарищества. Полк состоял из незнакомцев, и с годами Костеллин начал подозревать, что именно в этом суть и смысл их существования.

— Да-да, это всё, — сказал он, вновь отсылая прочь безымянного и безликого солдата. В ответ гвардеец отдал честь, щелкнул каблучками и повернулся к двери. — Вот что я думаю, — произнес комиссар, остановив бойца, — вопрос: сколько людей из твоего взвода могут высадиться на планету? Я разослал по кораблю памятку. Ведь нас тут как-никак четыре полка. По-

хорошему, надо бы предупредить власти.
Цероним Тета о том, что мы нагрянем с
такими крупными силами.

Гвардеец безмолвно уставился на
него, на мгновение дольше, чем комиссар
мог спокойно вытерпеть. Круглые темные
линзы маски скрывали глаза, придавая
лицу солдата сходство с черепом с
провалившимися глазницами.

--- Мы останемся на борту «Мемента
тори», сэр, --- наконец произнес он. --- На
следующие шесть дней у нас запланирована
серия боевых тренировок.

--- Нас всех поджимает время, ---
возразил Костеллин. --- Вообще-то, мы
порядочно выпадаем из графика, так долго
участвуя в кампании на Даске.
Административн немало помешало, чтобы
компенсировать эту задержку.

--- Да, сэр.

--- Я уверен, что какие бы тренировки
ни планировал ваш лейтенант, это дело
добровольное.

--- Да, сэр. Мы все добровольцы.

--- Еще бы, --- вздохнув, сказал
Костеллин. Он не знал, почему он вообще с

чем-то спрашивает. Его мозг напряженно работал, пытаясь найти причину, по которой он так долго задерживает этого человека. Возможно, в этот раз он поступил так из-за ступения. -- Вот еще что, -- вспомнил он. -- Пока ты здесь. Передай майору Гамле мои поздравления в связи с его повышением. Скажи, что сразу по возвращении я с ним свяжусь и мы пройдемся по новым распределениям.

-- Майору Гамле, сэр?

-- Я имел в виду полковника Стовосельдесят шестого, -- поправился Костеллин. -- И раз на то пошло, тебе также стоит поздравить майора Гамлу -- нового майора Гамлу.

-- Да, сэр.

Костеллин знал, что ему следует доставлять такие сообщения лично, но один раз, решил он, долг может и подождать, тем более что с шести утра у него официальный отпуск. Комиссар вернулся к своему инфопланшету, но мгновением позже оторвался от строчек, поняв, что гвардеец по-прежнему стоит в дверях.

--- Спасибо, на этом все, --- произнес Костеллин. --- Свободен.

Солдат отсалютовал, и дверь за ним бесшумно закрылась. Комиссар поежился. В конце концов, ему бы следовало уже привыкнуть иметь дело с Корпусом Смерти. Тем не менее они все равно задевали его --- отсутствием и видимых, и скрываемых эмоций, даже малейшего намека на них.

Костеллин отбросил эти мысли прочь. Пробежал глазами строчки планшета, подмечая множество деталей о Церонит Тета. Столица, Церонит-сити, сейчас наслаждалась ранней осенью. Осадков в этом году выпало меньше нормы.

Нельзя сказать, что погода много значила для Костеллина. Он собирался провести весь шестидневный отпуск в четырех стенах, в барах, ресторанах и прочих увеселительных заведениях, наслаждаясь так долго отсутствовавшим простым общением с людьми. Что лучше всего, он знал, что никого из полка, ни единого солдата Корпуса Смерти Круга не будет в радиусе тридцати тысяч

километров.

Комиссар почувствовал, что палуба дрожит под ногами. Он отошел в сторону: кризовцы шагали мимо него. Они маршировали в шеренгу по трое; тяжелые ботинки били об пол ритмично и четко, так что весь корабль, казалось, вздрагивал в резонансе. Взводный скотанговал «равнение налево» и приветствовал комиссара. Костеллин ответил тем же и терпеливо прождал, пока остатки взвода пройдут мимо.

Шестьсот пар пустых темных линз, уставившихся на него. Иногда Костеллину становилось интересно, что видят они при взгляде на него: седовласого узконосого старика, дожившего до возраста, которого никому из них не достичь?

Сквозь иллюминатор он посмотрел вниз, на грузовую палубу. Еще один взвод расчистил себе небольшое место для тренировки, аккуратно сложив деревянные ящики вдоль стены. Они были одеты в черное, так что должны были принадлежать к Сорок второму или Восемьдесят первому полку, точнее

сказать комиссар не мог, будучи не в силах рассмотреть с такого расстояния знаки различия.

Солдаты протыкали штыками мешки с песком, на которых, как ни странно, красовались их же изображения. Костеллин как-то спросил сержанта, что это значит, а тот устало и самоуверенно пояснил, что самая большая потенциальная угроза для любой армии кроется внутри нее самой. Корабль «Мemento мори» оснастили тренажерным залом и стрельбищем, но Костеллин не был уверен, что они используются, и вообще не собирался выяснять это в ближайшие шесть дней.

В кают-компании он не обнаружил никого, кроме грубого комиссара лысеющего мужчины со впалым щеками, которого Костеллин прежде не встречал. Офицеры Крига не брезговали есть с нижними чинами, поскольку сами вышли из этой среды. Костеллин взял тиску с едой и сел напротив комиссара. Представился, услышав в ответ, что

соседа зовут Манхейм и он недавно прикомандирован к Сорок второму полку. Сразу же Костеллин понял, какой станет тема разговора.

— Я отслужил на Даске полтора месяца, — сказал Манхейм. — И застал только последние этапы кампании, но мне есть что сказать. Героизм, самоотверженность, проявленные этими людьми...

— Но... — поддержал Костеллин. Он знал, что следует «но».

— Вы служили в других полках, прежде чем оказаться в этом? — сказал Манхейм осторожно.

— Катачанский четырнадцатый, — кивнул Костеллин.

— Воины Джунглей? — Манхейм был впечатлен. — Я слышал, с ними бывает трудно.

— Не то чтобы очень, — буднично сказал Костеллин, — если знать, как с ними обращаться. Я заработал их уважение и доверие, а они — мое, и более чем. В чем-то Корпус Смерти напугивает мне этих катикадзе. Они

спражаются так же яростно и непоколебимо. Знаете, в целом у полков Круза самый низкий уровень дезертирства в Имперской Гвардии. Вплоть до, черт побери, нулевой отметки.

--- Да, они смерти вообще не боятся, --- задумчиво пробормотал Манхейм с набитым ртом.

--- В общем-то, да --- в хорошем смысле.

--- И еще. Поймите меня правильно, они умеют уважать. Стоит мне отдать приказ, они бегут выполнять.

--- Ты просто не понял еще, как к ним относиться, --- догадался Костеллин.

--- Когда я с ними говорю, это похоже... Никакого ответа от них. Не могу сказать, что они думают, что чувствуют. Что им движет, Костеллин?

Костеллин натянуто улыбнулся и попытался объяснить. Он сам задавал себе этот вопрос бесчисленное множество раз. И до сих пор не нашел ответа --- по крайней мере, все объясняющего. Люди Круза не обсуждали свое прошлое, стыдась его. Однако еще тридцать лет назад

Костеллин поставил себе задачу узнать все о своем новом полке, включая его историю.

Задача оказалась на удивление трудной. Большая часть истории Круга и его обитателей утрачена или, как он подозревал, безжалостно вымарана из имперских архивов. Один ужасный факт, впрочем, не подвергался сомнению. Где-то полторы тысячи лет назад Круг стал ареной ожесточенной и кровавой гражданской войны, начавшейся, когда пресыщенные Автократы, правившие планетой, объявили свою независимость от Империи.

--- Конечно, --- добавил комиссар, --- мирные жители не все заразились этой ересью.

--- Конечно, --- сказал Манхейм.

--- Поэтому Автократы послали свои личные армии на улицы, чтобы сокрушить любое сопротивление. Им это почти удалось.

Человека, которому пришлось стать спасителем Круга, звали полковник Юртен. Когда Автократия перешла в

наступление, тот находился в городе-улье Феррограде, туштря полк Имперской Гвардии.

Конечно, силы противника превосходили силы полковника Юртена в тысячи раз и ресурсов для ведения войны у Автократов было гораздо больше, включая контроль над защитными системами планеты. Империя не удалось прорвать кольцо блокады и помочь лоялистам Крига. Юртен вел войну, которую не мог выиграть -- по крайней мере, обычными средствами. Но в подземельях Феррограда, в секретном бункере, возведенном Агентус Механикус, полковник наткнулся на склад запрещенного к тому времени оружия: старинных орудий смерти, довольно необычных.

-- Величайший герой Крига, -- сказал Костеллин, -- уничтожил его. Юртен решил, что раз Император не может обладать этим миром, то пусть планета не достанется никому. В праздник Вознесения Императора он взорвал эти боеприпасы в атмосфере.

Манхейм позабыл о еде. Розовый

студень застыл на краю его ложки.

--- Так вот почему на Крузе такой воздух...

--- Взрывы разрушили экосистему планеты, --- подтвердил Костеллин. --- Полковник угробил миллиарды, но войны это не остановило, она длилась еще пятьсот лет, но потом пришли победители.

--- Корпус Смерти, --- сказал Манхейм.

--- Закаленные в атомном огне.

--- А вы сами видели Круз?

--- Один раз, --- сказал Костеллин. ---

Всего однажды мне довелось пройтись по его поверхности. Клянусь Императором, лучше б я этого не делал.

Еще несколько минут они ели в полной тишине, Костеллин решил дать комиссару время переварить услышанное. А потом сказал более мягким тоном:

--- Ищите светлую сторону. Сегодня вечером мы ужинаем в куда более приличном месте.

--- Не уверен, --- сказал Манхейм. --- Я еще не решил, стоит ли мне высаживаться. Мой полк решил...

--- Потренироваться, --- понял Костеллин, --- и ты чувствуешь, что должен быть с ними.

--- Да, именно так.

--- Но ты ил сейчас не нужен. Используй свободное время, пока оно есть. Еще не скоро, поверь мне, оно у тебя появится. Департаменту Мониторинга имеет привычку забывать о ежегодном отпуске для бойцов Корпуса Смерти, а они, в свою очередь, никогда на это не жалуются.

--- Тем не менее, --- возразил Манхейм, --- мне кажется, я должен потратить время на то, чтобы узнать этих людей получше и понять, какова моя роль.

--- Если мораль криговцев так высока, --- иронично сказал Костеллин, --- если нет проблем с дисциплиной, то вообще неясно, зачем ил нужны комиссары.

--- Вы, похоже, читаете мои мысли.

--- Старик еще не в таразме, --- улыбнулся Костеллин. --- Я потню свои размышления обо всем этом. На эти вопросы вы тоже найдете ответы --- по

крайней мере, на часть из них. В то же время... — комиссар отодвинулся со стулом назад и поднял пустую тарелку.

— Я сяду на первый же спускающийся корабль, едва мы выйдем на орбиту. Советую вам сделать то же самое. Расслабиться. Поесть нормальной еды.

Костеллин повернулся и чуть не врезался в солдата Корнуса Смерти, бесшумно подошедшего сзади. Солдат отдал честь.

— Комиссары Костеллин и Манхейм, — бесстрастно обратился он. А затем сообщил то, что отпускник меньше всего хотел слышать: — Ваше присутствие требуется на мостике.

Дверь на мостик украшало изображение черепа двухметровой высоты, но краски уже поблекли от старости и кое-где обсыпались. Костеллин заметил, что Манхейм поежился от жуткой картины, и улыбнулся. Все пространство вокруг капитанского трона было заполнено военными весьма высокого ранга, включая двух генералов в черном и командиров всех

четырёх полков. Костеллин приветствовал нового полковника Сто Восемьдесят шестого кивком головы. Лицо в маске повернулось в сторону комиссара — и только.

Как всегда, небольшая армия сервиторов копошилась по краю круглого помещения, производя некие действия с руническими консолями, встроенными в стены, украшенные деревянными панелями. Костеллин радовался уже тому, что корабль покинул варп-пространство и лутант-навигатор вернулась в свои покои. В ее присутствии он всегда начинал нервно почесываться. Комиссар глядел на гигантский гололитический экран, но видел лишь несколько далеких светящихся точек в бесконечной черноте, сквозь которую пролегал путь корабля.

Комиссар, конечно же, знал Рокана, низкорослый коренастый капитан развернулся на троне, приветствуя новичков. Костеллин обменялся с ним коротким приветствием и познакомил с Манхейтом, пока собравшиеся ждали комиссаров Восемьдесят первого и Сто

третьего полков. Голоса отражались эхом от стен. Наконец, когда все собрались, один из генералов начал без всяких предисловий:

--- Мы получили коммюнике из Департаменте Муниторум, --- объявил он. --- Ситуация на Цероним Тета развивается в сторону, требующую внимания.

Сердце Костеллина дрогнуло. Генерал взглянул на Рокана, который затешился, не будучи уверен, что ему стоит брать слово. Наконец капитан решился:

--- Кажется, у планетарного губернатора некие трудности --- восстание на нижних уровнях или вроде того.

--- Мы тут при чем? --- спросил Костеллин.

--- Сам не знаю, --- сказал Рокан, пожав плечами. --- Я тоже в первую минуту так думал. Цероним Тета --- недавно заселенный мир, относительно мирный. Молодежь скорее пошла бы в шахтеры, чем в солдаты. Потом я решил, что губернатор Хенрик просто паникует на пустом месте. Может быть, это просто первый раз, когда у него возникли

настоящие проблемы с низами. Хенрик кажется услужливым и...

--- Есть признаки причастности ксеносов, --- перебил его генерал, --- кое-что заставляет предположить наличие чужаков или влияние их технологий.

--- Пока что это всего лишь слухи, --- подчеркнул Рокан, --- или нам так говорят, не знаю. Кажется, там может твориться то, о чем командование флота не желает распространяться. Мне встречалось и упоминание об одном артефакте, вызвавшем общий переполох. Я могу еще раз зачитать все послание, если хотите.

--- Каковы приказы? --- спросил полковник Сто третьего.

Ему ответил второй генерал:

--- Поскольку наш корабль ближайший к точке, мы продвигается к Цероним Тета, как и предполагалось. Поэтому все отпуски отменяются. Командир Сорок второго полка и его комиссар встретятся по прибытии с губернатором, чтобы лучше оценить ситуацию.

--- Нам предписано в ближайшие две недели встретиться с десантным

кораблем «Божественное правосудие», — добавил первый генерал, — и взять пополнение. Теперь мы должны передать им, чтоб двигались в нашу сторону, как только смогут. Капитан, это в вашем ведении.

— Полковник Сорок второго доложит нам о событиях за последние планетарные сутки, — решил второй генерал. — К тому времени все полки следует привести в боевую готовность, подготовив к десанту.

После этого оба генерала вышли из помещения мостика, и четыре полковника последовали за ними. Капитан Рокан расслабился в кресле, явно обрадованный тем, что они ушли. Он поймал на себе взгляд Манхейма и одобряюще подмигнул.

— Добро пожаловать на борт, — сказал он.

— Костеллин, меня все это не радует, — нахмурился Манхейм, когда комиссары тоже покинули мостик и вышли в коридор. — Все эти тайны... С какой стати Имперской Гвардии связываться в то, что выглядит как чисто локальное дело для Сил

планетарной обороны?

Костеллин думал так же.

--- Генералы скажут нам только то, ---
сказал он, --- что нам предписано знать. У
только когда решат, что время настало.
Кстати, вы ведь хотели понять, зачем
Корпусу Смерти комиссар? Вы уже близки
к разгадке.

--- Что вы имеете в виду? --- спросил
Манхейм.

--- Сегодняшнее собрание. Заметьте,
генералы послали вас и полковника. На
Тему вас будет сопровождать с
полдюжины потощников, включая пару
майоров. Вспомните, как неуютно
чувствовал себя капитан Рокал в
окружении старших чинов Криза, а ведь
ему давно пора бы привыкнуть.

--- Тут еще Хенрик... --- стекнул
Манхейм.

--- Губернатор Темы рад будет
увидеть дружелюбные лица. Да хотя бы
просто лица. Теперь это ваша работа,
Манхейм --- по крайней мере, ее главная
часть. Вы в первую очередь дипломат.
Вам придется наводить мосты между

Корнүсом и местным губернатором, мирными жителями, Агентүс Механикүс, а порой и с другими подразделениями Имперской Гвардии.

— Я понимаю, — задумчиво произнес Манхейм, — кто-то должен прокладывать путь, чтобы они могли делать свою работу. Но я все равно не пойму, почему они такие... такие... Эти маски, и черепа, и странная атмосфера на судне.

— Для Корнүса, — сказал Костеллин, — смерть — это образ жизни.

— Это надо понимать как «конченые отморозки»?

— Такова реальность. Как вы сами уже могли наблюдать, они не боятся смерти. Наоборот, они ей только рады. Умереть, служа Императору, — их главная жизненная цель. И этот настрой их военачальники, конечно, совершенно не склонны менять.

— И что, это относится ко всем и каждому?

— Попробуйте как-нибудь поговорить с гвардейцем Криза. Вы обнаружите, что у него нет надежд, мечтаний или желаний.

Ничего, кроме его приказов и готовности к смерти. По его мнению, ничего другого не существует. Он просто ходячий мертвец.

--- Но почему?

--- Люди Круга, --- объяснил Костеллин, --- до сих пор несут наказание за грех своего мира. Эту вину они впитали с молоком матери. Их учат, что они должны искупить вину восставших предков. Но их планета --- радиоактивная адская дыра. На Круге нет индустрии, агропромышленности --- ничего, чем они могли бы оплатить долг тысячелетней давности перед Императором. У них нет ничего, кроме детей, --- и они с радостью отдают их.

--- Но наверняка, --- сказал Манхейм, --- эти дети в такой же степени потомки полковника Юртена, как и тяжёлых Автократов?

--- Так и есть, --- подтвердил Костеллин, когда они дошли до развилки коридоров, откуда разойдутся по своим кабинетам, --- и это вторая часть нашей работы, Манхейм. Это вторая причина, почему Корпусу Смерти Круга нужны

люди вроде нас. Поскольку иногда, в
отдельно взятые моменты, их надо
поддерживать, чтоб не зашли слишком
далеко.

Глава третья

Гюнтер сидел за столом и ждал. На белой столешнице из пластмассы стопкой лежали инфопланишеты. Ему предстояло утвердить расписания стен, установить норму выработки, назначить наряды в туннели, набрать и уволить рабочих, прочесть отчеты о техобслуживании. Но мысли его были далеко отсюда. Вчерашнее свидание так потрясло его, что на работе было трудно сосредоточиться. Он смотрел на пульт селекторной связи так, будто хотел, чтобы тот зазвонил. Нажимал потеченные рунатами кнопки у его основания, просто чтобы услышать шумер, говорящий, что соединение больше не прерывается.

Ночью ему не удалось заснуть. Как он ни старался отогнать видение, ярко-розовые глаза мутанта и предстертное

хрипение его жертвы преследовали
Гюнтера.

Несколько раз он включал
голопроектор, почти каждый час в
течение долгой ночи, просматривая
последние отчеты. Ни одного упоминания
об инциденте. Он удивлялся, как такое
может быть, пока не вспомнил слова
Арекс.

«Они не допустят утечки
информации, — несмело говорила она. —
Будут притворяться, что этого не
существует. Они думают, что бы там
внизу не стряслось, это не затронет
верхние уровни».

Гюнтер обнаружил, что вертит в
пальцах атецитовое кольцо. Он даже не
помнил, как достал его из кармана.
Похоже, что рука сама потянулась к
вещице, стоило мыслям вернуться к Арекс.
Вчера он думал, что кольцо прекрасно, но
сегодня уже не был так в этом уверен.
Кольцо украшали семь камней-атецитов.
Гюнтер выбрал алый оттенок, поскольку
это был любимый цвет Арекс. Он выбрал
атецит, потому что тот добывался

только на одной планете во всем
Империуме, а именно на Цероним Тета. В
любой другой звездной системе подобное
кольцо стоит сумасшедших денег. Но в
родном мире Гюнтера алмаз был так же
распространен, как стекло, — и почти
столь же доступен для управляющего
шахтами, способного присвоить
забракованные, поврежденные камни.

Комплинг загудел, и Гюнтер
напрягся. Насторожившись, он машинально
сунул кольцо в карман и поспешил
ответить на звонок.

— Мистер Соресон, — проскрипел
хриплый голос, — это Херриксон. Вы
хотели поговорить?

— Да, — сказал Гюнтер, шаря по столу
в поисках планшета, который, он был
уверен, лежал тут. — Я получил ваше
донесение, что вы отправили несколько
дней назад. Так вы считаете... Вы
обнаружили нечто там, внизу?

Ответ Херриксона затерялся в вое
работающих моторов и звоне цепей, так
что Гюнтеру пришлось переспросить.

— ...мы продолжали копать, как вы

предписывали, но уже вырыли...

Еще одна канонада звуков сжевала несколько последующих слов.

--- ...внизу проблема. Как я уже писал в отчете, снова эти странные руны. Молодым ребятам они не нравятся. Бригада считает...

Именно слова Арекс побудили Тюнтера посвятить целое утро просмотру последних отчетов из подконтрольных выработок. Он пытался найти что-то, что мог пропустить, что могло ранее казаться несущественным. Поэтому он лихорадочно связался с тремя бригадиром и расспросил их, не было ли хоть небольших потерь тетна или пропажи рабочих. Потом подвинул к себе планшет с отчетом Херриксона и наконец вспомнил.

Тогда, на прошлой неделе, он едва взглянул на него: был слишком загружен делами. Ну и что, подумал тогда Тюнтер, если где-то шахтеры наткнулись на фрагменты наскальной росписи. Стоило ли волноваться из-за такой ерунды?

Не все ли равно, по какой непростительной причине мутанты

закончили ее тут, или она опустилась из-за колебаний почвы? Или была оставлена там одной из первобытных цивилизаций, населявших, по слухам, планету до колонизации? Какая разница?

В тот раз он едва удостоился бригадира ответом. Сказал, что, чем бы ни оказалась эта находка, на нее все равно не стоит наплевать. Напомнил заодно, что шахта и так не выполняет норму. Велел продолжить проходку.

--- ...отказываются работать в том туннеле, --- продолжал теперь Херриксон. --- Говорят, что чувствуют...

Час тому назад Гюнтер вызвал геологическое изображение всех туннелей под Церонил-сити. Наложил на него сводку всех несчастных случаев за последние полгода и обнаружил заметный участок. Участок, чей центр приходился на северо-западный угол шахты Херриксона.

Голос бригадира опять потонул в шуме машин, но это уже не имело значения. Того, что Гюнтер успел услышать, вполне хватало, чтобы принять

решение. Он нажал на коммлинке руну
«передача» и сказал:

— Я спускаюсь.

Гюнтер работал в добывающей
отрасли с тех пор, как закончил Схолу в
четырнадцать лет. Многие его
сверстники, которых не коснулся призыв,
поступили так же. Тем не менее в
настоящую шахту до этого он спускался
только два раза в жизни. Его работа
всегда была, по сути, административной,
проходившей в светлых кабинетах верхних
этажей.

Входы в шахты, конечно же,
выглядели куда приятнее самих туннелей.
Однако и до них Гюнтеру пришлось
спускаться на несколько этажей. В это же
время вчера его это не волновало; впрочем,
вчера и не было нужды спускаться вообще.
Он чувствовал, как его подташнивает
оттого, что тяжелый погрузчик опускает
кабину вниз. Он воспользовался
общественным транспортом, поскольку
личные кабины были наперечет, а ему не
хотелось ждать. Ему хотелось, чтоб

позвонила Арекс, хотелось знать, что она добралась до дома. Если вдруг с ней что случилось, вырежет ли цензура информацию о племяннице губернатора?

Крейц взгромозилась на сиденье рядом с ним. Глаза ее казались столь же пустыми, как и инфопланшет на коленях. Теперь она полагалась Гюнтеру по должности как личный лексписец и всюду семенила за ним по пятам.

Наконец кабина достигла назначенной точки, и Гюнтер вылез наружу, где его уже ждали два караульных проктора. Он показал им свой идентификационный жетон, после чего они с Крейц прошли сквозь арку в большое темное подземелье, полное шума и дыма. Их окружили рычагающие цистерны и шипящие шланги, тут и сюда озабоченно сновали люди и сервиторы. Воздух казался горячим, сухим и гнетущим.

Именно здесь извлекали руду из недр и проводили первую стадию очистки. Гюнтер увидел грузовик, чей двигатель работал вхолостую в ожидании погрузки драгоценной породы. Ей предстоял путь к

ближайшему костюпорту, а потом на имперский мир-кузницу, чтобы превратиться в горючее новых войн. Гюнтер, лавируя между цистернами, перехватил городского краснолицего тужика.

— Я ищу вашего бригадира, мистера Херриксона, — сказал он.

Мужчина в ответ потопал головой и знаками показал на звуконепроницаемые желтые наушники, защищавшие его от шума. Крейц на инфопланишете набрала «Херриксон?» и сунула ему под нос. Краснолицый понимающе покивал головой и показал на шестьдесят лифтов, каждый из которых был окружен клеткой из металлической сетки. Затем сделал движение пальцем, будто нажимая кнопку, и проартикулировал: «Это внизу».

Приближаясь к лифтам, Гюнтер все явственнее различал шум цепей и моторов. Платформа лифта остановилась, принеся с собой двух проходчиков с груженой рудой вагонеткой. Старый, почерневший от времени терминал котлинка был втүрован в

каменную стену рядом с лифтами. Отсюда, очевидно, Херриксон выходил на связь в последний раз.

Гюнтер нашел противогазы, шлемы и очки, висевшие на крюках позади шахты лифта. Первый противогаз не сработал, зато второй тут же сделал вдыхаемый воздух прохладнее и свежее. Гюнтер и Крейц встали на шаткий пол лифтовой платформы. Ее решетчатая дверь с лязгом захлопнулась, заставив заплескаться тени на потолке. По мере того как платформа набирала ход, у ног зажглись два бледно-голубых огонька, но левый тут же мигнул и погас.

Мгновением позже Гюнтер и Крейц уже неслись сквозь шахту, вырубленную в каменной толще; из темных расщелин мерцали глаза насекомых. Путь вниз оказался долгим, причем воображение Гюнтера делало его еще длиннее, рисуя всевозможные ужасы, притаившиеся за этими каменными стенами, на нижних уровнях города. Время от времени лифт затирал, как будто цепляясь за что-то, и каждый раз Гюнтера охватывал

тошнотворный страх, что они застрянут
здесь.

Он начал спрашивать себя, что он
тут делает. Пытается впечатлеть
Арекс? Ищет способ загладить свою
вчерашнюю трусость? Почему он вообще
решил, что может? Хочет получить еще
один шанс стать героем, надеясь, что
сможет им воспользоваться?

Сверяясь с хронометром, Гюнтер
понял, что прошло меньше трех минут.
Теперь они уже глубоко под землей.
Действительно, мгновением позже
каменные своды сменились чугунными
тюбингами, а платформа подъемника
въехала в новую клеть. Гюнтер и Крейц
вышли из лифта в просторную пещеру,
хорошо освещенную люмосфератом,
свисающими с укрепленных балок. Воздух
был насыщен пылью, и Гюнтер
почувствовал, как щипало в глазах,
несмотря на защитные очки. Програвшись
сквозь туман, он увидел вход в темный
туннель и ряды ржавых древних
механизмов. Когитаторы щелкали и
шумели, а вокруг толпилась целая армия

шахтеров и сервиторов. Покрытый пылью
мужчина средних лет с красными глазами,
что было заметно даже сквозь очки, вышел
навстречу прибывшим.

--- Вы, должно быть, мистер Соресон
из Оффицио Примарис? Я Херриксон.

Бригадир до боли стиснул руку гостя
и крепко затряс ее.

--- Я ожидал встретить вас у входа в
шахты, --- сказал Гюнтер.

--- Слишком много дел тут внизу,
мистер Соресон. Ну да вы сами знаете.
Нормативы выполнять надо. Я вижу, вы
нашли респиратор. Если он забарахлит, у
лифтов есть запасные. Вы хотите
увидеть нашу находку?

--- Думаю, да, --- согласился Гюнтер.

«Только быстро взгляну», --- решил он.
А потом можно будет вернуться в
комфортный кабинет и сделать то, что
должен был сделать сразу же: связаться с
прокторами или даже СНО, пусть они тут
и разбираются. Но крайней мере, будет о
чем рассказать Арекс.

Херриксон повел его к туннелю, взяв в
спутники еще трех шахтеров. Те,

казалось, воодушевились присутствием
Тюнтера. Он предположил, что у них уже
состоялся спор по поводу находки и они
хотят знать его мнение. Группа
приблизилась ко входу в туннель,
проследовав мимо груды ржавого железа,
когда-то бывшей проходческим буром.

--- Включить свет, --- велел
Херриксон, зажигая фонарик на шлеме.

Трое шахтеров немедленно
повторили движение, только Тюнтер
замешкался, отыскивая руну на каске. Он
возился, пока один из проходчиков,
дотянувшись, не включил его фонарь.
Раздосадованный своей беспомощностью,
Соресон, в свою очередь, помог включить
фонарь Крейца.

Туннель оказался шире, чем он
ожидал, и пятеро мужчин вместе с Крейцем
проследовали в него, разбившись на пары.
Шахтеры поотстали, давая Тюнтеру
возможность идти сразу за Херриксоном,
совершенно излишняя любезность, по его
мнению. Несмотря на свет от шести
фонариков, он мог видеть сквозь
вездесущую пыль только на пару метров

вперед. Там, где туннель разветвлялся -- а такое случилось пару раз, -- он чуть не налетал на стенку. Он был рад, что Херриксон ведет его.

Гюнтер понял, что они приближаются, когда услышал удары кирок и вой буров. Вскоре облачко света, испускаемое группой, стесалось с гругити, и в этом свете он увидал блеск аугментических частей тел.

-- Мне казалось, я упомянул это в разговоре, -- сказал Херриксон. -- Большинство моих людей отказываются работать в этом туннеле. Пришлось положиться на сервиторов, а вы знаете, каково иметь с ними дело. За ними нужно постоянно приставлять...

Гюнтер равнодушно кивнул. Десять издевших сервиторов, вполне вероятно, были выращены в баках. «Не лучше мутантов, -- подумал он, -- но эти хотя бы запрограммированы на службу Умпериуму».

Как сервиторы-шахтеры они уже были аугментированы соответствующим оборудованием, подходящим для работы

здесь. Их респираторы были сращены с
плотью и костями, заменив каждому
нижнюю половину лица. Руки были
заменены на буры и отбойные молотки, а
мышечные стимуляторы и гормоны роста
давали им достаточно сил для работы,
которая угрозила бы обычного человека.
Тюнтер старался держаться от них
подальше.

Гораздо больше его заинтересовала
колонна.

Артефакт стоял в правом
ответвлении туннеля, оканчивающегося
тупиком. Около двух метров в высоту ---
нет, немного меньше, даже чуть ниже
Тюнтера. Выглядит как небольшой
obelisk с пирамидальным навершием
размером с человеческую голову. Стояло
сооружение на квадратном постаменте,
еще не полностью выкопанном из задней
стенки. Колонна высечена из гладко
отполированного камня. Хотя Тюнтер не
мог разглядеть точно из-за полутрака и
пыли, но ему показалось, что у камня
бледно-зеленый оттенок.

--- Что это за камень? --- спросил он у

Херриксона, но тот лишь пожал плечами. -- У что тут за знаки?

Крейц подскочила ближе, осветив столб лучом фонарика.

-- Мы думали, письменна какие-то, -- предположил Херриксон.

-- Не похоже ни на один известный мне язык, -- заявил Гюнтер, хотя уловил идею Херриксона. Знаки действительно походили на письменность: последовательность символов, некоторые часто повторяются. Четыре ряда знаков опоясывали верх колонны, и еще один, пятый, обвивал ее снизу. Многие буквы -- если это действительно были они -- имели в своей основе окружность, но с тангенциальными или радиальными линиями, соединяющими их замысловатым образом.

-- Кажется, вновь начинается, -- сказал один из шахтеров низким, несудлившим ничего хорошего голосом.

-- Что начинается? -- спросил Гюнтер.

Херриксон нахмурился:

-- Ничего. Ему терещится.

--- Разве вы не ощущаете? ---
возмущился рабочий. --- Давление в голове?
Как в прошлый раз, когда я смотрел на
эту... эту...

Теперь странное чувство охватило и
Гюнтера тоже. Точно что-то росло
внутри его черепа, пытаясь прорваться
наружу. От этой мысли его затошнило. Он
закрыв глаза, глубоко вздохнул. Ощущения
слегка поухли. «Херриксон прав», ---
подумал Гюнтер. Шахтерам мерещится,
а их страх оказался заразным.

Он вновь посмотрел на колонну, к
которой приближалась Крейц. Слишком
поздно просить ее не прикасаться к камню.
Гюнтер почувствовал себя удивом, когда
она сделала копию надписи своим
неутомимым стилем. Чего он, собственно,
ожидал? Шахтеры высекли столб из
стены, так что их руки касались его
тысячи раз.

--- Кажется, я видел достаточно, ---
сказал Гюнтер, стараясь не выдать
волнения дрожью в голосе. --- Спасибо, что
обратили мое внимание на это. Я... я
положу начальству и сообщу решение. У

пока... пока этот артефакт никому не причинил вреда, думаю, можете продолжать работу. Пусть тут работают сервиторы. Мы должны выполнить норму.

Херриксон кивнул и направился к выходу из туника. Крейц, казалось, не хотела покидать колонну, но выпрямилась, сделала последние пометки в инфопланишете и покорно последовала за начальником. Они едва сделали шагов семь обратно, когда один из рабочих остановился и застыл.

--- Вы слышите это? --- спросил он. --- Скажите, что слышите... это гудение...

Они остановились, прислушиваясь. Гюнтер хотел уже сказать, что ничего не слышит, но тут заговорила Крейц:

--- Да-да, я слышу...

--- Это просто акустика, --- покачал головой Херриксон. --- Она играет странные шутки с человеческим слухом. Это, наверное, сервиторы где-то бурят...

--- Да, скорее всего, вы правы, --- согласился Гюнтер. --- Ничего такого...

Он вновь пошел вперед, но тут вдруг звук показался отчетливее. Он подумал,

что это шум механизмов — возможно, буровое оборудование в соседнем туннеле. Но по мере усиления звук становился выше и все более разнородным, пока не превратился в хор нечеловеческих голосов. Гюнтер не хотел оборачиваться, не хотел снова видеть каменную колонну, но не удержался. Он обернулся через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть, как сервитор, которого не волновало происходящее, поднял груз руды и покатиł его к выходу из туннеля, по направлению к Гюнтеру и остальным. Проходя мимо колонны, сервитор случайно задел ее левой конечностью.

Гюнтера ослепила ярко-зеленая вспышка. Он отступил назад, зажатившись. На сетчатке отпечатаłась картина того, как очертания скелета превращаются во прах в этом ужасающем свете. Позже, когда зрение начало возвращаться, он увидел оплавленную аугментическую руку в луже шлака — и никаких других признаков злополучного сервитора. Шум стал громче и пронзительнее, больше похожим

на визжание буров. Херриксон сотворил знамение аквилы, и Гюнтер испугался, когда двое сервиторов -- а потом и третий, и четвертый -- оставили работу и преклонили колени перед колонной. Они никогда не видели, чтобы они вели себя подобным образом.

-- Что... что случилось? -- заикаясь, спросил один из шахтеров.

-- Что нам делать? -- захныкала Крейц. -- Мистер Соресон, что нам делать?

-- Не трогайте эту штуку, -- скотандовал Херриксон, пока Гюнтер пытался выдать из себя хоть слово. -- Уходим из туннеля, медленно и спокойно. Опечатаем его, пока СНО не разберется с этим.

-- Колонна! -- заорал другой шахтер. -- Смотрите, она светится!

Он не ошибся. Невероятно, но странный камень светился изнутри. Свет был отвратительным знойно-зеленым, и при одном только взгляде на колонну Гюнтера вновь затошнило. Возможно, просто от мысли о том, что пыль,

которую он выдыхает через респиратор, содержат частички испепеленного сервитора. Все послушались Херриксона и понялись к выходу из туннеля.

--- Что, если это бомба? --- предположил один из шахтеров. --- Что, если она накапливает энергию для взрыва?

Все шестеро обменялись тревожными взглядами. А потом Гюнтер повернулся и бросился прочь из туннеля, словно все демоны варна гнались за ним. В захлестнувшем сердце ужасе он не думал, что его сочтут трусом, и не заботился, что скажет Арекс, когда услышит об этом. Он даже не замечал, сколько раз врезался на ходу в камень, пока бежал почти что вслепую. Все, что волновало его в эту минуту, --- убраться как можно дальше от нечестивого артефакта. Похоже, остальные думали так же --- они бежали прямо за ним.

Гюнтер первым выскочил в пещеру с лифтовыми шахтами в вихре грязи и пыли.

--- Срочно всем эвакуироваться! --- крикнул он, ни к кому конкретно не

обращаясь. --- Всем немедленно убираться
отсюда! Там... там...

Он не мог подобрать слова, но на
помощь пришел Херриксон.

--- Возникла угроза безопасности в
одном из туннелей. Мистер Соресон
прибыл из Оффицио Примарис, и он
решил...

Гюнтер нетерпеливо кивнул:

--- Нужно связаться с бригадиром
ближайших шахт, предупредить и их
тоже.

--- Мистер Соресон, --- запротестовала
Крейц, --- у вас нет полномочий...

--- Да мне наплевать! --- огрызнулся
Гюнтер, пугаясь собственной смелости. ---
Отсюда мы не сможем связаться с
губернатором, чтобы получить
разрешение, а пока мы добирается до
поверхности...

Он взглянул на лифты и осекся,
вспомнив, каким же долгим был путь вниз.
Не дав ему снова ступить, Херриксон
командовал напуганными шахтерами,
отсылая их в другие туннели, чтобы
сообщить об эвакуации. Взяв Гюнтера за

плечо, он уверенно повел его к ближайшему лифту. Крейц суетливо следовала за ними.

--- А вы разве не с нами? --- спросил Гюнтер у Херриксона.

Бригадир помотал головой:

--- В этом секторе больше двух сотен рабочих, не считая сервиторов, а лифт за раз поднимает лишь пятерых. На то, чтобы вывезти всех, понадобится больше часа, и я не брошу тут ни одного человека.

Гюнтер не знал, что ответить. Он испытывал облегчение от того, что Херриксон отпустил его.

--- Пойдет, --- обратился он к Крейц, --- кто-то же должен подняться наверх, добратся до котлинка и сообщить об увиденном.

Первые рабочие уже покидали ближайший туннель, и Херриксон посадил трех из них в лифт вместе с Гюнтером и Крейц, закрыл двери и отправил лифт наверх. Подъем по шахте прошел в гробовой тишине и длился, казалось, целую вечность.

Глава четвертая

Арекс вовсе не собиралась послушивать разговор дяди. Просто шла мимо его кабинета и услышала голос, приглушенный дубовой дверью. Губернатор Хенрик говорил с кем-то по коммлинку. Она уже почти прошла мимо, когда услышала имя «Гюнтер Соресон», заставившее ее остановиться. Девушка на цыпочках вернулась обратно и прижалась к двери щекой. Сначала ничего не могла различить, так громко билось сердце.

--- Не можем больше оставаться в стороне, --- сказал Хенрик. --- На сей раз это больше, чем несколько тракторных глыб. Эта находка, в смысле колонна...

Ответом послужило неразличимое гудение в коммлинке. Тем временем голос дяди стал громче и разборчивее.

--- Речь идет о безопасности моих

людей, моей планеты. Пока не будет проведено тщательное расследование, я не хочу рисковать...

Комплинк вновь что-то прожужжал.

--- Как я уже говорил, --- ответил Хенрик, --- свидетелем последнего происшествия был инспектор того сектора. У меня его отчет.

Итак, поняла Арекс, дядя точно имеет в виду Гюнтера. Что же с ним произошло?

--- Я уже распорядился, --- ответил Хенрик собеседнику. --- Все шахты в радиусе километра от Церонил-сити эвакуированы и запечатаны. Работы не возобновятся, пока я не буду уверен, что это безопасно.

Комплинк снова загудел. Дядя снова заговорил, на этот раз тише, так что Арекс пришлось напрячь слух.

--- Ну да, --- пробормотал Хенрик, --- возможно, теперь Административный оценит, насколько все серьезно. Сюда направляется полковник. Посмотрил, что он обо всем этом скажет.

Девушка услышала шарканье: из кухни

поднимался сервитор. Она отпрыгнула от дивана и проследовала по коридору, едва удерживаясь, чтобы не сорваться на бег. Происходило что-то большое и значительное, что-то, что могло сделать жизнь племянницы губернатора. Обычно дядя не посвящал ее в такие дела -- но в этот раз у нее был союзник.

Этим вечером ужин подали рано. Аркс сидела за полированным столом напротив дяди Хенрика иковыряла вилкой в тарелке без всякого аппетита, несмотря на то что был подан свежесдобитый борщ. Она спрашивала дядю, как прошел день, но он, как и обычно, дал уклончивый, неопределенный ответ, покачивая головой так, что его двойной подбородок затрясся. Ей хотелось спросить у него про Гюнтера. Она звонила Соресону в офис, но его не оказалось на месте.

-- Я слышала, -- сказала она, -- как-то из персонала говорит, что в шахтах какие-то неприятности.

Хенрик нахмурился и проворчал, что

это не ее дело.

--- Тем не менее, --- сказал он, чуть погодя, --- нам надо поговорить. Ближайшие неделю-две я буду очень занят. Уже сегодня вечером у меня важная встреча, и я... А ты, кстати, давно не видела свою тетю.

--- Нет! --- возмущилась племянница.

--- Пожалуйста, Арекс, не спорь со мной. Я думаю, тебе лучше провести некоторое время с тетей в Имперской Бухте.

Он всегда обращался с ней как с ребенком. А ей уже был двадцать один год --- вполне достаточно, чтобы самой принимать решения. Впрочем, Арекс объяснял ему это с четырнадцати лет --- безуспешно. Нелегко живетсЯ девушке, чей дядя управляет планетой.

У Хенрика было трое сыновей. Все они вступили в Имперскую Гвардию, и все, как и его брат, отец Арекс, погибли на далеких фронтах. Иногда, в моменты озарения, она понимала, почему дядя о ней так печется. Но сейчас был не один из таких моментов.

Девушка оттолкнула тарелку, шумно встала и вышла из столовой. Там, снаружи, прижалась лицом к стене, содрогаясь в отчаянии. Она знала, что будет дальше. Завтра или даже сегодня вечером в ее дверь постучат, и она увидит телохранителей. Дядя Хенрик не принимал возражений. Порою собственные апартаменты в Высоком Шпиле казались Арекс тюрьмой. Она даже подумывала покинуть дядин дом, приняв предложение одного из многочисленных женихов, которых находил ей опять-таки дядя. Увы, ни один из них ей не нравился.

Арекс сама не знала, что нашла в Тюнтере Соресоне. Когда они впервые встретились, он так оробел, что не мог связать двух слов. Возможно, именно стеснительность и отличала его в выгодную сторону от языкастых щеголей, подбираемых дядей. Но ей сложно было представить будущее, в котором они могли бы быть вместе.

Сейчас, впрочем, это не имело значения. Арекс собиралась найти Тюнтера. Она впервые отправится в его

блок. Если он еще не гота, она подождет.
Ей нужно сказать ему то, о чем
промолчала накануне вечером: что она его
любит. Раньше, чем за ней придут, чтоб
перевезти в Имперскую Бухту, девушка
хотела узнать, от чего на сей раз
защищает ее дядя Хенрик.

Арекс сбежала по лестнице — так ей
было легче успокоиться, и она не хотела
оказаться запертой в лифте.
Привратнику она сказала, что собирается
погулять по саду и желает побыть одна.
Скрывшись из виду, перелезла через стену
и приземлилась на общественной эстакаде.
На остановке в полутора кварталах
ждали два автомаксо. Арекс забралась в
первое из них, провела
идентификационным жетоном по
считывающему устройству и выбрала
адрес Гюнтера на гололитической карте.
Двигатель включился с легким гудением и
запахом озона, после чего автомаксо
сдвинулось с места.

Почти сразу оно заехало на
платформу лифта и снова остановилось.
Сквозь большое выпуклое ветровое стекло

Арекс смотрела на плоские крыши нижних башен, окружавших ее, пока лифт не начал опускаться. В этот момент резкий вой заставил ее поднять глаза вверх, и она увидела яркий след, рассекающий темнеющий небосвод. Военный транспорт, заходящий на посадку в Порт-Цероним. Без сомнения, гость ее дяди. В другое время она бы с радостью осталась дома, надеясь послушать какую-нибудь информацию. Этим вечером, однако, ее ждали более важные дела.

Раньше она никогда не гостила у Гюнтера, поэтому пришлось ориентироваться по карте — точнее, по красной пунктирной линии, означавшей предполагаемый маршрут таксо. Она спустилась чуть ниже уровня его дома с расчетом вскочить на ближайшую эстакаду. Там таксо плавно сбросило скорость, пробираясь между медленнодвигающимися толпами людей. Их было слишком много, чтобы следовать по маршруту. Затем гололит отключился, и таксо остановилось.

Сначала Арекс подумала, что

транспортное средство забарахлило. Пробормотала несколько ругательств в адрес технопровидцев, в чьи обязанности входило обеспечивать надежность работы. Однако вскоре заметила, что город погрузился во тьму. Уличным фонарям не пришло еще время зажечься, однако мгновением раньше окна и вывески горели. Теперь же нигде не светилося ни свечки, ничто не обозначало присутствие людей. Арекс удивилась тому, насколько рано сумерки наступают на нижних уровнях, гораздо раньше, чем добираются до ее окна в Высоком Шпиле.

Она нажала на ручку двери таксо, еще и еще раз. Безрезультатно. Тогда извернулась в кресле и пнула заевшую дверь ногой, налегая всем весом, пока та не поддалась. Воздух здесь оказался куда холоднее, чем наверху. Еще секунду назад люди на эстакаде двигались целенаправленно, теперь же они неуверенно суетились, вопросительно глядя друг на друга, будто бы кто-то знал ответ, объясняющий происходящее. Арекс шла, опустив голову, страшась встретиться с

кем-то глазами, словно ее непременно должны узнать.

Тут до ее ушей дошел ропот толпы, и повторяющиеся слова подтвердили то, что она уже подозревала: «Отключение... весь район... может, не только он... на верхних уровнях тоже темно...» Арекс вдруг поняла, как далеко она сейчас от родного дома. Беспилотные таксоны питаются электричеством от эстакад. Если слухи правдивы и весь район обесточен, значит, не работает никакой транспорт, включая лифты. Как долго ей придется карабкаться по всем этим лестницам, даже если предположить, что они не заперты?

Конечно, всегда можно вызвать на помощь прокторов, подумала Арекс. Их машины вроде бы питаются от автономных подстанций. Но тогда придется объяснять дяде Хенрику, что она тут делает. Что бы она ни сказала, это вызовет подозрения и заставит дядю докапываться до истины.

Арекс заставила себя успокоиться. Насколько она знала, электроснабжение

могли восстановить в любую секунду. Если отключение затронуло и верхние этажи, то наверняка техножрецы делают все возможное для починки.

Тем временем, подумала девушка, она сможет вспомнить расположение окрестных домов, как оно изображалось на карте в кабине таксо, и попытаться найти дом Гюнтера.

Она плотнее застегнула пальто и пошла. Она знала, что, по данным статистики, эти уровни гораздо безопаснее тех, на которых они с Гюнтером гуляли вчера вечером. И все-таки темнота ее пугала. Сутерки скрывали лица окружающих людей, и казалось, что все мимо проходящее скрывают свои недобрые намерения. Сутерки подозрительно сгущались в углах, темных окнах и аллеях, напоминая Арекс о недавней встрече с розовоглазым мутантом.

Как и в тот раз, она сняла подаренное матерью ожерелье и спрятала его в карман. Вдали показался дом Гюнтера. Арекс ускорила шаг, думая, что всего через

несколько минут окажется в безопасности, в его объятиях, и все беспочвенные страхи исчезнут. Но вдруг впереди показалась новая тень — большая и злобная. Тень спустилась в вечернем небе, похожая на облако, — но раньше Арекс таких никогда не видел. Повисев между верхушками башен, тень стала быстро спускаться к земле, угрожающе увеличиваясь в размерах. И тогда Арекс поняла, что это за туча.

Рой. Рой насекомых.

В ужасе девушка наблюдала, как рой растет. Пульсирующая масса, казалось, вобрала в себя мириады существ, к которым непрерывно стягивались новые, вылетающие с нижних уровней. Арекс не могла взять в толк, что заставило всегда спокойных насекомых ее мира вести себя таким образом. И тут поняла, что они не издают никаких звуков. Она удивилась: почему они не жужжат?

Возможно, именно потому-то Арекс и проглядела опасность. А еще — из-за невозможности в полумраке оценить

расстояние до тварей и их количество. Затем наконец рой увидели все вокруг. Люди бешено заорали и бросились искать укрытия в ближайших зданиях. Тут Арекс поняла, что рой перестал сгущаться и теперь летит.

И летит к ней.

Она понятулась, но ее взгляд все еще был прикован к чудовищному зрелищу, а мозг отказывался осознать увиденное. Наконец она страхнула оцепенение, взяла себя в руки и стала искать пути к отступлению.

Арекс побежала к ближайшему дому, но увидела, что путь заблокирован застывшими от ужаса и мечущимися людьми. Прокладывая себе путь локтями, она оказалась у основания каменной лестницы, но и оттуда ее оттолкнули, прежде чем она начала взбираться. Наверху лестницы началась драка, означавшая, что те, кто прорвался внутрь здания, решили закрыть за собой массивные двери, отгородившись ими от тех невезучих, что остались снаружи. Здесь явно не приходилось рассчитывать

на убежище.

Арекс оглянулась через плечо, и сердце немедленно ушло в пятки. Рой висел уже почти что над головой, настолько близко, что она могла разглядеть составлявших его насекомых. Отливающие серебром и слишком крупные, они не имели ничего общего с любыми созданиями этого мира. Некоторые превосходили размерами крысу, были и крупнее. Они летели, но Арекс не видела крыльев. Наконец насекомые настигли людей, раздались первые крики.

Девушка оказалась в центре бури --- насекомые просто кишели повсюду: и сверху, и внизу, и вокруг. Одно из них налету вспороло платье и рассекло кожу. До этого Арекс думала, что облако движется бесшумно, но теперь уши заполнил скрежет одного панциря о другой. Она замахала руками в наивном порыве отогнать насекомых. Ее кулак врезался в маленькое твердое тело и отбросил насекомое, но десяток других тотчас же заняли его место.

Женщина рядом с ней забилась в

агонии: твари содрали кожу с ее лица. Арекс почувствовала, как что-то запуталось в волосах; это ввергло ее в панику, и она с криками стала выдирать жутка. Удалось отделаться несколькими новыми царапинами. Она пыталась постоянно двигаться, надеясь, что чудотворили милость Императора помогут ей выбраться из облака. Между тем рядом гибли люди, падая груз на груз и загораживая своими телами путь. Неожиданно Арекс почувствовала кое-что еще. Траг осколков посыпался сверху, и кусок кирпича оставил кровоподтек на щеке.

Рой атаковал здание. Значительная его часть просто врезалась в дом, в котором Арекс искала укрытие. Насекомые пробили в кладке изрядную брешь, раскрошили кирпич, разбили окна, и Арекс с ужасом увидела, как целая секция здания обрушивается. Девушка снова пустилась бежать, но к насекомым добавилась еще и кирпичная пыль. Арекс не сделала и десяти шагов, как ее легкие не выдержали и она закашлялась. Из глаз

брызнули слезы, щеки стали мокрыми, и она не знала — от слез или от крови.

Все эти люди, сотни людей, которые укрылись в том доме... Не говоря уже о ярусах верхней башни, не видных отсюда, а еще эстакады, прикрепленные к нему... Происходящее казалось слишком нереальным, чтобы Арекс могла поверить в него. Она могла думать только о своем спасении, хотя ей казалось, что это безнадежно.

Она последовала за потоком людей, встретившихся на край эстакады. Многие стали перебираться через заграждение и прыгать, спасая свои жизни. Только когда Арекс сама добралась до заграждения, поняла, что прыгать нигда. Внизу не было другой эстакады. Охваченные ужасом беглецы, избежав жвал кровожадных хищников, превращались в кровавое месиво несколькими километрами ниже.

Все, что могла сейчас сделать Арекс, — рвануть назад, не позволяя толпе увлечь себя через перила. Она полуслепла, голова кружилась; она не понимала, сколько крови потеряла, но еще не

собиралась утирать. Она наткнулась на какую-то железную штуку, высотой доходящую до груди, и шире, чем она могла обхватить. Перебирая руками по скользкой поверхности, Арекс поняла наконец, что это. Похоже, будто сам Император решил вмешаться в ее судьбу.

Кабина автомаксо. Скорее всего, того самого, которое она оставила несколько минут назад. Да, так и есть. Заток на двери сломан после удара. Арекс распахнула дверь и оказалась внутри. Затем с еще большим усилием закрыла дверь за собой. Та хоть и не отрезала полностью звуки творящейся снаружи бойни, но все же приглушила их достаточно, чтобы девушка могла собраться с мыслями. Протерев глаза, она обнаружила, что не одна в кабине.

На руке по-прежнему болталось насекомое. Арекс вцепилась в него и оторвала вместе с куском своей кожи. Девушка ударила мерзкую тварь о приборную доску и удовлетворенно услышала, как захрустел раздавленный панцирь. Тем не менее существо

продолжало корчиться в руках. В этот момент новая волна насекомых бросилась на лобовое стекло. Арекс закричала и выронила жука.

Ветровое стекло треснуло, но, к счастью, все-таки выдержало. Тварь упала на колени Арекс и злобно уставилась на нее единственным зеленым глазом. Девушка наконец смогла рассмотреть странное создание как следует. Оно чем-то напоминало обычного жука, если не считать брони из посеребренных пластин. Тварь выглядела бы полностью механической, если бы не вонючая зеленая слюнь, вытекающая из трещин в панцире, перепачкав приборную доску и пол. С отвращением девушка сбросила жука на пол. Тот упал на спину, суча в воздухе гвутья рядами лапок. Арекс топтала его, пока тот не затих.

Тут нечто большое и тяжелое рухнуло на крышу машины. На мгновение девушка испугалась, что таксо не выдержит и погребет ее под обломками. Трещины в ветровом стекле поползли паутиной. Арекс поняла, что, как только

стекло рассыплется, она станет легкой добычей в ловушке. Но тут все закончилось. Рой исчез с той же внезапностью, что и появился, и Арекс осталась одна, рыдая и дрожа, одна в стоятой скорлупе кабины. Ее платье изорвано в клочья, руки и плечи изранены, но бешеный грохот сердца казался единственным звуком в мире.

Арекс думала, что останется тут навсегда, поскольку боялась выглянуть из кабины. Когда она наконец собрала всю волю в кулак, оказалось, что дверь заклинило, и пришлось снова выбивать ее, на этот раз уже с большими усилиями. Вывалившись из машины, она оказалась посреди руин. Воздух был заполнен пылью. Большею частью башни выстояли, но несколько из них все же упали, погребя под собой эстакады. То, что едва не расплющило ее автотаксо, оказалось осколком эстакады, упавшим с высоты двадцати уровней.

Страшнее же всего были лежавшие всюду искалеченные, разорванные тела, и

нельзя было сказать, скольких погребло под обломками. Кое-кто еще дергался, пытаясь выбраться из-под завалов. Арекс слышала плач и сдавленные крики о помощи. Она понимала, что должна сделать что-то для этих людей, но не знала, за что хвататься. К тому же голова все еще кружилась, а ноги подкашивались. Она осела на землю, как пустой мешок: сначала упала на колени, а потом скорчилась на груде мусора. Веки налились свинцом, мысли путались, так что Арекс не могла понять, что ей пришлось сегодня испытать, не могла осознать ни причин, ни последствий. На нее нахлынуло забытие, сгуля возможность погрузиться в сон без сновидений. Возможно, когда она проснется, решила Арекс, найдет кто-то, кто ей все объяснит. Дядя Хенрик, например, офицеры СНО или Гюнтер...

Гюнтер. Случайная мысль словно взбрызнула в вены адреналин, заставила девушку проснуться и вновь ощутить частое биение сердца. Гюнтер. Он живет как раз на этом уровне, в одном из тех домов, что пострадали от роя. Что, если

они разрушили именно его дом? Он мог не заметить приближения роя. Может быть, у него даже не было шанса убежать.

Раньше Арекс не видела будущего, в котором они могли быть вместе. Но теперь не представляла себе будущего без него. Заставила себя встать на ноги, взглядываясь в завесу пыли, пытаясь вспомнить, где была этакое место разрушения, чтобы сориентироваться. Она должна вспомнить, в каком доме он живет. Надо найти его и убедиться, что с ним все в порядке. Он должна идти -- ради него.

Глава пятая

Костеллин специально лег спать пораньше, чувствуя, что близок к нервному истощению. Он не предполагал, что его так вымотает Даек, да еще непосредственно перед перспективой провести отпуск на очередном театре военных действий. «Возможно, — думал он, — верно изначальное предположение капитана Рокана, и губернатору Хенрику беспокоиться не о чем. Тем не менее если на Теме есть с чем воевать, то полковник Сорок второго это найдет».

Комиссара разбудил сигнал тревоги и настойчивый голос, звавший его из-за дверей каюты. Приказ к построению. Всему личному составу приказано занять места на десантных кораблях. Комиссар понял, что поспать удалось каких-то полтора часа. Он натянул бронежилет,

проверил плазменный пистолет и ценной
меч, прежде чем повесить их на пояс.
Комиссар уже чувствовал, как палуба
содрогается под тяжестью двухсот тысяч
ботинок. Иногда он думал: неужели бойцы
Корпуса Смерти Крива снят в масках и с
рюкзаками? Иногда он думал: снят ли они
вообще?

Десантный корабль, приписанный к
Сто восьмьдесят шестому полку,
прогревал двигатели в верхнем ангаре
левого борта. Ротные командиры
маршировали со своими солдатами по
огромному гулкому отсеку, и первые два
взвода майора Альфы уже поднимались
строевым шагом по аппарели в огромное
ржавое нутро корабля. Полковник Сто
восьмьдесят шестого стоял на мостике,
наблюдая за приготовлениями,
вытянувшись даже в положении вольно.
Костеллин проложил себе путь через
потоки вновь прибывающих гвардейцев и
вскарабкался по лестнице к нему.

--- Что происходит? --- спросил он.

--- Приказано высадиться на планету, ---

--- отвечал полковник.

--- Это я и сам понимаю, --- сказал Костеллин, --- неясно только зачем. Никто не сообщил мне.

--- Нашим четырём полкам приказано высадиться около столицы и оценить ее по периметру.

--- Оценить от кого?

--- У меня нет информации. Просили передать извинения генералов за то, что они держат вас в неведении. Считают, что ситуация требует незамедлительного принятия мер.

--- Несомненно, --- сказал Костеллин. --- Департаменте Муниторум хотя бы предупредили? Вряд ли было время на обмен астронавтическими сообщениями.

--- У меня нет информации, --- ответил полковник.

--- Они должны были сказать вам что-то, ---махнул рукой Костеллин. --- Об угрозе, разросшейся за те четыре часа, что мы провели на орбите.

--- У меня нет... --- начал полковник.

--- Конечно, у вас нет информации, --- вздохнул Костеллин. --- И я не стогу

выяснить это у генералов, если не собираюсь задержать десант.

Полковник резко повернул голову к комиссару, словно возмущаясь, что тот вообще допустил подобную мысль. Впрочем, выражение его лица скрывалось под противогазом.

--- Приказы не обсуждаются, --- сказал он.

Он говорил так же, как и его предшественник. Впрочем, он говорил так же, как и любой другой полковник Корпуса Смерти Крига, с которыми Костеллину доводилось служить. Сколько их было уже -- шесть или семь человек? Предыдущий полковник Сто восемьдесят шестого погиб на Даске, возглавив штурм стратегически важной высоты, занятой легионами мутантов Нүргла. Он знал, что идет на смерть, --- генералы посчитали и решили, что взятие высоты будет стоить жизни четырем тысячам гвардейцев. Но он все равно решил возглавить атаку на линии фронта, как делал всегда.

Старый полковник исполнил тогда

своей долге. Он отдал жизнь, сгорел в
пламени огнетета, но выиграл сражение.
Высоту все-таки удалось взять. Майор
Гамла был повышен до полковника за
выслугу лет. Именно так, в большинстве
случаев, происходило присвоение
очередного звания в Корпусе Смерти: для
тех, кто доживал.

--- Это все? --- спросил Костеллин.

--- Наша позиция у западной стены
города, --- сказал полковник. --- Она близко к
костопорту, так что сможем установить
там командный пункт. В это время Сорок
второй полк окопается на севере,
Восемьдесят первый полк займет позицию
на востоке, а Сто третий --- на юге. Наши
войска придут на позицию первыми. Там
станем ждать дальнейших распоряжений.
Если, конечно, не столкнется с прямой
непосредственной угрозой. Тогда начнем
действовать по обстановке.

--- Прямая и непосредственная угроза, ---
повторил Костеллин с расстановкой. ---
Не нравится мне, как это звучит.
Предпочитаю знать, с чем мне предстоит
иметь дело.

--- Полки Восемьдесят первый и Сто
третий высажат по взводу за городскими
стенами, --- ответил полковник. --- Их
задание --- идентифицировать врага и
сообщить его местонахождение.

Костеллин молча кивнул, однако в
желудке поселился терзающий страх. У
него начали формироваться собственные
подозрения насчет того, что происходило
в Церонил-сити. И комиссар молился Богу
Императору, чтоб они не оправдались.

Костанорт Церонил-сити был забит
паникующими гражданами. Толпа не
только заполонила все здания, но даже
выплеснулась на взлетную полосу ---
несмотря на все усилия местных сил
безопасности, которых попросту не
хватило для поддержания порядка.

К вящей досаде Костеллина, хоть и
не неожиданной, властное лицо под высокой
фуражкой показалось последней надеждой
множеству бледных, изможденных людей. С
того момента, как комиссар сошел с
корабля, они его осаждали, каждый со своей
отчаянной мольбой. Он отвечал

максимально вежливо, но твердо:

--- Нет, сэр, не знаю, когда вы сможете вернуться в район.

--- Нет, мэм, боюсь, я не выдал вашу дочь.

--- Эти корабли, сэр, предназначены для Имперской Гвардии.

--- С этим, мадам, должен разбираться губернатор.

По пути комиссар собирал крупную информацию. В том числе из разговоров с инструкторами, вышедшими навстречу и сопровождавшими его сквозь толпу, а также просто подслушивая. Он слышал разговоры про отключение электричества по всему городу и о смертоносных насекомых, осаждающих эстакады. Похоже, Церонил-сити было приказано эвакуировать, что, впрочем, не выглядело преждевременным. Люди просто не знали, куда итти, и потому пришли в костопорт --- вот только он был тупиком для них.

Как раз собиралось взлетать небольшое торговое судно. Несколько безумцев вцепились в него, то ли пытаясь

удержать корабль, то ли надеясь, что он
унесет их в лучший мир. Вибрация
двигателей вскоре потрянула их, и люди с
жуткими криками полетели вниз. Корабль
покинул кольцо света, исходящего от
порта, и растворился в темноте. В
другом конце взлетной полосы
предприимчивый торговец выставил на
аукцион последние места на старом
раздолбанном грузовом суденышке.

Костеллин не сомневался, что
губернатор Хенрик уже связался с
Имперским флотом и попросил выслать
все свободные корабли. И все равно лучшее,
на что он мог надеяться, — спастись
самому с кучкой приближенных. А
большинство бедняг, что виснут сейчас на
комиссарской шинели, останутся здесь
навсегда.

Приземлился еще один челнок; Сто
третий полк Крива почти завершил
высадку. Теперь бойцы выгружали
снаряжение, так что трейлеры один за
другим сновали по аппарели, буксиримые
тягачами «Кентавр». Впереди первой
ташины шли два гвардейца, расчищая себе

путь в толпе, что оказалось даже проктором не по силе. Несмотря на стволы лагзганов, многие гражданские не спешили повиноваться, и с ними водители не церемонились. Машины попросту расталкивали людей, и один мужчина завопил от боли, когда гусеницы шеститонной громадины растерли его ноги по роккрыт.

Вслед за «Кентаврами», прокладывающими путь, шли еще более тяжелые «Троянцы», перевозящие тяжелую артиллерию и зенитные установки. За ними следовала колонна крупнокалиберных орудий: пушки «Сотрясатель» и более старые, но не менее впечатляющие «Медузы». Костеллин заметил, что с продвижением техники шум вокруг него поутих. Пораженные люди, застыв, молчали, уставившись на невиданные доколе орудия разрушения. Если раньше они еще сомневались, то теперь все стало очевидным: на их мир пришла война.

Полк Костеллина тоже начал высадку. Полковник Сто восемьдесят шестого проинструктировал бойцов по

путти на планету, так что солдаты знали, чего от них ожидают. Заходили на посадку последние два десантных корабля, опалая взлетную полосу пламенем из сопел. Костеллин решил использовать затишье для наведения хоть какого-то порядка. Громким и властным голосом он призвал всех к спокойствию, попросил очистить взлетную полосу. Повинуясь ему, молодой проктор-лейтенант начал отводить людей в ближайший ангар. Убеждал их, что ситуация под контролем, что уже приняты меры на высшем уровне по их обеспечению.

— Я не знаю, что мы можем сделать, — признался Костеллину лейтенант. — Мы можем разместить несколько тысяч человек в ангарах и залах ожидания, но все время прибывают новые беженцы. Мы попросили помощи у соседних городов, и они согласились принять некоторое количество беженцев, но у них самих нетного места. Да и многие из людей в любом случае не хотят нигуда ехать. Они беспокоятся о родственниках и друзьях и надеются найти их здесь. А еще

они боятся, что, если уедут в новые
незнакомые города, там их отправят на
нижние уровни и бросят на произвол
судьбы.

--- Скорее всего, так и будет, ---
заметил Костеллин.

--- Некоторые из них, --- продолжал
лейтенант, понизив голос, --- считают,
что вообще нигде на планете не осталось
безопасного места.

Лейтенант посмотрел на комиссара,
и тот прочитал в его глазах надежду на
утешение, которой не мог дать. Тем
временем за углом аукцион, устроенный
торгашом, завершился. Обойденные
покупатели оттеснили купца от двери в
его колымагу, и на помощь ему теперь
двигалась толпа прокторов, с трудом
прокладывая себе путь в толпе безутцев.
Никто из них, заподозрил Костеллин,
никуда сегодня не полетит.

Он заметил в толпе такую же
фуражку с пикой и, извинившись перед
лейтенантом, начал проталкиваться к
ней. Комиссар Манхейм втолковывал что-то
окружившим его гражданским. Речь

шла о том, что воздух планеты не опасен для жизни. Прибывающие солдаты носят маски и противогазы просто на всякий случай, ради перестраховки. Как только он сказал это, мимо прошагала группа солдат в полной боевой выкладке, в панцирной амуниции и металлических масках. Вновь начались вопросы. Костеллин взял коллегу под руку и повел в тихий угол.

--- Вы уже высадились, --- констатировал Манхейм.

--- А что мне оставалось? --- ответил Костеллин. --- Спал себе в кровати, предвкушал шестидневный отпуск. Я тогда думал, вы с полковником тем временем выясните про гражданские беспорядки и загадочные артефакты. А теперь? --- он обвел рукой окружавшее их зрелище. --- Что случилось, Манхейм?

--- Хотел бы я знать, --- сказал Манхейм. --- Действительно хотел бы. Мы с полковником Сорок второго были у губернатора Хенрика в Высоком Шпиле, когда отключился свет. Его люди отвели нас назад к шаттлу, чтобы связаться с

десантным кораблем... Мы летели, Костеллин, когда поступили первые сообщения. Жуки. Летящие металлические жуки, причинявшие невероятные разрушения. Один парень из СНО делал доклад, когда они набросились на него. Через десять секунд он был мертв.

--- Жуки? --- ошеломленно повторил Костеллин.

--- Тогда-то Хенрик, видимо, и отдал приказ об эвакуации. Генералы и так этого хотели, но пока мы говорили... Первые беженцы с нижних уровней уже добрались сюда. А нам поручили погрузочные работы. Лифты, естественно, не работают. Выбраться можно лишь на своих двоих, через старые ворота на земле --- сквозь подполье, кишящее мутантами.

--- Губернатор здесь? --- спросил Костеллин.

--- Я его не видел, --- сказал Манхейм. --- Последнее, что я слышал: за ним послали флаер.

--- Они знали, --- с уверенностью ответил Костеллин.

--- Прошу прощения?

--- Генералы. Они знали. А если не знали, то догадывались. Тебе не кажется подозрительным, что они организовали все это, будучи уверены, что угроза заслуживает внимания четырех полков Имперской Гвардии? Они действительно не представляли, что это может быть?

--- Трудно сказать наверняка, --- ответил Манхейм.

--- Они знали, --- повторил Костеллин. --- И вы тоже, Манхейм. Вы служите достаточно долго, чтобы слышать подобные истории.

--- Необъяснимые утечки энергии, --- осторожно кивнул Манхейм.

--- Ксеноартефакты глубоко под землей, явно до колонизации человечеством. Скажите, генералы видели письма на них?

--- Я видел их, --- ответил Манхейм. --- Хенрик показывал голопикты фрагментов катня, сделанные до отключения света. Показывал пикты писем на колонне, раскопанной в шахтах, и... Ничего подобного я в жизни не видел. Едва взглянул, а глаза уже заболели.

--- У жуки, --- подсказал Костеллин, ---
стальные жуки.

--- Рокан обмолвился, что якобы
командование флота от него что-то
утаило, --- вспомнил Манхейм.

--- Как и наши генералы, --- заключил
Костеллин. --- Пока не получают
неопровержимых доказательств, будут
держатъ подозрения при себе, готовясь к
худшему. Они не осмелятся вытолвить,
что у них на уме. Никто не хочет первым
произнести: «Некроны».

--- Комиссар.

Костеллин обернулся. Он полагал,
что совершенно один в этом помещении
десантного корабля, в пустом десантном
отсеке. Эхо его шагов гүлко отражалось
от арочных переборок, когда он
прохаживался түда-сюда. «Интересно, ---
подүмал он, --- полковник Сто восемьдесят
шестого стоял здесь все это время или,
үвидев, как его комиссар вернулся на
корабль, решил проследовать за ним?»

--- Могү я как-то поточь? --- лязко
спросил полковник.

--- Просто размышляю в тишине, ---
подумал головой Костеллин.

--- Я бы посоветовал для этого другое место. Сервиторам приказано вернуть десантный шаттл на борт «Мелентори», как только будет закончена разгрузка.

--- Это не может подождать? Я надеялся воспользоваться пультотелекомандной связью.

--- Не хочу, чтобы челноки оставались в порту, --- ответил полковник. --- Они стали приманкой для беженцев, и у нас не хватит людей для их охраны.

--- Мне надо поговорить с генералами, --- сказал Костеллин. --- У меня еще куча вопросов.

--- Развернем системы связи на земле, --- ответил полковник. --- Если приказы изменятся, мы об этом узнаем.

--- К тому времени может оказаться слишком поздно. Вы слышали что-нибудь о некронах? Конечно же нет. Мало кто знает. Потому что мало кто выжил после встречи с ними; еще меньше тех, кто выжил и сохранил рассудок.

--- Некроны, --- повторил полковник, словно пробуя на вкус имя нового врага.

--- Когда я был молод, о них даже запрещалось говорить, --- продолжил Костеллин. --- Но слухи все равно ходили. Говорили, что некроны --- древняя раса, клонившаяся к закату еще в эпоху, когда эльдары были молоды. Чтобы спастись от вытирания, они запечатали себя в огромных подземных гробницах и уснули. Сон их длился миллионы лет, но теперь пришло время пробуждения.

--- Вы думаете, на Церонит Тетам присутствуют некроны?

--- Послушайте, полковник, --- сказал Костеллин, усаживаясь в одно из пустых кресел. --- Я знаю, что вас недавно повысили до этой должности. Это первый раз, когда мы работаем вместе...

--- Мы и раньше сражались плечом к плечу. Четыре года назад мы два месяца сидели в одной траншее на Анакреостри. Я служил тогда лейтенантом в роте Гатла.

--- Точно. Я хочу сказать, что в моем положении приходилось слышать такое...

такие вещи, о которых я бы предпочел не
знать. Я слышал рассказы о мирах, где
обнаруживали гробницы некронов, и
страшной судьбе этих миров.

--- В чем бы ни заключалась угроза
этой планете, --- сказал полковник, --- мои
ребята встретят ее лицом к лицу.

--- Лицом к лицу, --- заметил
Костеллин, --- можно встретиться с такой
армией, как на Даске. Но сейчас, полковник,
у нас всего четыре полка, притом
неполных. Если мои подозрения оправданы
--- является ли прямое столкновение для
нас лучшей стратегией? Не лучше ли
просто убираться отсюда, во имя
Золотого Трона.

--- С Криза отправлено подкрепление, ---
ответил полковник.

--- Подозреваю, тут нужны не
наземные войска, --- сказал Костеллин, --- а
батарея циклонических торпед, способных
разнести проклятую планету в
костическую пыль. Но Церонит Тетра
богата минералами, ценными для
Империи.

--- Вы так и не объяснили, зачем вам

нужна связь с генералами.

Костеллин устало вздохнул, не видя смысла продолжать разговор. Он достаточно хорошо знал людей Круга и примерно представлял, как работают их мозги. В обычных обстоятельствах генералы никогда бы не бросили четыре обескровленных полка против армии некронов, численность и возможности которых совершенно неизвестны. Они бы просчитали ситуацию и решили, что риск поражения и уничтожения слишком велик. Но сейчас сложились необычные обстоятельства.

Милостью Императора «Мелентос-тори» оказался достаточно близко, когда поступили первые донесения о положении дел на Цероним Тета. Корпусу Смерти выпал редкий шанс: отреагировать на вторжение некронов, если это они, на самой ранней стадии. Ставка делалась на то, что войска смогут сдержать его достаточно долго, прежде чем угроза поглотит этот и, возможно, многие другие миры. Расчет делался на решительный удар, возможно первый в

истории, но врагу, существование которого
Империя лишь недавно признал и
сражаться с которым еще толком не
научился. А ставкой в рискованной игре
были всего-то двадцать тысяч человек.

— Вы знаете, что я буду драться за
Императора до последнего вздоха, — сказал
Костеллин. — Но просто боюсь, что
миссия, которую нам поручили, может
оказаться напрасной.

— Наши жизни в Его руках и на все
Его воля, — сказал полковник.

Он и вправду говорил, как его
предшественник.

Они ставили палатки на холме около
костюпорта, разбивая лагерь для беженцев,
быстро разрастающийся. Бесконечная
череда имперских машин снабжения
спускалась по склону, наполняя воздух
адовитым дымом двух тысяч рычащих
моторов. Лучи фар машин упирались в
крепостные стены, построенные, чтобы
закрыть нижние уровни города, и
расползались вдоль них.

Взгляд Костеллина скользил по

верхней крошке стены. Вырастававший за ней Церонил-сити выглядел темным зловещим силуэтом в лунном свете луны. Комиссар безнадежно осматривал печальные башни, сплетения эстакад, выискивая признаки движения, жизни, надежды... Сотни тысяч, миллионы людей оказались пойманы в ловушку в этих башнях, на этих эстакадах, за этими стенами. В ловушке — потому что не хватило транспорта, потому что тревожились о любимых или просто не могли бросить все, что имели. Они могли еще этого не знать, но отсюда становилось ясно: город мертв. Костеллин лишь молится, чтобы того же нельзя было сказать о всей планете и солдатах, столько ее защищающих.

Он вспоминал о захолустном баре на захолустной планете, где подвыпивший инквизитор шепотом и намеками рассказывал об ужасах, отраженных в секретных архивах, об оживших мертвецах, закованных в живой металл.

Он думал о заслуженном ветеране прославленного полка, запертом в

закрытой лечебнице, безумце, бормочущем
об оружии, обдирающем человека заживо,
слои за слоями, до самой бессмертной души.

Он вспоминал о когда-то читанном
докладе легендарного комиссара Кайафаса
Каина, посвященном кампании на
промерзшей планете Сумиа Орихалка.
Цензура прошла по тексту немилосердно,
противник так и не был назван. Однако
Костеллин хорошо запомнил две вещи:
опасность пришла из подземных туннелей,
впоследствии планета была уничтожена.

Он думал о странных железных
насекомых и рунах на колонне, от которых
начинали болеть глаза.

И еще он думал о недавно завершенной
войне на Даске. Там он хотя бы знал, с кем
сражается его полк и ради чего. Он
чувствовал, что они справились, пролили
свет Императора на отсталый мир, но и у
этой большой победы была цена. Они
потеряли там очень много людей, почти
треть состава.

Костеллин устал — устал быть
единственным, кому не все равно.

Глава шестая

Гюнтер понятия не имел, где находится. Раньше он никогда не забирался так далеко от дома. Впрочем, темнота все равно не позволяла ничего разглядеть. Он просто следовал за людьми, идущими впереди него, которые, в свою очередь, шли за отделением солдат, ориентируясь на свет их фонарей. Гюнтер чувствовал себя словно в ловушке, стиснутый со всех сторон чужими телами, как во время бегства от мутанта тем вечером с Аркс. На сей раз он даже не знал, от чего убегает. Не имел ни малейшего понятия, когда, как и откуда может прийти угроза, и потому не знал, как ее избежать.

Тем не менее теперь Гюнтер приспособился к ритму множества ног, переставляемых толпой, а нервная

взвинченность поутихла благодаря усталости. Уже час он не слышал новых криков или взрывов. Что бы ни происходило в Церонил-сити, он надеялся, что самое худшее позади. Неясно только, сколько еще осталось идти до городских стен, а затем от них до космопорта.

Это был долгий день. Гюнтер провел вторую его половину с многочисленными командирами прокторов, потом с парой офицеров СНО. Всем им он вновь и вновь пересказывал историю об артефакте в шахте, опуская разве эпизод своего трусливого бегства. Вернувшись в свой кабинет, он ответил на звонок самого губернатора и рассказал всю историю еще раз. Сначала, оказавшись в центре внимания, он чувствовал себя важным. А потом — просто усталым.

Вечером он законсервировал шахту, как предписал ему губернатор. Каждый из бригадиров засыпал его множеством вопросов, но Гюнтеру велели сообщать как можно меньше информации, чтобы не допускать паники.

— Я знаю не больше вашего, — говорил

он, — но уверен, что это всего лишь меры предосторожности.

Он отправил Крейц домой. Оставшись один в кабинете, тишину которого сейчас не нарушало даже гудение котлинка, Тюнтер почувствовал, что веки налились свинцовой тяжестью, и осознал, что не спал уже тридцать шесть часов.

Проснулся он в совершенно темной комнате от звука усиленных рупоров голосов, доносящихся снару́жи.

Оттуда ему пришлось проделать путь к лестничной клетке, ссадив коленку и ободрав локти. Подняться на два этажа вверх до ближайшей эстакады, где солдаты СНО приказали ему присоединиться к охраняемой войсками колонне шириной в десять и глубиной в шестьдесят человек. Казалось, эвакуировался весь город. Когда он спросил, в чем дело, ему ответили:

— Я знаю не больше вашего, сэр. Но уверен, что это всего лишь меры предосторожности.

Людская масса продвигалась до боли медленно. Конвой останавливался у каждой

башни, где солдаты кричали в
громкоговорители и ждали, пока к колонне
присоединится очередная партия
напуганных беженцев. Не все были готовы
покинуть родной дом посреди ночи
затевая споры и расспросы. Но немногие
рисковали остаться. Вскоре колонна
угубила численность, и Гюнтер уже не мог
понять, насколько она растянулась.

Он слышал, как солдат говорил по
рации, и разговаривал, что конвой, по крайней
мере, не отрезан от остального мира.
Боец описал местонахождение группы и
получил некие предписания. Похоже, им
приказали свернуть по довольно странной
причине. Если Гюнтер не ослышался,
ближайшая эстакада почему-то
обрушилась вниз. Эстакада обрушилась?
Что это значит? Как такое вообще
возможно?

Ночной холод пробрал до костей. Он
потер руки о серую рабочую куртку, но это
не сильно помогло. Он пожалел, что не
переоделся этим утром в пальто, — но
кто же думал, что день закончится
таким образом? Если бы знать, он бы

прихватил из дома и другие нужные вещи... Гюнтер отбросил эти мысли прочь. «Все будет хорошо, — сказал он себе, — Император защищает».

Конвой повернул влево, миновав несколько пустых домов, а потом резко стал забираться вправо. Гюнтер почувствовал ногами нечто, что на поверку оказалось глыбой пластбетона. Обломков становилось все больше, и вскоре он уже карабкался по куче строительного мусора. Гюнтер связал воедино разговор солдата и отдаленные взрывы — нервы вновь начали сдавать. Допустим, находка и впрямь оказалась бомбой. Возможно, не единственной. А что, если в городе спрятаны еще?

Кусок стекла заскользил под ногой — и Гюнтер упал на что-то влажное и мягкое. Он уперся коленями в наполовину засыпанный мусором туннел. Зажав рот, муччина заставил себя встать на ноги и вскоре увидел еще одну бледную руку, торчащую из-под обломков. Позади он услышал вскрик, а затем успокаивающий голос. То тут, то там беженцы

наталкивались на тела мертвых
сограждан. «Сколько же людей заживо
погребено здесь?» — подумал Гюнтер.
Смерть настигла их внезапно, многие
просто сидели, ни о чем не подозревая, в
своих домах или спали в постелях.
Возможно, они не успели даже испугаться,
их жизнь оборвалась раньше, чем
несчастные поняли, что вообще
происходит.

— Смотрите, что там?! — крикнул
кто-то. — Кто-то движается. Похоже, он
еще жив.

Голос раздался всего в нескольких
рядах от Гюнтера. Толпа подалась вперед,
и два человека, включив слабенькие
фонарики, стали растаскивать обломки.
Вскоре из-под катней показалась смутная
фигура, не более чем силуэт во тьме,
пытавшийся встать. Выживший оказался
весь в крови, изувечен, сгорблен. Гюнтер
подумал, что не следовало бы ему
вставать и беречь раны, пока не
подойдут солдаты с аптечками.

Наконец фигура выпрямилась во весь
рост. Внутренний голос завопил прежде,

чем мозг осознал, что что-то здесь не так. Словно вторя внутреннему воплю, раздался чей-то крик позади, и еще один, далеко впереди. Внезапно Гюнтер понял, что увиденное им не игра воображения или оптический обман. Перед ним — не человек.

Другие тоже это увидели, включая тех, кто подошел помочь. Но было уже слишком поздно: злобещая фигура повела плечами — и двое из толпы согroгнулись, захрипели и умерли. Секунда понадобилась Гюнтеру, чтоб осознать, что произошло: создание пронзило людей когтями. Карманный фонарик выпал из рук вскрикнувшей девушки, его свет упал на бесконечности существа, и Гюнтер увидел, что они представляют собой глиняные лезвия, отливающие серебром, каждое около метра длиной.

Создание двинулось вперед, когти нашили третью и четвертую жертву. Теперь Гюнтер совершенно отчетливо увидел металлический череп и куски мертвой плоти, прилипшие к скелетообразному туловищу. Затем, когда

тошнотворное зловоние ударило в ноздри, пришло понимание, что все гораздо хуже. Плоть не принадлежала твари, монстр использовал ее словно одежду. Он, видимо, освежевал труп, чтобы замаскироваться под человека. Чудовище выжигало, пока кто-то подойдет, чтобы помочь.

Гюнтер никогда, ни в каких книгах, мифах или голопрограммах не видел таких монстров. Даже недавний мутант не шел ни в какое сравнение. Никакие читанные им летописи не подготовили его к мысли, что Вселенная вообще способна рождать подобных чудовищ. Больше всего на свете ему сейчас захотелось попросту убежать. Однако ноги налились свинцом, а взгляд оказался прикован к блестящему, мертвому, металлическому лицу упыря. Впрочем, куда тут удрать? Эта тварь здесь не одна. Теперь крики ужаса неслись со всех сторон.

Подбежали двое солдат с лазгантами на изготовку. Гюнтер начал шептать молитву, но оборвал ее на середине. Первый солдат, бледный от страха, не мог

угрожающими руками прицелиться. Другой сделал два выстрела, но промахнулся. Однако этого хватило, чтобы чудовище заметило угрозу и развернулось, с удивительным проворством бросившись на солдат. Гюнтеру стало стыдно за вздох облегчения. Теперь тварь не приближалась к нему.

Тварь побежала, небрежно срезав по пути головы еще двум гражданским, не успевшим убраться с дороги. Солдат сделал еще один выстрел, ударивший монстра в плечо. Это заставило тварь на мгновение замереть, и Гюнтер задержал дыхание. Упырь набросился на солдата, и тот заверещал, когда когти-лезвия зателькали и закружились вокруг него. Стало понятно, что это не просто убийство. Упырь целенаправленно сдирает со своей жертвы кожу. Солдат рухнул окровавленным куском мяса, еще живой несколько мгновений, уставившись на ужасную тварь глазами, которые он больше не мог закрыть. Его напарник обратился в бегство, не в силах вынести зрелища, и упырь бросился за ним.

Гюнтер наконец страхнул оцепенение. Толпа разбежалась во все стороны, и он выбрал путь, максимально удалявший его от чужовища. Слишком поздно до него дошло, что он бежит именно туда, откуда пришел, назад в город, откуда пытался выбраться.

Он едва не врезался в одного из солдат, отступающих от гругого железноликого монстра, облаченного в человеческую плоть. Вторым унырь взмахнул лезвиями — и те прорезали бронированный нагрудник солдата с такой легкостью, будто тот был из картона. Тот попытался на Гюнтера, забрызгав кровью его одежду, и, уже мертвым, сполз на землю. Выживший солдат перевел лазган на автоматическую стрельбу и открыл бесконтрольный огонь.

Как мигнул два выстрела прошли мимо монстра, ранив гражданских, но целой очереди оказалось достаточно, чтобы заставить напавшего пошатнуться. Гюнтер снова зашептал молитву, глядя, как тварь дергаясь падает на землю. Солдат приставил лазган к голове уныря и

вышиб ему мозги — если у этой твари они вообще имелись. Гюнтер почти закричал от радости. Но тут солдат застыл, глаза его расширились, изо рта полилась кровь. Рука с когтями-лезвиями ударила снизу, вынотрошив его. Еще одно существо вылезало из-под обломков.

Гюнтер побежал и вскоре оставил позади, ощутив под ногами твердую землю. Он бежал вместе с сотней других человек, но вскоре они начали исчезать в темных проулках, прятаться за углами и в опустевших домах. Соресон двигался почти вслепую, ничто не освещало дорогу — луна исчезла за облаками, а фонари не работали. Он бежал и думал, как же быстро его жизнь превратилась в постоянное бегство от одного ужаса к другому.

Ему следовало поднять лазган, вывавший из рук солдата. Жаль, что он понял это слишком поздно, в тот момент, когда это даже в голову не пришло. Еще вчера он так бы и сделал. Но крайней мере, он так думал. Он представлял, как стреляет из лазгана, повергая ту мерзкую

тварь. Шанс стать героем, о котором он так мечтал. Но это было вчера, до мутантов и артефакта — до того, как Гюнтер Соресон понял, что в нем нет ничего от героя.

До того, как он увидел, что бывает с героями.

Гюнтер завернул за угол и наткнулся на брошенное таксо: слишком поздно, чтобы успеть обогнуть машину. Споткнулся о ступеньки, упал, не в силах подняться. Он лежал в беззвучной темноте несколько минут, пока не восстановил дыхание.

Амцитовое кольцо впилось в бедро, и он подумал об Арекс. До этого он не очень-то за нее волновался: как член семьи губернатора, девушка была в наименьшей опасности среди всех в этом городе. Но кто мог защитить ее от того, что Соресон увидел только что?

Может, надо отправиться в Высокий Шпиль, найти ее? Но во время бегства он столько раз петлял и сворачивал, что теперь не имел ни малейшего

представления, в какой части района находится и где городские стены. Он безнадежно заблудился. Впрочем, если бы он и знал, где находится, это не сильно помогло бы ему. Между ним и стеной теперь железные уныри, и сам Высокий Шпиль тоже может оказаться тупиком. А Арекс давно оттуда эвакуирована. Возможно, ищет его сейчас в космопорте.

Куда ни иди, дела лучше не станут. Так что разумнее всего оставаться здесь, найти укрытие на оставшуюся часть ночи. Утро вечера мудренее. По крайней мере, при дневном свете он сможет отличать друзей от врагов и увидит, в какую сторону двигаться.

Гюнтер взобрался вверх по ближайшим ступеням и стал дергать первую дверь, которая, увы, не поддалась. Попытки ее вышибить создали бы лишнюю шум. Пройдя дальше по эстакаде, Гюнтер попробовал еще три двери и наконец нашел одну со слотанным замком. Первая попытка войти наткнулась на сопротивление изнутри. Гюнтер нажал сильнее и услышал звук падающей

тебели. Дверь приоткрылась, сдвинув шкаф, процарапавший ножками пол, и Гюнтер протиснулся в пустой темный вестибюль. Вдоль левой стены шли двери комнат, а справа располагалась деревянная лестница, уходящая вверх и вниз.

На лестнице мелькнула тень. Раньше, чем Гюнтер успел среагировать, что-то прыгнуло на него — что-то рычащее и хрипящее. Он потерял равновесие, закачался, отступая назад к входной двери, захлопнувшейся за ним. Он не мог разглядеть напавшего в темноте, лишь чувствовал град сынящихся на него ударов. Гюнтер машинально поднял обе руки, надеясь закрыть ими лицо, и локтем ударил противника в горло.

Взревев от боли, существо отшатнулось. Оно попало под луч лунного света, едва пробивавшийся сквозь закопченное окно лестницы. Но даже этого Гюнтеру хватило, чтобы понять, что, вопреки страхам, перед ним человек. Мужчина средних лет с густыми черными волосами и бородой.

— Все хорошо! — вскричал Гюнтер.

вскинул руки вверх. -- Все нормально! Я человек, как и ты. Я просто... Просто хотел где-то спрятаться.

Человек не ответил, пытаясь восстановить дыхание, но, кажется, несколько успокоился. Но все равно он остался настороже, сохраняя дистанцию.

-- Ты тут живешь? -- спросил Гюнтер. -- В этом жилом блоке?

Мужчина покачал головой, выдохнул:

-- Я думал, ты одна из этих тварей.

-- Ты тоже их видел? -- спросил Гюнтер. -- Ты был в развалинах?

-- Они пахнут смертью. Там было так много крови, и этот запах... Я испугался и побежал. Увидел, что тут открыто, и зашел. Хотел забаррикадироваться. И тут ты. Я решил, что они меня преследуют.

-- Не думаю, -- ответил Гюнтер. -- Я попробыв снаружи долго и не видел... Вряд ли они преследуют нас.

-- Что это за твари? И, во имя Императора, откуда они взялись?

-- Я и сам хотел бы знать... И что нам теперь делать? Остаться здесь?

Может быть, это безопаснее. Может, снова забаррикадируется?

— Ни к чему. Ты же сам видел, это не помогает. Не знаю, о чем я думал. Если забаррикадироваться, станет ясно, что в доме кто-то есть. Да и все равно эти твари могут разрушать здания. Не хотел бы я... не хотел бы оказаться в ловушке в этом доме, если...

Гюнтер до сей минуты не задумывался об этом, а когда пришлось — мысли были трачными.

— Я Вебер, — сказал мужчина, подойдя ближе и протянув руку.

Гюнтер пожал ее и тоже представился.

— У меня торговая база на двести первом этаже, — сказал Вебер. — Вернее, была. Думаю, у нас у всех что-то было. Была работа, было жилье.

— Не все так плохо, — ответил Гюнтер. — Не может быть все так плохо. Здесь СНО. Они разберутся, и все вернется в норму.

Вебер насмешливо фыркнул.

— Ты, видимо, не видел того, что я

Эти солдатики были повержены быстрее гражданских. Половина позабыла, как пользоваться лазганом.

--- Это всего лишь одно отделение. Вскоре появятся гаубицы и танки. Если и этого мало, можно вызвать Имперскую Гвардию. Мы слишком... Наш мир слишком ценен для Императора, и мы всегда были верны Ему. Мы хорошо служили Ему. Император защищает.

--- Ты посмотрелся хроник, --- проворчал Вебер, шагая по коридорам и пробуя открыть двери. --- Я тут недавно говорил с одним парнем с двести четвертого. Он рассказал, что их атаковал рой стальных жуков. Они разрушили здание, просто отрезая от него куски, как...

--- Двести четвертый? --- переспросил Тюнтер. Это было близко к его дому. Слишком близко.

--- Я предлагаю, --- сказал Вебер, --- забраться в пустую квартиру и переночевать.

Незапертая комната нашлась

этажом выше. Она была точно такой же, как комната Гюнтера, как все комнаты, где он когда-то жил: раковина в одном углу, плита в другом и единственная кровать за ширмой. Эту комнату он от других отличало лишь окно, выходящее на эстакаду.

--- Будем спать по очереди, --- сказал Вебер. --- Один спит, второй караулит.

Гюнтер согласился, взяв на себя первую смену. Он, впрочем, сомневался, сможет ли в случае опасности что-то сделать. Как бы он ни нуждался во сне, натянутые нервы не позволят ему заснуть. Минуту спустя Вебер плюхнулся на кровать и захрапел. Гюнтер зашагал взад-вперед по комнате, пытаясь согреться. Когда он догадался посмотреть в шкаф, то нашел там пальто из шкуры зрелого оленя. Обрадовавшись находке, Гюнтер немедленно надел его и устроился в кресле. От его дыхания на окне появился запотевший кружок. Вебер сначала раздражал громким храпом, но потом его дыхание выровнялось. Гюнтеру стало почти жарко в пальто, и он хотел его

снять, но для этого пришлось бы выбраться из уютного кресла.

Он закрыл глаза на секунду, дав им отдохнуть; следующее, что увидел, --- мерцающий свет. Гюнтер испуганно вскочил с кресла. Как долго он проспал? Он надеялся --- не очень. Снаружи все так же темно, Вебер хранит на кровати. Но было что-то еще...

По эстакаде двигались плотным строем фигуры, девять или десять. Должно быть, свет их фонариков попал в окно и разбудил Гюнтера. Сначала он подумал, что это солдаты. Они двигались как солдаты, а не сутулой звероподобной походкой череполиких упырей. Гюнтер подумал, не разбудить ли Вебера и что надо привлечь внимание солдат, разбив окно. Он не слишком хотел вновь оказаться на холоде улицы, но ведь солдатам может быть известен безопасный выход из города. Может быть, у них даже есть транспорт.

Тут луч фонарика выхватил одну из фигур из темноты, и Гюнтер оторопел.

Да, это наверняка был солдат. Черная шинель, вещмешок, шлем, тяжелый

бронезилет, лязган в руках. Но вот лицо его больше походило на лица тех тварей: бесчувственный металлический череп с пустыми глазами. От нижней части лица тянулся шланг к сумке, словно сам воздух планеты был вреден для него.

Гюнтер нетерпеливо рухнул на пол, ругая себя, что не поступил так сразу. Вдруг они его уже видели? Вебер, видя это, услышал его или что-то почувствовал, потому что внезапно проснулся и вытянулся в струнку.

--- Что там? --- шепотом спросил он.

--- Что-то снаружи.

--- Упыри? Они возвращаются?

--- Не упыри, --- Гюнтер потнул головой. --- Но не лучше.

Глава седьмая

Губернатор Хенрик стоял на вершине самой высокой башни Церонил-сити, служившей ему резиденцией, и обозревал окрестности с таким чувством, будто видит все это в последний раз. Его город лежал внизу, объятый дымом, клубы пыли поднимались с нижних уровней. Только что на его глазах обвалилась еще одна башня. Тогда он еще медлил с эвакуацией, поскольку опасность казалась далекой. Теперь же губернатор притоптывал от нетерпения, глядя, как заходит на посадку флаер и поднятый им ветер треплет волосы. Хенрик знал, что Высокий Шпиль падет с минуты на минуту. Возможно, его фундамент разрушается прямо сейчас, а Хенрик узнает об этом, только когда она развалится у него под ногами.

Как только аппарат приземлился,

Хенрик победил и немца, взобрался по
крышу и плюхнулся в кресло, его охранники
уселись по обе стороны от губернатора.
Аппарат угрожал и завыл, сражаясь с
гравитацией. Хенрик не понимал, как
этот угловатый ящик вообще может
летать, но тем не менее взлет состоялся.
Губернатор испытал облегчение, ощутив,
что парит в безопасности, но это чувство
вскоре сменилось горечью.

В свете прожекторов Хенрик
разглядел нижнюю эстакаду, а на ней ---
прокторский грузовик, на который он
погрузил все самое ценное. Там были его
медали и личные гололиты, антиквариат,
живопись и любимое кресло. Техноагенты
бились над наружными лифтами, пытаясь
подключить их к аварийным источникам
энергии. Если им повезет, то грузовик
сможет переправиться за городские стены.
Но столько всего пришлось бросить!
Проклятье, он заслужил свое положение и
привилегии! И совсем не хотел начинать
все с нуля в другом месте. Хенрик не
хотел становиться губернатором,
потерявшим свой мир, --- и поклялся, что

не станет. С этой мыслью он повернулся к телохранителю слева:

--- Соедините меня с Кальдером еще раз. Я хочу знать, что происходит.

Солдат послушно выполнил просьбу, и долгих десять секунд спустя Хенрик услышал в своем вокс-наушнике голос сержанта:

--- Продолжаем прочесывать двести четвертый этаж. Часть эстакад разбита, поэтому приходится искать обходные пути.

--- А что пеленгатор? --- спросил Хенрик. --- Он еще... Она еще...

--- Двигается, сэр. Кварталов пятнадцать отсюда... и приближается. Мы доложим, как только заметим ее.

Хенрик откинулся в кресле, потирая усталые глаза. Почему Аркс решила устроить бунт именно сейчас, а не в какой-нибудь другой день? Почему не послушалась предостережений? Конечно, его племянница всегда была упряма, но он не думал, что ее желание перечить дяде сильнее чувства самосохранения. Он не мог представить, почему он ушла так далеко

от Высокого Шпиля, на столько этажей
вниз. Но крайней мере она еще двигалась.
Хенрик возблагодарил Императора за
пеленгатор, встроенный в ожерелье,
подаренное Арекс матерью. Слава
Императору за идею внедрить в
безделушку жучок -- теперь СНО могут ее
отыскать. Должны.

-- Как там генерал Тренчарг? --
спросил он солдата рядом. -- Полагаю,
новостей нет?

-- Нет. Похоже, генерал находился
дома, когда его корпус... когда рой
насекомых... В наших списках он значится
пропавшим без вести. Но скорее всего, он
погиб. Сейчас его обязанности выполняет
полковник Браун, пока... Мы не знаем
наверняка...

Последнюю фразу Хенрик слышал в
эти дни куда чаще, чем ему бы хотелось.
Похоже, вдруг все потеряли уверенность в
чем-либо. Например, никто не знал, что
случилось с главным городским
генератором. Он послал прокторов на
разведку, потом и СНО, но никто не
докладывал и не вернулся. И Арекс...

Он заставил себя выбросить ее из головы. Пусть СНО занимается ее поисками. Тем временем вдалеке показалось огромное кольцо Порт-Церонита. Губернатор зажмурился — заболели глаза, привыкшие к темноте. Флаер, заходя на посадку среди огней, едва не чиркнул брюхом о стену костюпорта. Губернатора Хенрика ожидала работа. Надо было спасти мир.

Конечно же, его узнали. Пока он шел через главный посадочный терминал, его окружили отчаявшиеся горожане, пытавшиеся к нему пробиться, чтобы донести свои просьбы. Губернаторская охрана взяла лазганы наизготовку, и этой демонстрации оказалось достаточно, чтобы удержать толпу. Хенрик смотрел прямо перед собой и думал о вещах более важных, чем жалобы беженцев.

Он попросил проктора отвести его к человеку, который сейчас представляет власть в костюпорте. Проктор повел его вверх по лестнице в коридор, застеленный коврами и свободный, к счастью, от

беженцев. Впрочем, он был забит
солдатами Круза, переносившими
снаряжение и мебель между
административными офисами
костюпорта. Почти мертвая тишина,
сопровождавшая эти действия,
действовала губернатору на нервы, до того
эти люди напоминали сервиторов.

--- Полковник, --- произнес он, разглядев
нашивки руководящего операцией
гвардейца, --- не введете меня в курс дела?

--- Я вас не знаю, --- ответил тот,
наградив губернатора долгим взглядом
сквозь линзы противогаза.

Хенрик нахмурился и только потом
заметил номер на наплечном знаке.

--- Прошу прощения, --- сказал он, --- я по
ошибке принял вас за полковника Сорок
второго. Мы с ним встречались. Вы,
должно быть, полковник... Сто восемьдесят
шестого, да? Меня зовут Хенрик, я
планетарный губернатор.

--- Ясно, --- резко ответил полковник. ---
Официально сообщая вам, губернатор, что
планета Цероним Тета переходит на
военное положение. Вы освобождены от

должности.

Он развернулся и прошел в открытые двери ближайшего кабинета, оставив Хенрика в недоумении.

--- Минуточку! --- воскликнул губернатор. Он хотел пройти следом за полковником, но путь загородила фигура поджарого сеговластого мужчины лет шестидесяти, свысока взирающего на кругленького коротышку-губернатора.

--- Комиссар Костеллин, --- представился он. --- Возможно, я смогу ответить на ваши вопросы.

Хенрик бросил последний раздраженный взгляд на полковника Крига, который теперь командовал небольшой группой гвардейцев, устанавливающих аппаратуру связи. Потом, не переставая хмуриться, пожал руку комиссару и позволил тому увести себя.

Костеллин занял маленький кабинет в конце коридора. Он уже раздобыл термос рекафа, и чашка на подносе источала пар. Хенрик нетерпеливо отказался от предложенного напитка. И вскоре пожалел

об этом, поскольку го́за горячего стимулятора ему не помешала бы. Котиссар сел в кресло, и лицо его стало мрачным.

--- Ситуация, --- начал он, --- сложилась весьма серьезная. Возможно, даже серьезнее, чем вы думаете. Наши войска в столице докладывают...

--- Вы послали войска в мой город? --- спросил Хенрик.

--- Пока что лишь несколько взводов. Их задача состоит...

--- Меня не волнует, в чем состоит их задача. Я все еще имперский губернатор этого мира, независимо от того, что там говорит ваш полковник в маске трупа. Я отвечаю за благосостояние моего народа, и я требую, чтобы со мной советовались, прежде чем...

--- Разделяю вашу точку зрения, губернатор Хенрик, --- спокойно сказал Котиссар, --- и я знаю, что полковник Стокросельдесет шестого отличается своеобразными манерами.

--- Это мягко сказано, --- проворчал Хенрик.

— Но я могу заверить вас, тем не менее, — сказал Костеллин, — что полковник действует исключительно в интересах этого мира и его граждан.

— Как он их понимает, — уточнил Хенрик. — Я же смею себя полагать более компетентным в этих вопросах.

— Полковник уже объяснил вам, губернатор, что здесь имеет место военная операция, успех которой определяется временем. Нам пришлось совершать трудный выбор и делать это со всей возможной быстротой. Иногда это означает...

— Продолжайте, — нетерпеливо сказал Хенрик. — Я готов услышать плохие новости.

Костеллин рассказал. О железных насекомых, о которых Хенрик уже слышал, затем об упырях, вынырывающих из-под обломков башен Церонит-сити, о которых он не знал. Объяснил, что согласно сканерам войскового транспорта на орбите более ста башен потеряли не меньше сорока верхних этажей. Куда больше, чем боялся Хенрик.

— Один из наших взводов подвергся атаке, — сказал Костеллин. — Пятьдесят гвардейцев Круга, четверть состава вооружена мелтаганамми, вдвое превышали численность противника. И при этом потери составили тридцать процентов.

— Но они побегули? — с надеждой спросил Хенрик.

— Да, — подтвердил Костеллин. — К сожалению, мы подозреваем, что эти создания — лишь авангард куда большего войска некронов.

Хенрик услышал слово «некрон» впервые в жизни, но оно обдало его холодом.

— Вы думаете... Вы думаете, надежды нет?

— Полагаю, — ответил комиссар, — вам стоит прислушаться к командованию флота и попытаться успеть на один из эвакуационных кораблей.

После этих слов комиссар отхлебнул рекафа. Грозный грохот орудий сотряс стены кабинета, а с потолка посыпалась штукатурка. Хенрик онемел от ужаса и так вцепился в подлокотник, что кончики пальцев побелели.

--- Что происходит, Костеллин? ---
требовательно спросил он.

--- Вы наверняка видели, покидая
город, что он весь полностью окружен.
План операции состоит в том, чтобы
перекрыть все выходы и изолировать
некронов внутри...

--- Вы не можете! --- вскричал
Хенрик. --- Там еще миллионы людей!

«Аркс», --- подумал он.

--- Естественно, --- невозмутимо
ответил Костеллин, --- мы выделим
больше времени на эвакуацию. Спасем так
много людей, сколько сможем. Но мы
должны думать о тех тысячах,
покинувших город, а также о миллионах,
населяющих другие города планеты. Мы не
сможем пойти на риск...

--- Вы бросаете их, --- сказал Хенрик, ---
тех, кто не выбрался вовремя. Вы
приносите их в жертву.

--- Порой наступает такое время, ---
ответил Костеллин, --- когда необходимо
принимать именно такое решение.

--- И кто же его примет? Кто решит,
кому жить, а кому умереть? Нет, нет, не

отвечайте. Я, кажется, уже знаю.
Полковник Сто восемьдесят шестого, да?

Хенрик ждал полковника Брауна, глядя, как вереница его незакрытых полугусеничных машин втягивается в ворота костопорта. Временно командующий Силами планетарной обороны был грузным мужчиной за сорок, с ругаными щеками и морщилившимися губами. В бронетранспортере с ним были майор и два лейтенанта, каждый из которых прилип к своему вокс-передатчику, получая доклады и отдавая распоряжения.

— Мы потеряли связь с половиной подразделений, — доложил Браун губернатору. — Некоторые успели доложить о столкновении со странными тварями. Вроде ходячих мертвецов с железными черепами. Я приказал им отступить, но...

— Отделение восемьдесят четыре не отвечает, — сообщил один из лейтенантов, — боюсь, их мы тоже потеряли. Они были ближе всех к

генератору. Но их сообщениям, эстакады выглядели подозрительно тихо. А потом... Отделение сепятнадцать движется тудя же, оно несколькими кварталами дальше и на четыре уровня выше. Я могу послать их...

--- Отбой, --- сказал Хенрик. --- Забудьте про генератору. Всему подразделению срочно приступить к эвакуации. Они должны вытащить из города как можно больше гражданских.

--- Докладывают, --- вмешался второй лейтенант, --- о стычке на первом уровне у Северных ворот. Мутанты прорываются через блокпост.

Полковник Браун хотел ответить, но Хенрик опередил его:

--- Послать в подкрепление все силы, которые в состоянии подойти. Мы не должны отдавать эти ворота. Удерживать их до тех пор... Удерживать их.

--- Отряд пятнадцать сообщает о беспорядках в...

--- ...атака на гражданских на восемьдесят втором уровне. Сержант

Каттер запрашивает...

--- ...отрезаны и не могут отыскать лестницу...

--- ...потеряли пять бойцов, но сумели убить эту...

--- Сэр, очередная засада на двести четвертом. Отделение сорок семь встретило пять -- нет, шесть -- единиц противника. Сержант Кальдер докладывает...

В вихре прилетающих сообщений одна из них прозвучала для губернатора как выстрел. Он вырвал вокс-микрофон из рук застывшего лейтенанта, нажал руну «ответ»:

--- Сержант Кальдер, говорит губернатор Хенрик. Не вступайте в контакт с противником. Отступайте. Слышите меня, отступайте!

--- Легко сказать, сэр. Нас прижали. Нам никак...

--- Послушайте, Кальдер. Ваша главная задача -- найти и спасти мою племянницу. Вы не можете... Вы не справитесь с этими тварями.

--- ...убили одного. Они схватили

Рейнарда и... О Император! Сдирают кожу живьем. Пытается отступить. Но это зрелище... Двое моих ребят побежали, но упыри гораздо быстрее... разделались с беглецами, сейчас направляются ко мне... я не могу...

--- Уходите, Кальдер, это приказ!
Сержант Кальдер!

Ответа не последовало, лишь помехи в воксе.

--- Вы меня слышите, сержант Кальдер? Кальдер, вы там?

Казалось, что все вокруг Хенрика остановилось. Офицеры с удивлением уставились на него, сделав шаг назад. Он понял, что начал орать. Сделал глубокий вдох, перевел вокс-передатчик на открытый канал и сказал настолько спокойно, насколько смог:

--- Всем подразделениям в районе известить четвертого этажа. Мы потеряли связь с... Повторяю, мы потеряли связь с сорок седьмым отделением. Я хочу, чтобы вы нашли их. Пожалуйста.

Он вернулся микробусу лейтенанту, который тут же получил входящий вызов

и отошел, чтобы с ним разобраться. Хенрик проглотил ком в горле, отбросил мысли об Арекс и повернулся к полковнику Брауну.

--- Хорошо, --- сказал он, --- наша форпост в городе потерян. Теперь последует примеру Имперской Гвардии и разобьем полевой штаб в одном из этих зданий. Свяжитесь с другими базами на планете, пусть присылают сюда людей, сколько смогут дать. Мне нужен кабинет не дальше двух дверей от полковника Стовосельдеса шестого. У чашку рекафа на стол.

--- Губернатор, это значит?..

--- Не поймите превратно, полковник, я не сомневаюсь в ваших способностях. Но я считаю, что в этом кризисе нам нужен более опытный командир.

От взгляда Хенрика не ускользнуло облегчение, пусть и тщательно скрываемое, протелькнувшее при этих словах по лицу Брауна.

--- Как бывший офицер Имперской Гвардии, --- сказал Хенрик, --- и губернатор этого мира, я беру на себя командование

Хенрик приказал адъютантам отыскать ящик с его старой военной атрибуцией. Адъютанты суетились вокруг него, полируя кокарду на фуражке, смазывая болт-пистолет. Его старая шинель была тесновата в плечах, а пуговицы не застегивались. Поэтому пришлось раздобыть новую. Хенрик замер недвижимо в центре этой суеты, его глаза были открыты, но не видели происходящего в офисе коменданта — он погрузился в воспоминания юности.

Он думал, что те дни остались позади.

Губернатор вышел в коридор и без стука вошел в соседний кабинет.

— Мистер Хенрик, — сказал полковник Сто восемьдесят шестого, едва удостоив губернатора взглядом. — Я бы предпочел, чтобы вы обращались по всем вопросам к комиссару. Думаю, вы встречались.

— Губернатор Хенрик, — уточнил Хенрик. — Или генерал Хенрик, если

предпочитаете.

Если полковник и удивился, то выразилось это лишь в короткой паузе перед оглашением вывода:

--- Вы приняли командование Силами планетарной обороны.

--- Кажется, нам, в конце концов, придется работать вместе.

Полковник подался вперед в кресле.

--- Как я понимаю, --- мягко начал он, --- ваши войска пока что проявили себя неэффективно. Каковы ваши потери?

--- Точные цифры мне пока неизвестны. Но при всем том мы по-прежнему можем сыграть роль в...

--- Бесспорно... генерал. Любой, кто готов отдать свою жизнь за Императора, независимо от вооружения и подготовки, --- ценный ресурс для нас.

--- Эм... наверное, да.

--- Причем эти ресурсы можно использовать более эффективно, если управляет ими один командующий. Думаю, я должен...

--- Это мои люди, --- твердо ответил Хенрик, --- они будут получать приказы

только от меня, и ни от кого другого. У
если вы хотите обсудить это с
Администратумом...

--- Конечно же, вы немедленно начнете
мобилизацию.

После того как полковник Круза его
перебил, Хенрик на несколько мгновений
лишился дара речи. Он беззвучно открывал
и закрывал рот, пока тот продолжал:

--- Космопорт и его окрестности
полны годных к службе беженцев,
утративших цель. Чем бы они раньше ни
занимались в обществе, сейчас им нечего
делать.

--- Но как? У нас нет обмундирования,
чтобы экипировать всех. Наша планета
всегда была мирной, полковник, нам просто
не нужны были постоянные вооруженные
силы...

--- Вы согласны, что ваши люди ---
ресурс, а мы в нашем положении должны
использовать все ресурсы, что есть в
наличии? Они преданные слуги
Императора?

--- Конечно. Конечно, они преданны,
но...

--- В таком случае они будут счастливы отдать свои жизни за Него. Ведь если противник прорвется наружу, они все равно умрут, но уже без пользы.

--- Как я понимаю, --- сказал Хенрик, --- вы планируете закрыть городские ворота. Внутри находятся в основном мои люди, так что я должен решать, когда...

--- У них есть время до рассвета, --- ответил полковник, --- но, если они его не используют, у них тоже будет почетная возможность пожертвовать жизнью во славу Императора.

Лагерь беженцев разрастался. С вершины холма у костопорта Хенрик мог видеть новые ряды палаток вдоль дорог, протянувшиеся почти до соседних городов. Он говорил в вокс-микروفон с сержантом сквозь всплески помех и гомон обеспокоенных голосов.

--- ...кажется, один из ребят нашел что-то. В развалинах, сэр. Это... Император, спаси нас, это труп! Он похож... кажется, это один из наших.

--- Осторожнее, сержант фласта.

Смотрите, куда ступаете.

Последовала долгая пауза. Хенрик уже собирался повторить вызов, когда вновь прозвучал голос сержанта. Голос был напряжен, словно человек едва сдерживал тошноту.

--- Подтверждаю, сэр. Тело одного из... нашли лазган, но тело обограно... В смысле, кто-то снял плоть до костей. Ума не приложу, кто мог такое сделать.

--- Сосредоточьтесь, сержант. Сконцентрируйтесь. Мне нужно, чтобы... Вы можете его опознать? Есть что-то?..

--- ...нашли медальон. Согласно ему, это рядовой Васор из сорок седьмого отделения. Тут еще двое. Нет, трое! Золотой Трон, тут была бойня!

--- Вы видите сержанта Кальдера? Необходимо его найти.

--- ...нашли его. В том же состоянии, что и остальные. Какая же тварь...

--- Фласт, слушайте меня. У сержанта есть при себе пеленгатор? Похожий на вокс-устройство, только меньше, черное, с...

--- Подтверждаю, сэр. Он тут.

только... Наверное, Кальдер упал на машину, когда... Разбит на кусочки, не работает. Нужен техноагент, чтобы...

Дальнейшие слова скрылись в треске статики, но и того, что Хенрик успел услышать, ему хватило.

Вокс-микрофон выпал из онемевших пальцев. Огун из телохранителей поспешил схватить его. Конечно, Хенрик уже начал привыкать к мысли, что Арксо потеряна для него. В двух километрах отсюда Корпус Смерти Круга начал блокаду его столицы. Гвардейцы минировали поля на границах города, закладывали взрывчатку, чтобы обрушить внешние башни. Наверное, они принесут не меньше разрушений, нежели рои железных насекомых, — и, как и противника, их не заботили сопутствующие потери.

Теперь Хенрику было как никогда легко сдаться на милость судьбы, переложить командование на полковника Сто восемьдесят шестого полка и улизнуть на первом же эвакуационном корабле. Этот путь казался самым легким и безопасным, однако генерал-

губернатор Тальмар Хенрик вел свой род
от героев и этим гордился. Пока есть
хоть капля надежды, он будет сражаться.
И не предаст памяти своего отца, сыновей
и брата.

Он взял громкоговоритель,
принесенный ему огнем
телохранителей. Оглядев море
утоляющих лиц, собравшихся перед своим
лидером, он поднял рупор и произнес:

— Мои сограждане. Я знаю, у вас есть
вопросы. Знаю, что вы напуганы, и не стану
врать вам — наш мир в смертельной
опасности. Вот почему мне... мне нужна
ваша помощь. Я прошу всех годных к
военной службе мужчин от пятнадцати до
сорока пяти отметиться у офицера СНО
до полудня завтрашнего дня. Вы были
избраны... Мы все были избраны для
служения Богу-Императору. И пока наши
сердца остаются чисты, пока мы бьемся во
имя Его с врагами человечества, я верю —
Он не позволит настать тому, что мы
построили здесь. Император защищает!

Глава восьмая

Небо на востоке посветлело, ночная тьма стала таять. Эстакады столицы казались на удивление тихими, окрашенными в сине-серые постельные тона, и рядовой Карвен наконец почувствовал надежду.

Его отделение достигло окраины города. Их оставалось девять усталых солдат плюс несгибаемый сержант Фласт, да еще горсть гражданских лиц, которых они подобрали в пути. Но они еще были на сотню этажей выше земли, а значит, и городских ворот. В темноте Карвену казалось, что им не суждено добраться до них раньше, чем те закроются. Теперь, в предрассветных сумерках, он решил, что нет ничего невозможного. Долгая ночь осталась наконец позади, но утро непростое будет развеять кошмары, которые она

принесла с собой.

Карвену совсем недавно стукнуло девятнадцать лет. Три года он отслужил в СНО, вступив в их ряды с искренним желанием сделать свой мир безопаснее. Его мама часто сокрушалась, что кому-то обуздать отвратительных мутантов, чтобы те держались подальше от честного народа. Вот Карвен и подумал однажды: «Почему не я?» Служба ему понравилась. Она приносила достаточно средств, чтобы переехать на целых девять этажей выше и ему, и матери. Теперь она ворчала гораздо реже.

Но, по большому счету, Церонил Тета была неплохо защищена. Многие грузы Карвена вступили в Имперскую Гвардию, чтобы держать подальше от родной планеты настоящие беды. Поэтому сам он до сих пор не сталкивался с большей опасностью, чем несколько небооруженных, пусть и очень злых, гражданских во время голодного бунта в прошлом году.

До сих пор...

Четыре часа назад Карвен откопал в груде кирпичей освежеванное тело.

Мертвые глаза солдата, его ровесника, до сих пор стояли перед мысленным взором, и зрелище это не стиралось ни временем, ни пробивающимся светом зари. Оно все время было с ним, во всех ужасающих подробностях.

--- Мы обыщем эти здания, --- сказал сержант Фласт, указывая на трачные корпуса по обеим сторонам улицы. --- Надо найти путь вниз.

Карвен никогда еще не выполнял приказы с такой охотой. Он подошел к ближайшей двери и выбил замок одним ударом приклада. Извещение его глаза привыкали к полутьме. Затем он ступил в длинный холл, распуская серых крыс. Тут обнаружилась лестница, заваленная мебелью и всяким хламом. Тот, кто строил эту баррикаду, меньше всего хотел видеть непрошенных гостей с нижних этажей. Однако баррикада оказалась довольно хлипкой --- стол и несколько стульев. Видимо, основной ее задачей было произвести побольше шума, когда кто-либо станет через нее прорываться.

Карвен с легкостью выдернул стул.

стол упал, и появился зазор, позволявший
протиснуться человеку. Лестница
казалась свободной по меньшей мере до
следующей эстакады. Взмолнованный своей
находкой, Карвен вернулся к двери, желая
немедленно доложить сержанту. Он был
уже почти у выхода, когда услышал
доносящиеся с улицы крики и выстрелы.
Юноша застыл.

Он должен прийти и на помощь. Но
при мысли о том, чтобы это сделать,
Карвен вновь увидел окровавленный и
освежеванный труп и еле справился с
приступом тошноты. Ему захотелось
развернуться и бежать, пока не поздно,
вверх по лестнице. Однако совесть не
позволяла бросить товарищей. Кроме
того, что испытает мать, когда ее
первенца казнят за дезертирство?

В конце концов победила совесть. Он
заставил себя медленно, маленькими
шажками, приблизиться к двери. Сбрав
все свое мужество, он выглянул в щелку. Их
предупреждали об унырах с железными
лицами. Последние четыре часа солдаты
ожидали их увидеть в любой момент.

представляя, на что же они похожи в действительности. Действительность превзошла все его ожидания.

Монстры окружали взвод Фласта. Упыри появились с обоих концов улицы, всего их было десять, и они готовились захлопнуть ловушку. В центре эстакады сержант Фласт и солдаты пытались защитить гражданских, но выстрелы, казалось, мало беспокоили тварей, замыкающих кольцо.

Другие бойцы, которые, как и Карвен, вели разведку внутри зданий, вышли и тоже открыли огонь. Одного упыря удалось свалить удачным выстрелом, но этого было недостаточно. Охотники бросились на добычу, и их покрытые засохшей кровью клинки принялись за свою ужасающую работу.

Карвен вскинул лазган, но руки слишком сильно тряслись, чтобы можно было прицелиться. «Они уже мертвы, — твердил он себе. — Сержант Фласт, Гарровэй, Сонгал. Им уже не навредить». С этой мыслью он перевел лазган в режим автоматической стрельбы, и треск

оружия заглушил вопли людей.

Заряда хватило ненадолго. Лазган затолк, и Карвен увидел леденящее душущее зрелище — ухмыляющийся металлический череп. Упыри разобрались со своими жертвами на эстакаде. Теперь они разделились и обратили внимание на разведчиков. Вскрикнув, Карвен отпрыгнул внутрь дома, лихорадочно извлек разряженную батарею, отшвырнул ее в сторону и непослушными пальцами попытался вставить в гнездо новую. Он запылился, читая литанию перезарядки, и аккумулятор выпал из трясутся руки.

Упырь стоял в дверях. Кладбищенский запах ударил в нос, и Карвена затошнило. Он схватил лазган обеими руками, собираясь встретить своего убийцу штыком, хотя и понимал, что это бесполезно.

А потом монстр взорвался.

Ничто не предвещало такого события, просто внезапная вспышка пламени осветила натянутую на металлический торс человеческую кожу, которая мгновенно испарилась, а потом

стал плавиться и железный каркас. К невыносимой вони добавилось облако ядовитого дыма, и Карвен рухнул на четвереньки в приступе мучительной рвоты. Посмотрев вверх сквозь слезы, застилавшие глаза, он увидел, что на месте упыря выросла новая фигура. Юноша чуть не завопил при виде ее лица, вернее, металлического черепа. Затем увидел аквилу на железном шлеме и вновь смог дышать. Железный череп, похоже, был маской, а под ней...

Под ней обнаружилась еще одна маска, на сей раз брезентовая, шланг от которой тянулся к воздушному фильтру на спине спасителя. Хотя внешность вошедшего внушала страх, на его униформе имелись знаки различия Имперской Гвардии, а вооружен он был мелтаганом, который, судя по всему, и спас жизнь Карвену.

Гвардеец посмотрел на Карвена сверху вниз, сунув каким-то образом выразить презрение своей маской, затем повернулся и вышел прочь. Его оружие вновь озарило улицу яркой вспышкой. Устыдившись своей слабости, Карвен

наконец загнал батарею на место и поспешил за гвардейцем, задержав дыхание и стараясь не смотреть на лужу жидкого серебра.

Расклад снаружи резко переменился. Отряд гвардейцев в масках-черепах прибыл с востока, превосходя противника численностью более чем втрое. Некоторые из них были вооружены мелтаганам, у прочих имелись хеллганы — более мощная разновидность лазгана, эффективностью близкая мелта-оружию. Карвену лишь раз в жизни, во время учебы, довелось держать хеллган в руках, а больше он никогда их не видел.

Это оружие удерживало упырей на расстоянии, не давая возможности наступить в ход когти. Парочку испарил, еще двое пали под напором красных лучей хеллганов.

На мгновение Карвен облегченно вздохнул, испытав прилив благодарности к своим избавителям, но эти чувства вскоре рассеялись. Он услышал хлопок, и внезапно число упырей на эстакаде увеличилось вчетверо. Мгновением раньше их было

пятьеро, а теперь стало больше двух десятков, и Карвен не мог взять в толк, откуда пришло подкрепление. Они просто появились из ниоткуда.

Гвардейцы еще какое-то время могли их теснить, но теперь, благодаря численному перевесу, некроны начали отвоевывать позиции. Некоторые из них подобрали тела своих жертв, используя их как щит против огня гвардейцев. Карвен поймал одного монстра на прицел, но эта новая тактика противника заставила его замешкаться — в отличие от гвардейцев, продолжавших вести огонь.

Тело сержанта Фласта прожег снаряд телтагана, и упырь швырнул его, словно огненный шар, в ряды гвардейцев, сломав их строй. От бессилия и гнева у Карвена загрожала нижняя губа — Фласт был хорошим человеком и командиром, он заслужил покой после смерти. Карвен нажал на курок, но бесполезно: немногие выстрелы попали в цель, а настигшие ее лишь срикошетили от гладкой поверхности черепа.

Карвен ожидал, что гвардейцы

отступят. Но те обнажили штыки и бросились на врага, каждый к своей цели. Карвен был поражен и восхищен мужеством гвардейцев, знающих, насколько этот противник опасен в ближнем бою. Они сражались отчаянно, продержавшись дольше, чем фласт и солдаты СНО, но упыри были быстрее и сильнее. К тому же у них было по восемь клинков на каждый гвардейский штык.

Вот упал первый боец, чье сердце пронзили железные клешни. Но прежде чем он коснулся земли, его вместе с противником объяло пламя желты. Карвен понял, что так и было задумано. Десять гвардейцев без колебаний отдали свои жизни, чтобы остальные смогли перегруппироваться.

Успарился второй упырь, третьего срезали мощные вспышки лазеров. Еще одного, к восхищению Карвена, пронзил штык-нож, и гвардеец рухнул в лужу жидкого металла, оставшегося от врага. Солдат встал и развернулся в поисках новой мишени, и в этот момент его жертва, что невероятно, взметнула свои

клинки-когти.

Кравен успел крикнуть, чтобы боец обернулся, но если гвардеец и услышал его, то среагировать уже не успел. Он был освежеван за пару секунд, его убийцу настигло возмездие в виде залпа из нескольких телтаганов. Однако повсюду вокруг уничтоженные, казалось бы, упыри вновь вставали в строй, и Карвену показалось, что надежды нет и кошмар никогда не закончится.

В готах по обе стороны эстакады тоже зрели выстрелы. Еще двое солдат СНО делали все, что было в их силах, понимая, что им не повлиять на исход схватки. Уничтожить упырей по-настоящему могли лишь телтаганы. Судя по всему, это поняли и сами упыри: теперь они сосредоточили свои усилия на тех бойцах, что владели смертоносным оружием.

Прочие гвардейцы, отбросив хеллганы, принялись орудовать огнивом и штыками, защищая тяжелооруженных соратников. Карвен беспомощно наблюдал, как один упырь обошел двух гвардейцев и

подобрался вплотную к бойцу с телтаганом. Тварь взмахнула когтями, разрезая ранец солдата, и оба исчезли в короткой ослепительной вспышке.

Один гвардеец, пятаясь, приблизился к краю эстакады всего в нескольких метрах от дома, где прятался Карвен. Упырь яростно наседал на него. Гвардеец выстрелил дважды и оба раза промахнулся. Карвен попытался прицелиться сам, но цель заслонила спина гвардейца. Через две секунды все закончилось, и солдат упал, залитый ярко-алой кровью. Прежде чем тварь смогла забрать свой приз, лазерный импульс бойца СНО наконец настиг чудище.

Карвен понимал, чего сейчас требует от него Император. Всего в нескольких шагах по эстакаде лежал телтаган погибшего гвардейца. Это оружие сулило возможность если не переломить ход битвы, то хотя бы спасти несколько жизней, и все, что Карвену оставалось сделать, — это взять его и стать тишенью для упырей. «Выбора нет», — сказал он сам себе. Он запретил себе

гуматъ о вурдалаках и их кровавых
кознях, об освежеванных трупах среди
развалин или о горящем теле сержанта.
Он мог только вдохновляться примером
гвардейцев в череполиких масках,
доказывая себе, что он столь же смел и
решителен. Сделать эти два шага...

Карвен погбежал к мелтагану,
припал на колени и схватил его. Сердце
готово было выпрыгнуть из груди, а лагони
вспомели так, что оружие чуть не
выскользнуло из рук. Нащупал спусковой
механизм, не отрывая взгляд от трупа
чупыря в метре от него. Тот еще ни разу не
шевельнулся с тех пор, как упал, но Карвен
не имел права на ошибку.

Сначала он решил, что оружие далось
осечку, не ощутив никакой отдачи и
услышав лишь тихое шипение, но потом
грохотнуло, и железный монстр
расплавился. Карвен насладился
моментом, а потом вспомнил о других
созданиях, чье внимание он, несомненно,
привлек. Он упер оружие в плечо и
понадеялся, что сможет уложить хотя бы
еще одну тварь, до того как погибнет, или

двух — если поможет Император.

Кроме того, он боялся случайно ранить кого-нибудь из своих. Целиться, находясь в гуще рукопашного боя, оказалось не так просто, как он думал. Однако гвардейцы не отличались такой щепетильностью. Огонь их хеллганов только что испепелил двух своих же бойцов, но зато унес в могилу одного упыря. Без сомнения, стрелявший решил, что тем все равно не выжить в бою, так надо хотя бы прогнать их жизни подороже. Карвен, увы, не мог действовать так же.

К нему уже приближались два упыря, обходя гвардейцев с разных сторон. Карвен не мог решить, в кого из них целиться, кто из них подходит быстрее. И когда наконец остановился на левом, понял, что уже поздно, — он не успеет остановить обоих. Но крайней мере, он сделает последний выстрел. Он устоял от соблазна закрыть глаза, чтобы не видеть жуткое искаженное лицо чудовища. Сжал зубы, выстрелил... и промазал, но тем не менее упырь упал — от удара штыком сзади. Он упал прямо возле полумертвого от страха

Карвена, все еще стоявшего на одном колене, и тот, согрозаясь от отвращения, нацелился на неподвижное тело и вновь нажал на гашетку. Выстрел пришелся по касательной, и Карвен в ужасе увидел, как половина упыря пытается встать, тогда как левая растекается по земле лужей расплавленного металла.

Создание метнуло на Карвена взгляд, полный ненависти, которой не могло скрыть даже то, что левая глазница плавилась и растекалась. Тварь бессильно дернулась, затем затихла.

Карвен был еще жив. Быстро перевел дуло вправо, ожидая напороться на когти второго монстра, но тот куда-то пропал. В панике юноша бросился на землю и откатился, но никто не подкрадывался к нему сзади, как он того боялся. Тут Карвен осознал, что наполовину расплавленный упырь тоже исчез и больше не слышно шипения телтаганов или треска лазганов. Сражение закончилось.

Врагов не осталось — ни живых, ни убитых. Исчезли они так же внезапно и необъяснимо, как появились. Но это

значило... это означало, что они могут с той же легкостью вновь возникнуть здесь в любую минуту и никто не угадает, откуда они появятся.

Карвен заставил себя встать с земли и пойти вперед. В наступившей тишине его шаги прозвучали неожиданно громко --- хруст щебня под ногами напомнил треск лазерного огня. Из дверных проемов показались выжившие бойцы взвода СНО, однако теперь их было всего четверо, а не десяток, как несколько минут назад.

--- Кто командир взвода?

Карвен не сразу понял, кто говорит и что вопрос адресован ему. Гвардеец в чине лейтенанта угрожающе навис над ним, и Карвен нервно сглотнул, глядя в темные глазницы маски-черепа.

--- Сержант Фласт, сэр. Но он погиб, и тело сожжено.

--- Какой был последний приказ?

--- Выбираться из города.

--- Теперь это невозможно.

Говоря с лейтенантом, Карвен заметил первую полоску зари, осветившую эстакады. Асфальт угрожал от мощного

погзетного взрыва, и он понял, что лейтенант прав. «Упыри слишком сильно нас задержали», — осознал он, и у него пересохло в горле.

— Мое обозначение, — сказал офицер в маске-черепе, — лейтенант 4432-9801-2265-Феста, командир первого гренадерского взвода Восемьдесят первого пехотного полка Круза, рота Бета. Ваши люди переходят под мое командование.

Карвен не понял, считать ли эту сказанное просьбой или приказом. Язык по-прежнему не слушался, и он просто кивнул. Парвел докладывал по воксу ситуацию с отрядом, однако Карвен не надеялся, что полковник Браун, губернатор, или кто там сейчас командовал, пошлет флаер за несколькими выжившими эспеошниками. Сейчас в такой же ситуации оказались тысячи людей, среди которых есть куда более важные персоны.

Один гвардеец Круза, повыше и похудее прочих, обходил эстакаду, осматривая павших и оказывая помощь раненым выжившим при помощи сервиторов. Те следовали за ним по пятам,

перетаскивая оборудование и оружие. Наткнувшись на смертельно раненного гвардейца, криговец прочитал над ним короткую молитву и добил выстрелом в голову. Затем снял с покойника снаряжение и передал сервиторам. Отряд потерял тринадцать бойцов, в живых оставалось меньше двадцати.

Медик остановился над лежащим солдатом СНО, и Карвен на мгновение испытал надежду, что еще один его товарищ вернется в строй. Хотя вид обезображенного тела оставлял мало надежды. Однако медик зачем-то вытащил шприц и воткнул в руку навшего. Карвен не сразу понял, что происходит.

--- Стойте! --- запротестовал он, подбегая. --- Ты не можешь так с ним поступить!

--- Он скоро умрет, --- ответил медик бесстрастным тоном.

--- Я знаю. Я вижу, но...

--- Мы отрезаны от баз снабжения, --- криговец наполнил шприц свежей кровью и протянул его сервитору. --- Поэтому должны полностью использовать все

доступные ресурсы. Своему товарищу кровь все равно больше не нужна, но она может спасти жизнь тому, кто еще послужит Императору. Я полагаю, он хотел бы послужить Императору?

Спорить с этой логикой оказалось непросто, но и смотреть на действия медика не хотелось. «Что это за люди, — подумал Карвен, — испытывающие к покойным уважения не больше, чем к железным монстрам?»

Врач выпрямился, протянув к нему руку. Карвен не сразу вспомнил, что продолжает сжимать мелтаган, и неохотно отдал его. Оружие передали одному из гвардейцев Крига, в то время как медик сделал сервиторам знак — и всем солдатам СНО выгали по хеллгану. Хотя что-то, в самом деле. Этот криговец явно был кем-то более важным, чем просто медик. Гвардейцы Крига уважительно обращались к нему «квартирмейстер».

Лейтенант приказал своим солдатам подойти ближе.

— Город запечатан, — сообщил он, —

но мы по-прежнему можем послужить Императору внутри этих стен. Приказано залечь на дно и ждать новых приказов.

Наверняка он тоже поддерживал связь с кем-то из своего штаба, хотя Карвен не слышал и не видел этого. Тем не менее он видел, что у одного из гвардейцев есть вокс-передатчик, так что лейтенант, вполне вероятно, имел вокс-бусину.

Когда они наконец-то двинулись дальше, Кравен испытал облегчение от того, что не видит больше эстакады и мертвых тел. Теперь ему казалось вероятным, что уныри потеряют их след. Однако, когда он попытался представить, что их ждет впереди, это чувство сменилось выворачивающей кишки тревогой.

Теперь Карвен подчинялся командиру, которого совершенно не знал, которому не мог полностью доверять и в присутствии которого испытывал тревогу. Земля под ногами вновь содрогнулась: похоже, неподалеку обрушилась очередная башня или часть эстакады. Карвен понимал, что все мечты о спасении, поддерживавшие его

силы в течение этой безутной ночи, развелись окончательно. Не дожили до рассвета, как его товарищи.

Карвен все еще был жив, все еще двигался, но не представлял — куда. Вместо того чтобы покинуть город, криговцы направлялись к его центру. И Карвен не сомневался, что его новые соратники сознательно идут навстречу смерти.

Глава девятая

Гюнтер проснулся от солнечного света и треска выстрелов вдалеке. Выглянув наружу, он увидел пустую эстакаду — и никаких признаков произошедшего вчера, разве что брошенное и сильно помятое таксо. Хронометр, однако, показывал самый час пик, когда все магистралю обычно забиты людьми.

Вебер крепко спал на посту у окна. Гюнтер разбудил его, и они занялись поисками пищи, поскольку проще было сосредоточиться на этой задаче, чем думать о том, что делать дальше. К тому же они были голодны.

Раздатчик пасты над печкой был пуст, поэтому Вебер вломился в соседнюю комнату. Она оказалась занята: мужчины до смерти перепугали молодую женщину, прижавшую к груди двух детей, и все

они плакали и кричали от страха. Понадобилось время, чтобы успокоить ее и объяснить.

Потом Вебер предложил ей выходить из города вместе. Гюнтер с удивлением услышал, что они, оказывается, куда-то собрались, но не стал возражать. При свете дня он чувствовал себя смелее, чем ночью, вдобавок женщина подтвердила, что от цели их отделяют считанные километры. Ориентируясь по солнцу, они смогут дойти до ворот менее чем за час. Однако была одна проблема...

--- Вчера вечером мы пытались покинуть город с солдатами, --- рассказала женщина. --- Но наружные лифты... они не работали. Я не могла сделать то, чего они хотели. Я не могла спуститься со своими детьми туда, вниз... туда, где живут мутанты...

Это побавило у Гюнтера оптимизма. Когда они дождались скудную пищу, что сумели найти, Соресон заметил, что женщина права.

--- Возможно, лучше остаться здесь, --- сказал Гюнтер.

— Ждать, пока нас спасут? — презрительно устехнулся Вебер. — Удаchi. Сначала они пошлют солдат за дочерью губернатора, потом за его друзьями, потом за приближенными, и лишь в самую последнюю очередь — за верными горожанами.

— Я никогда раньше не покидал город, никогда не думал, что... Если единственный путь наружу — туда, вниз... Вебер, я думаю, монстры пришли оттуда.

— Но сейчас еще тихо, и все утро было тихо. Лучше попытаться выбраться при свете дня, чем ждать того, что случится ночью.

Гюнтер неохотно кивнул, не в силах выкинуть из головы отряд солдат, увиденный ночью в окне. Их поведение, то, как они двигались, навело на мысль, что это разумные существа, и это страшило Гюнтера еще больше. Эти военные, он был уверен, не станут спать днем, и они где-то в городе — замышляют, планируют, ищут...

Вебер прав. Тут они не будут в безопасности. Они нигде не будут в

безопасности.

— Я думаю... раз ты недалеко, то могли бы посмотреть, что там... и, если лифты работают, выбраться отсюда.

Почему-то это предложение более уверенно звучало в голове до того, как он его высказал. Но Вебер кивнул. Заметив в его глазах благодарность, Гюнтер понял, что, несмотря на внешнюю уверенность бывшего торговца, ему тоже нужна поддержка.

Они вышли в холодный утренний воздух, где, несмотря на тишину, вся по крупинкам собранная уверенность Гюнтера растаяла.

Он надеялся, что не совершил смертельной ошибки, покинув квартиру.

Следы происшедшего ночью виднелись повсюду. Сначала они наткнулись на выбоины в асфальте. Гюнтер пытался уговорить себя, что ямы были тут всегда, а башни просто стоят дальше. Однако, повернув за угол, они наткнулись на развалины дома, возможно того самого, мимо которого они вчера

пробежали, и врать себе стало
бесстысленно.

Они заметили изуродованный трүн в
обломках, и, хотя Гюнтеру было страшно
на него смотреть, он не мог отвести
взгляд. Трүн не был похож на давешнего
чупыря, но без ближайшего осмотра — а
Гюнтер вовсе не намеревался подходить
ближе — в этом нельзя было быть
уверенным. Он испытал облегчение, когда,
не сговариваясь, они с Вебером не стали
перелезать через завал, а пошли в обход,
хотя это и удлинило им путь.

Тела лежали повсюду. Некоторые
были освежены и влажно поблескивали на
солнце. Но встречались им и живые. Вебер
и Гюнтер оказались не единственными
обитателями Цероним-сити,
рискнувшими взглянуть на новый день.

Многие шли как зомби, ошеломленно
шаркая по обломкам своего города.
Большинство из них, понял Гюнтер,
просто ждут, когда кто-нибудь скажет им,
что делать. Время от времени кто-то с
надеждой обращался к нему, разглядев
серую фортенную куртку, видимо считая,

что он знает, что нужно делать, и поведет их с собой. Гюнтер же стыдился, что не может ничем им помочь.

Тем не менее Вебер и Гюнтер уже собрали за собой небольшую группу людей, привлеченных просто тем фактом, что двоє мужчин идут хоть куда-то. Вебер и не прогонял их, и не подзывал — просто шел дальше в трачном молчании. Вскоре они наткнулись на обгоревшую полугусеничную машину, вокруг которой лежали трупы в военной форме — остатки взвода СНО. Своим появлением они спугнули мародера с безумным взглядом. Он нацелил на них украденный лазган и случайно нажал курок. Но счастью, он ни в кого не попал, но треск выстрела далеко разнесся эхом по эстакаде, словно сигнал тревоги. Гюнтер хотел сбежать отсюда подальше, но Вебер, к его досаде, решил сначала поговорить с парнем.

Через минуту Гюнтер понял зачем. Вебер хотел забрать оружие себе. Он получил лазган, взял его обеими руками, приложил к плечу, прицелился. Когда Гюнтер запротестовал, заявив, что так

они сделают из себя тишень, Вебер, доставая из подсумка убитого солдата несколько батарей для лазгана, ответил:

--- Мы давно уже тишени, все и каждый.

Гюнтер еще обдумывал сказанное, когда беженцы подобрали всё оружие. У группы теперь было четыре лазгана, и он согласился, что с оружием как-то спокойнее. Он сам видел, как одного упыря сразили огнем из лазгана. И даже такой шанс был лучше, чем ничего.

Поговорили и о том, чтобы взять машину, если она на ходу. Когда одна женщина залезла внутрь и смогла завести мотор, рев его оказался оглушающим. Гюнтер заметил, что по развалинам и обрушившимся эстакадам далеко они все равно не уедут.

По эстакаде бродил старик, взывавший ко всем, кто готов его слушать. Он возглашал, что Император умер, а планета Тета отдана на милость Губительных Сил. Всего сутки назад, может даже меньше, его бы за подобную дерзость оплевали горожане, а потом казнили

арбитры. Сегодня Гюнтер уже не мог даже сказать с уверенностью, что старик ошибается.

Еще одна башня. Гюнтер пока видел лишь это здание, заслонявшее весь горизонт. Небо было затянуто дымом и теплом, расчерчено копотью тысяч погребальных костров, пылавших по всему городу, — но все же видеть небо было приятно. Гюнтер позволил надежде в сердце воскреснуть, но она тут же была развеена.

Один за другим члены их маленького отряда застывали в недоумении. Эстакада, ведущая, как им казалось, к выходу из города, обрывалась. Ее опоры были разрушены, и здание, к которому она была протянута, уничтожено. Гюнтер подошел к краю эстакады, насколько хватило смелости, чувствуя, как качается незакрепленный пролет. Даже имея веревки, они не смогли бы спуститься на завалы строительного мусора, простиравшиеся двадцатью этажами ниже. Этот выход оказался для них

отрезан.

Долгое время никто не мог вытолкнуть ни слова. Наконец Вебер, отирившись с доставшейся ему ролью лидера, предложил вернуться и поискать еще какую-нибудь лестницу. Возможно, предположил он, удастся пробраться вниз по завалам. Его слова никого не вдохновили, особенно Гюнтера, однако никто не предложил идеи получше. У Гюнтера заметил, что несколько человек не пошли со всеми, а остались возле обрушенной эстакады.

Их осталось всего семеро, когда они наконец нашли сохранившийся дом, разобрали баррикаду и расчистили путь вниз. Четверо мужчин, три женщины, три лазгана на всю группу. Двое шли перед Гюнтером, остальные позади. Гюнтер чувствовал себя стиснутым на узкой и темной лестнице. Теперь он жалел, что не взял лазган себе.

Спустя сорок минут он потерял счет пройденным этажам. Люди устало приступили к разбору еще одной баррикады, скрепленной колючей

проволоккой. Вебер распутывал ее, ругаясь на каждый раз, когда колючки впивались в кожу. У Гюнтера дрожали колени, и он все равно не мог подобраться к баррикаде, чтобы поточь Веберу, — на узкой лестнице двои́м было слишком тесно. Потому он просто сел на ступеньку и уронил голову на руки.

В поисках еды и отдыха они забрались в еще одну покинутую квартиру. Она была маленькой и тесной, Гюнтер в таких никогда не жил. Семь человек еле смогли в ней поместиться. Стены жилища были покрыты кричащими, богохульными граффити. Поверхность явно уже недалеко. Гюнтер мысленно готовил себя к всевозможным ужасам нижних уровней, когда беглецы вышли наружу.

Однако, к его удивлению, пространство вокруг дота заливал солнечный свет. Это объяснялось тем, что соседние башни, обычно его заслонявшие, теперь лежали в руинах. Эстакада, на которой они оказались, была завалена обломками и не слишком отличалась от верхних — разрушения уравнили все.

Несколько замотанных в лохмотья человек
брели через завалы, так же как и наверху,
но Гюнтер не видел никаких явных
признаков порчи. «Вероятно, мутанты
сбежали из города, — подумал он. — Или
что было бы неплохо, с ними покончили
СНО». Этот уровень, впрочем, внушал не
больше надежды, чем верхние. Спустя
десять минут они поняли, что всю
эстакаду завалило обломками. Люди
садились прямо на рокрит, лишившись
всякой надежды на то, что риск может
окупиться, не желая думать о дальнейшем
спуске.

— Попробуем в другом направлении, —
сказал Вебер. — Там, возможно, есть путь
на юг или север. Хотя сомневаюсь...
Похоже, кто-то намеренно разрушил тут
башни, чтоб запретить нас. Так что
выбраться из Церонил-сити можно лишь
воздухом, и то если ты дочь губернатора,
чтобы за тобой послали флаер.

Словно в подтверждение его слов,
эстакада содрогнулась, кусочки
штукатурки посыпались на Гюнтера.

— У Хенрика нет дочери, — рассеянно

пробормотал он.

— Ну, племянница, — так же рассеянно ответил Вебер. — Какая-то женщина, словом.

— Что... какая женщина?

— Я же говорил, разве нет? Тот парень, с которым я говорил той ночью, рассказавший про насекомых. А еще сказал, что видел родственницу губернатора, прежде чем они появились.

— Ты не рассказывал, — сказал Гюнтер, повышая голос. — Ты забыл упомянуть кое-что о...

И тут раздалась стрельба. Лучи нескольких лазеров ударили в груды обломков позади Гюнтера. Огнем проскрежетал по стене так близко, что отскочивший кусок пластика попал ему в левое ухо. Он постарался удержаться на ногах, одновременно пытаясь определить источник угрозы, но тут почувствовал, как гора обломков сползает под руками. К счастью, Вебер и один из мужчин с плазганати среагировали быстрее Гюнтера и открыли ответный огонь.

По краям эстакады появились

зловещие, согнутые, нечеловеческие тени. Мерилом пережитых за два дня ужасов стало то, что Гюнтер с облегчением узнал в них всего лишь мутантов. Похоже, что стяжение города приободрило их, и они ухватились за возможность отвоевать себе его часть. К тому же они где-то завладели двутя, если не больше, лазганати.

Еще один луч, выпущенный мутантом, попал в бледную женщину с распухшими глазами, отрезав ей руку по локоть. Она удивленно посмотрела на обожженную культю и потеряла сознание. Ответный выстрел Вебера пришелся мутанту прямо в глотку, и тот, захрипев, издох. Гюнтер оказался легкой мишенью. Он хотел бежать, как уже привык поступать в таких случаях, но на сей раз бежать было некуда. Он бросился вперед, надеясь найти укрытие, но тут перед ним выросло несколько сутулых силуэтов. Мутантов было больше, чем он когда-либо видел, — восемь или девять. Дуло лазганата повернулось в его сторону, но мутант сам попал под выстрел, и это дало Гюнтеру

недолгую передышку.

Его единственной отчаянной надеждой было подойти к мутантам вплотную, лишив их преимущества, которое давало оружие дальнего боя. Удея не из лучших, но ничего другого не оставалось. Так что Гюнтер пригнулся и взял разбег, собираясь повалить высоченного, воняющего зноем и покрытого язвами урода. Однако он не достиг цели: мутант успел заметить угрозу и сгруппироваться. И он не сдвинулся ни на шаг.

Мутант обладал силой разъяренного грокса. Он опрокинул Гюнтера на спину и прижал к асфальту, уперевшись костлявой коленкой в грудь бывшего инспектора шахты. Из вонючей пасти в лицо Гюнтеру летела слюна. Он изо всех сил старался удержать руки мутанта, пытавшегося выдвинуть ему глаза грязными мозолистыми пальцами. Спас его новый толчок землетрясения, оказавшийся сильнее и продолжительнее, чем в прошлый раз.

Мутант потерял равновесие, так

что Гюнтер смог оттолкнуть его от себя. Он понимал, что противник намного его сильнее, поэтому обратился в бегство. Однако скоро был сбит с ног. Теперь мутант схватил его за лодыжки. Лежа на земле, Гюнтер нащупал осколок кирпича. Схватил его, извернулся и ударил врага по черепу. После удара он не смог удержать осколок, но цели своей достиг — противник отпустил его ноги.

Гюнтер не знал, куда упал и пытается ли еще мутант до него добраться. Казалось, что весь мир трясется так, что рябит в глазах. Гюнтер не мог встать, не рискуя слететь с эстакады. Все, что ему сейчас оставалось, — это вцепиться, держаться и утешать Императора о пощаде.

Землетрясение закончилось. Гюнтер услышал торопливые шаги и осторожно поднял голову, увидев, как четверо мутантов в страхе убегают прочь. Взглянул на того, с которым только что сражался, и обнаружил безжизненное тело, залитое черной кровью, струившейся из раскроенного черепа. Гюнтера обуревали

противоречивые чувства. С одной стороны, он был горд, что сумел постоять за себя, выполнив завет Императора, но и немало потрясен тем, что своими руками отнял жизнь, пусть даже у мутанта. А потом до него дошло, что в луже крови сейчас вполне мог лежать он сам.

Услышав позади какую-то возню, он обернулся. Его спутники прижали грудого мутанта к земле, приставив к голове лазган. Гюнтер закрыл глаза, чтоб не увидеть отвратительного зрелища, но звук все равно нарисовал ясную картину.

Послышался женский крик о помощи. Как понял Гюнтер, кто-то из их группы убит. Женщина стояла на груде обломков, и сердце Гюнтера ударилось о ребра, когда он увидел клоч черных волос и тело Вебера. Сразу подбежал к своему новому другу, хотя и не знал, чем мог ему помочь. Вебер еще дышал, но в его груди зияла страшная рана. Лицо покрылось испариной, а взгляд стал невидящим, словно человек смотрел куда-то вдаль.

--- Может кто-нибудь помочь ему? --- крикнул Гюнтер. --- Антечку или врое

того никто не захватил?

--- Просто... отдышаться, --- прохрипел Вебер, сфокусировав взгляд на лице Гюнтера и с заметным усилием подняв руку и сжав его ладонь. --- Немного времени... перевести дух...

Вряд ли он сам верил своим словам. Он сжимал руку Гюнтера так отчаянно, словно она могла удержать его в мире живых, а взгляд выражал немую мольбу, на которую Гюнтер не знал, чем ответить. Он чувствовал, что должен сказать хоть что-нибудь, приободрить умирающего, но в голове крутилась лишь одна мысль, и другого шанса спросить Вебера больше не будет.

--- Та женщина, которую видел твой знакомый, как он узнал, кто она?

Вебер сначала не понял вопроса, а потом словно испытал облегчение, что сможет подумать о чем-то, кроме своей неминуемой смерти.

--- Ты имеешь в виду дочь губернатора?

--- Его племянницу, --- сказал Гюнтер. --- Это точно она?

— Тот парень сказал, что видел ее в сводках новостей во время голодного бунта. И запомнил. Не знаю, ему могло показаться.

— Как она выглядела? Вебер, он сказал...

— Я не знаю. Молодая, хорошо одета. Он мог ошибаться. Что такая, как она, будет делать так далеко от своей башни из слоновой кости?

Вебер закрыл глаза, и Гюнтер почувствовал, что дыхание утирающего становится реже, а хватка слабеет. Слова закончились, и он просто сжал ладони Вебера, чтобы тот не чувствовал себя покинутым, когда придет смерть. Наконец торговец испустил последний вздох и его пальцы разжались.

— И что нам теперь делать? — прозвучал глухой голос за спиной.

Гюнтер понял, что прочие беженцы сгрудились вокруг, видя в нем своего предводителя. Женщина, потерявшая руку, пришла в себя и тихонько плакала.

— Я не знаю. Я... я не знаю.

— Мы пойдем дальше? — спросил еще

кто-то. --- Может, стоит попробовать другие ворота?

--- Я не знаю.

--- Что если мутанты вернутся, да с подкреплением?

--- Я не знаю, я не знаю, я не знаю!

Последние слова он прокричал, и это будто прорвало некую плотину --- на глаза навернулись слезы. Он с трудом подавил их, проглотил ком в горле и глубоко вздохнул.

--- Я вот что думаю, --- сказал он, собравшись. --- Вебер прав, из города нам не выбраться. Думаю, стоит вернуться туда, где мы были. На верхних уровнях безопасно... безопаснее, я имел в виду. Подождет, пока губернатор... ну, сделает что-нибудь. Верьте в Императора, и Он... Он защитит.

Говоря это, он знал, что скоро оставит этих людей. За минувшие сутки он, занятый вопросом собственного выживания, ни разу не подумал о ней. Теперь он понял, что, когда отрубили электричество, Арекс была не дома. Она находилась на двести четвертом уровне.

где попала под атаку насекомых.

Но гвести четвертому уровню проходили все маршруты автотаксо из Высокого Шпиля к гвести двадцать третьему, где располагалось скромное жилище Гюнтера. Арекс искала его, а он не подумал о ней, объятый страхом и эгоизмом. Она ведь ничего не сказала дяде, а значит, не может рассчитывать на эвакуацию, как полагал Вебер. Она осталась одна, она, возможно, ранена и, возможно, укрылась в доме Гюнтера. Думает о нем. Нуждается в нем.

Ему необходимо вернуться. Он должен найти ее. При этой мысли Гюнтер выпустил руку Вебера, положив ее на грудь погибшему. Потом подобрал лезвие, оказавшийся удивительно легким.

Казалось, Император желал, чтобы Гюнтер сражался, и показал ему нечто более важное, чем собственная жизнь. Нечто, за что можно драться. И это правильно, сказал себе Гюнтер, ведь он только что доказал, что способен на поступок. Пусть ему не стать героем, но можно стать солдатом. И он им станет.

хотя бы потому, что другого выбора нет.

Глава десятая

Землетрясение ощущалось даже в районе костопорта. Костеллин почувствовал первый толчок, стоя у окна своего кабинета и глядя на взлетную полосу. Инструкторы СНО обучали свежих новобранцев маршировать, и те с грехом пополам попадали в ногу. Первый толчок сбил нескольких человек с ног, и комиссар улыбнулся, глядя на переполох.

Он не придал большого значения тряске, решив, что это ударные волны от взрывов, запечатывающих город. Взрывы гревели в столице все утро, хотя промежутки между ними были больше, чем между этими толчками.

Когда случился второй толчок, более мощный и продолжительный, комиссару пришлось ухватиться за подоконник, чтобы устоять на ногах. Это уже был повод

забеспокоиться.

Костеллин оказался не первым, пришедшим к полковнику Сто восьмьдесят шестого, -- его опередил генерал-губернатор. Помощники полковника Сто восьмьдесят шестого всецело погрузились в сеанс вокс-связи, запрашивая новые данные с передовой и от других подразделений трех полков Крига.

-- Подтверждено, сэр, -- сказал лейтенант в маске, протягивая стопку инфопланишетов. -- Согласно нашим расчетам, эпицентр обоих землетрясений находился здесь, -- он указал место на инфопланишете, -- в самом сердце Церонил-сити.

Полковник кивнул так, словно не ожидал ничего другого. Повернувшись к Хенрику, он спросил:

-- Эта зона сейсмоопасная?

-- Нет, -- покачал головой губернатор. -- Я не припомню здесь землетрясений. Если они и случались, то...

-- Значит, причина в некронах, -- прервал его полковник. -- Лейтенант, мне нужны свежие данные сканирования этой

области.

--- Есть, сэр, я свяжусь с кораблем.

До получения снимков с орбиты говорить было не о чем, так что Костеллин попросил сообщить ему, когда они появятся, и ушел. Его одолевали плохие предчувствия, но он решил оставить их при себе до появления свежей информации. Он знал, что полковник ни за что не станет обсуждать досужие домыслы. Хенрик тоже вышел вслед за комиссаром, и, как заметил Костеллин, генерал-губернатор поставил солдат СНО между кабинетами. Вероятно, чтобы знать, если какое-нибудь совещание начнут без него.

Сорок минут спустя Хенрик решил подстраховаться и нанес визит комиссару. Костеллин терпеливо слушал, пока губернатор озабоченно говорил о ситуации вообще и землетрясении в частности, прежде чем перейти к действительно волнующему его вопросу.

--- Конечно, мы прочесываем город, --- сказал Хенрик. --- Но наши лазганы --- ничто против некронов. Этим утром мы лишились двух взводов и приписанных к

ним флаеров. Другими словами, наши потери увеличиваются. Мне нужно... Мы все еще составляем списки пропавших без вести. Я говорю про важных людей: промышленных магнатов, благотворителей, аристократов. Бега в том, что при неработающих лифтах у жителей верхних уровней было меньше всего шансов на спасение. Но я слышал... я читал, что солдаты Крига...

--- Вы просите нашей помощи...

--- У вас есть оружие, ресурсы, и мы просто...

--- Вы хотите, чтобы солдаты Крига летали с вашими ребятами на спасательные операции. Чтобы обеспечить им преимущество в случае стычек с противником. Догадываюсь, однако, что ответит полковник. Только он распределяет солдат на задания.

--- Полковник. Да. --- Хенрик прочистил горло. --- Наше знакомство началось не лучшим образом. Думаю, он более благосклонно взглянул бы на это дело, если бы...

--- Если бы я поговорил с полковником.

--- Конечно, я пойму, если он не сможет дать людей. Но если бы мы могли получить хотя бы парочку телтаганов...

--- Я бы предположил, что он скорее даст вам солдат, --- сухо сказал Костеллин. --- Оружие ценнее, а его потратить сложнее восстановить. Но мне кажется, за вашей просьбой стоит нечто большее. У вас куда более личное, нежели просто забота о благе вашего мира.

Руки Хенрика заерзали на коленях, выдавая его волнение. Потом он замер, встретив твердый взгляд Костеллина, вздохнул и кивнул. Он сунул руку в карман накидки и достал оттуда устройство, похожее на вокс-бусину.

--- Моя племянница, Аркс. Она пропала непосредственно перед отключением энергии, но на ней было атецитовое ожерелье с... Я внедрил туда устройство, чтобы при необходимости разыскать ее. Группа, которую я отправил, погибла, и пеленгатор был уничтожен. Я знаю, что... Я знаю, что вероятность очень мала, но она еще... Я говорил с технопровидцем, и он сконструировал

замену пеленгатору. Он говорит, что устройство среагирует на сигнал Арекс, но для этого нужно оказаться поближе к ней.

--- Я понимаю, --- сказал Костеллин.

--- Мы знаем, где она была прошлой ночью. Можем послать туда команду, а оттуда это устройство приведет их к ней. Им нужно попасть в город и выбраться из него.

--- Я передам ваш запрос полковнику. Сделаю все, что смогу.

Хенрик благодарно кивнул, посмотрел на хронограф.

--- Сколько еще, как думаете? Сколько времени обычно занимает такое сканирование?

--- Думаю, оно уже закончено. Генералы Круга анализируют результаты на корабле, пока мы тут разговариваем.

--- Тогда что же мы ждем? Полковник обещал посоветоваться с нами...

--- Он обещал проинформировать. Это не одно и то же. Он соблюдет правила приличия и выслушает вас; может быть, даже передаст ваши предложения генералам, если найдет их полезными. Но

к нашему следующему разговору с полковником Сто восемьдесят шестого он уже будет иметь приказы.

Спустя полчаса они наконец сели за круглый стол с полковником, изучая тактический гололит.

--- Что это? --- спросил Хенрик.

--- Я предполагаю, --- сказал полковник, --- что вы не узнаете конструкцию. На прошлых сканированиях ее не было.

--- Не узнаю? --- эхом повторил Хенрик. --- Я... Я никогда не видел ничего подобного. Башни... эта часть была застроена высотными зданиями. Это же сердце города! Что с ними всеми стало? Они же не могли просто... Не могли...

--- Это пиратига, --- объяснил Костеллин, --- из черного камня. --- Он вывел какие-то данные на экран и быстро посчитал. --- Высота как минимум двести этажей, а каждая сторона основания --- километр в длину.

--- Но этого раньше не было, --- запротестовал Хенрик. --- Построить

такое... Откуда, во имя Императора, оно взялось?

--- Из-под земли, --- мрачно ответил Костеллин. --- Пирамида появилась из-под земли. Думаю, что это и есть источник всех наших бед: гробница некронов.

--- То есть эти толчки...

--- Из-за подъема гробницы, --- подтвердил комиссар.

--- Мы полагаем, --- сказал полковник, --- что ее подъем происходил с такой силой и скоростью, что оставшиеся башни рухнули.

--- А это что? --- Хенрик указал на зеленое пятно на гололите.

--- Еще неизвестно, --- ответил полковник.

--- Источник энергии, --- прошептал Костеллин, наклоняясь ближе и изучая мерцающие нечеткой формы руны. --- Судя по всему, источник расположен на вершине, пульсирует в видимом спектре зеленым. Ужасно... неужели?.. Сканеры сигнализируют, что часть энергии уходит в... неизвестную область.

--- Как маяк, --- сказал Хенрик. ---

Бүгүм бы некроны... Как дүмаете, они
могут посылать сигнал бедствия? Звать
на помощь?

--- Будет надеяться на это, --- сказал
полковник. --- Это бы означало, что по их
уже подсчетам им не хватает сил
сопротивляться.

--- Пока не придет подкрепление, ---
тихо добавил Костеллин.

--- Над этим вопросом уже работают
техножрецы, --- ответил полковник. --- Они
пытаются заблокировать передачу. Свою
помощь предлагает также полковник
Восемьдесят первого, чьи гренадеры
находятся в городе. Он послал их
обследовать пиратиду.

--- А что насчет Инквизиции? ---
спросил Костеллин. --- Нам нужны любые
сведения, которые они смогут нам
предоставить, о прошлых столкновениях с
некронами и слабых местах противника,
если таковые имеются. Я знаю, что они не
любят делиться информацией, но...

--- Мы сделали запрос, --- ответил
полковник. --- Между тем нам известно
все, что нам нужно знать. По крайней

мере, некроны определили нашу цель.

--- Вы что, --- удивился Хенрик, --- пошлете своих людей внутрь?

--- Не совсем, --- ответил полковник. --- Наша главная задача остается прежней --- сдерживание. Мы создали стальное кольцо вокруг врага. Настало время его сжать. Мы собираемся загнать некронов обратно в их гробницу и убедиться, что они не выйдут оттуда. Цероним-сити станет их окончательной могилой.

Хенрик отчетливо побелел, осознав, что значит этот план для города. Однако он уже знал, что с полковником лучше не спорить. Губернатор молча сидел, сцепив пальцы, пока комиссар и полковник обсуждали расположение огневых точек и линий снабжения. Затем извинился и вышел из комнаты, послав многозначительный взгляд Костеллину.

Комиссар, верный своему слову, передал просьбу Хенрика, уловив подходящий момент. Ответ оказался вполне ожидаемым.

--- Вы можете передумать, --- настаивал комиссар, --- Хенрик командует

Силати планетарной обороны и пользуется авторитетом среди граждан планеты, признаете вы его статус или нет. А значит, у него в распоряжении значительные ресурсы, в частности флаеры, которые могут нам пригодиться. Для вас огна пропавшая девушка не стоит времени и риска, но Хенрику она дорога. У него долг перед губернатору сейчас будет отплачено ответной услугой в будущем.

Он знал, о чем думает полковник. Что ни один человек не должен просить платы за то, чего от него хочет Император. Все-таки предшественник полковника доверял суждениям комиссара в подобных вопросах. Казалось, что новый полковник по крайней мере обдумает его слова.

--- Пока что, --- сказал Костеллин, --- ни одного врага не замечено на городских стенах. Гренадеры и Всадники Смерти сидят без дела, не имея целей для атаки. Я уверен, что некоторые из них рады были бы хоть какому-то заданию.

--- Одно отделение, --- стилистически полковник. --- Я даю губернатору Хенрику в

распоряжение одно отделение не более чем на восемь часов.

Комиссар поблагодарил его за понимание и пошел сообщить добрую весть губернатору. Он старался не думать, что полковник может потребовать в ответ от губернатора и его народа. Вероятно, Костеллин только что отдал много невинных душ в обмен на единственную жизнь, но сожалеть об этом будет позже.

После полудня Костеллин обошел позиции, больше по привычке, чем по необходимости. В любом другом полку Имперской Гвардии боевой дух солдат возрастал, когда на позициях появлялся офицер. Однако гвардейцы Корпуса Смерти не нуждались в воодушевлении. Их боевой дух, вероятно, был даже выше, чем у самого комиссара. Так размышлял Костеллин, пока его полугусеничная бронемашина приближалась к городу. Кризовцы не знали, с чем им придется столкнуться, да их это и не заботило. Они предоставляли командованию принимать все решения и надеялись, что их жизни

послужат делу Императора.

Присутствие комиссара не осталось незамеченным. Трохот орудий заглушил рев двигателя задолго до того, как Костеллин достиг их позиций. Тяжелая артиллерия Сто восемьдесят шестого полка сосредоточилась на западной стене города, точнее, на том, что от нее осталось после часовой атаки. Большую часть работы взяли на себя «Медузы» с ограниченной дальностью, но с огромной разрушительной силой. Их выдвинули вперед, и каждое орудие, установленное в неглубоком окне, изрыгало снаряд за снарядом с оглушительным рывканьем. За ними в угрюмом молчании застыли «Сотрясатели», поджигая более маневренную и удаленную цель.

Майор Гамлы вышел поприветствовать комиссара из штабной палатки. Из-за маски и канонады комиссар не понял, произнес ли он что-нибудь. Комиссар дал майору знак, что тот может вернуться к своим обязанностям, и пошел дальше. Но мере приближения к

стене все гуще становилось облако пыли, забывая глотку и глаза. Уже не первый раз оказавшись в такой ситуации, Костеллин задумался: не стоит ли и себе раздобыть криговский противогаз?

Та часть стены, за которую отвечала дивизия Дельта, уже обрушилась, как и несколько зданий и эстакад за ней. Пришел черед пехоты выдвинуться к ней и расчистить среди завалов проход для техники. Они рыли новые артиллерийские окопы для «Медуз» всего в полусотне метров от прежних позиций. Таких темпами снос Церонил-сити оказался бы болезненно долгим, но чрезвычайно тщательным. Костеллин задумался, будут ли некроны ждаты так долго и насколько близко подпустят противника, прежде чем ответить.

Ответ на вопрос пришел раньше, чем ожидал комиссар. Гвардейцы на его глазах начали останавливать работу, хватаясь за оружие. «Медузы» тем временем одна за другой затихали, и теперь комиссар мог слышать залпы лазерного огня. Он тоже резко развернулся, выхватив плазменный

пистолет. Увидел гиганта, по меньшей мере десятиметрового роста, который парил над одной из «Медуз» примерно в сотне метров от нее.

Он напоминал скелет, его ребра и позвонки были ясно видны, но тем не менее он не выглядел хрупким. Облачение чудовища состояло из изогранной синей мантии, похожей на королевскую. В руках у монстра был посох почти с него ростом с наверху в виде пары закрученных острых рогов. На черепе гиганта сиял синий с золотом головной убор, а из глазниц бесстрастного серебряного черепа лился злобный зеленый свет.

Фигура казалась полупрозрачной, излучающей внутренний свет, подобно гололитической проекции, и лазерные лучи гвардейцев проходили сквозь нее, не причиняя вреда, рассеиваясь в воздухе. «Возможно, — подумал Костеллин, — это всего лишь изображение». Однако то, как уверенно вел себя великан, как неторопливо обстреливал позиции криговцев, говорило о незаурядном интеллекте, таящемся за горящими зелеными глазами.

Комиссар навел плазменный
пистолет на гиганта, но не выстрелил.
Гвардейцы, выпустив еще несколько
бесполезных выстрелов, тоже прекратили
огонь, экономя заряды. Великан не
двигался, очевидно ожидая, пока затихнет
эта шумная возня под ногами. Когда
тишина наконец наступила, он заговорил,
и его речь оказалась не похожей ни на что,
когда-либо слышанное Костеллином. Звук
этого напоминал пронзительный визг
механизма, но полный ненависти, хриплый
и яростный. Звук достиг невыносимой
громкости, комиссар почувствовал, словно
в голове у него бьет чудовищный набат, но
заглушить его был не в силах, даже зажав
уши руками. Затем внезапно гигант исчез
— и наступила благословенная тишина.

Стоило Костеллину выйти из
полугусеничной машины за пять
километров до космопорта, как его вновь
осадили беженцы, в основном дети,
женщины и калеки, оставшиеся тут после
того, как всех мужчин забрали в СНО. Все
выглядело так, словно они тоже слышали

голос некрона. Комиссар обратился к лейтенанту Корнуса Смерти Крига, который подтвердил, что чудовищный посланец недавно парил над взлетной полосой космопорта в то же самое время, когда комиссар видел его на переговой в десяти километрах отсюда. Согласно донесениям из других полков Крига, аналогичные образы одновременно явились на востоке, юге и севере, причем во всех случаях наблюдателям казалось, что зеленые глаза смотрят именно на них.

Час спустя Костеллин вновь сидел в кабинете полковника Сто Восемьдесят шестого, где губернатор Хенрик принял его, не отрывая глаз от происходящего на летном поле. Техножрецы потрудились над переводом послания великана, и теперь полковник намеревался донести результаты расшифровки до других офицеров. Архаичное записывающее устройство зазвучало. Бесстрастный механический голос произносил слова на безупречном готике:

«Я владыка и хозяин. Мой народ ходил по этой земле за миллионы лет до того,

как ваша раса родилась. Вы выстроили свои города над нами, пока мы спали. Но теперь мы проснулись, чтобы забрать свое. Уходите из этого мира, или мы вас уничтожим».

— Конечно же, — произнес полковник после долгой паузы, последовавшей за сообщением, — Корпус Смерти Круга не станет мириться со столь очевидным проявлением агрессии.

— Разумеется, — добавил Костеллин, — целью этого послания является устрашение. Вряд ли они ожидают, что мы их послушаемся. Главное — донести его.

— Так или иначе, все говорит о том, что некроны нас испугались.

Костеллин не разделял этой уверенности, но не стал спорить. Хенрик же отвернулся от окна с видом еще более взволнованным, чем обычно.

— Простите, — сказал он, — но разве не вы вчера внушали мне, что шансы спасти город ничтожно малы?

— Шансы нам неизвестны, — ответил полковник. — Мы прежде не имели опыта

по отражению атаки некронов.

--- Обратитесь к командованию флота, --- Хенрик встретил обвиняющий взгляд на Костеллина. --- Помогите эвакуацию. Вы знаете, сколько времени это займет, --- а тут почти девять миллиардов населения.

--- Что вы предлагаете? --- спросил полковник Сто Восемьдесят шестого.

--- Ну, я просто предлагаю рассмотреть все возможности, какие есть в нашем распоряжении. Лорд некронов советовал нам уходить. Может, мы...

--- Мы не договариваемся с врагами.

--- Золотой Трон, речь совсем не об этом!.. Конечно, мы не можем... Возможно, вы кое-чего не знаете, но мне стало известно, что это послание прозвучало в шести пригородах одновременно, и гражданское население напугано. Начинается паника. Согласно донесениям арбитров, по всей планете вспыхивают мятежи.

--- Мне-то что до этого? --- спросил полковник.

--- Более того, в рядах СНО за этот

же час зарегистрировано более сотни случаев дезертирства. И это только те, о которых мы знаем, а отследить всех невозможно...

--- Я уверен, казнь этой сотни послужит уроком остальным.

--- Полковник, я просто хочу сказать, что девять миллиардов человек спрашивают, почему мы не можем... У нас слишком мало эвакуационных кораблей. Если бы у нас было чуть больше времени, чтобы спасти еще немного...

--- Мы выиграем вам время, --- сказал комиссар, --- сдерживая наступление некронов.

Нельзя сказать, что Костеллин не разделял позиции губернатора. Возможно, Хенрик прав, и если б некроны увидели полномасштабную эвакуацию, это их удовлетворило бы. И девять миллиардов душ были бы спасены. А после эвакуации населения планету можно было бы уничтожить с орбиты, как и предлагал Костеллин в самом начале, не оставив некронам ничего. Это был заманчивый план.

Тем не менее комиссар знал, что ни полковники, ни генералы Круга так не думают. Даже если бы эвакуацию удалось организовать, они сочли бы цену спасения девяти миллиардов жизней слишком высокой -- и, к своему сожалению, Костеллин не мог с этим не согласиться. Хенрик проиграл, а если он будет настаивать, то полковник Стоуосемьдесят шестого его попросту расстреляет.

-- Надеюсь, -- сказал полковник, -- первые эвакуационные корабли войдут в систему в течение часа. Как там миссия по поиску... Арекс, да?

-- Я жду отчета, -- ответил Хенрик, сбитый с толку резкой сменой темы. -- Флаер вылетел четверть часа назад, я еще не... Да, спасибо вам за гренадеров. Я уверен, они нам очень помогут.

-- Ваша племянница, -- сказал полковник, -- имеет право покинуть планету сегодня же ночью. Как и вы.

-- Нет, -- твердо сказал губернатор. -- Я думал, что ясно дал понять, что нигде не улечу, пока война не закончится.

--- Приятно слышать это от вас, ---
тихо сказал полковник. --- А то у меня
возникли сомнения касательно вашей
заинтересованности в операции.

Хенрик прищурился, не понимая, как
следует расценивать эти слова. Со своего
места он не мог заметить то, что увидал
Костеллин: пальцы полковника,
сжимающие вынутый из кобуры
плазменный пистолет.

Глава огуннацатая

Путь обратно на верхние этажи оказался медленнее и тяжелее. Тем не менее мысли об Арекс, страх за нее заставляли Гюнтера идти дальше. Он должен ее найти, все остальное не имеет значения.

Он все еще поднимался, когда услышал странный шум, приглушенный стенами лестничной шахты. Сначала он решил, что в этом доме притаилась опасность, и в ужасе вжал голову в плечи, лихорадочно обдумывая пути отступления. Наконец понял, что далекий звук усилен динамиком. Вокс-передача? Неужели вновь дали электричество и включили сигнал тревоги? Да нет, если бы включилось электричество, лестница бы осветилась. Тогда, может, пришел эвакуационный флаер? Или конвой

имперских сил в мегафон сзывает
оставшихся жителей?

Гюнтер рванулся через вестибюль к
окну, распахнул и рухнул на колени, когда
звук ударил в уши. Казалось, это будет
продолжаться вечно, но, едва он
подумал об этом, все стихло. Осталось
лишь ужасающее эхо в голове. Никакой
надежды на спасение, лишь новое
доказательство, что этот мир проклят.
В отчаянии инспектор прислонился лбом
к холодному подоконнику. Лазган вынул из
рука и с лязгом упал на пол. Однако вскоре
мысль об Арекс заставила Гюнтера
собраться с силами. Ничего не изменилось,
напомнил он себе. Она ищет его где-то
там, и это веский повод встать и идти.

Выбравшись на эстакаду, он хотел
направиться к брошенной полугусеничной
машине СНО, которую видел утром. Он
решил рискнуть и воспользоваться
транспортom — это помогло бы ему
отыскать Арекс до темноты. Он понял,
что что-то не так, когда услышал крики,
звук бьющегося стекла и увидел дымя-
щийся тянущийся от ближайшего перекрестка.

Осторожность велела вернуться в здание, но цель казалась слишком близкой. Гюнтер медленно двинулся вперед, вздрогнул, когда справа прогремел взрыв, и осторожно заглянул за угол.

Восстание было в разгаре. Визимо, людей вверх в панику тот жуткий звук. Утренние зомби превратились в вандалов, тарогеров и поджигателей, вытесняя свой гнев и страх на всех, что поворачивалось под руку, — на своих же домах и своих же согражданах.

Гюнтер увидел и полугусеничную машину, перевернутую и подожженную. Оставался лишь один способ действия. Сжав ладан и пригнувшись, Гюнтер перебежал перекресток по диагонали. Нырнул за угол, задыхаясь и дрожа, но толпа его не заметила. Потом, сконцентрировавшись на важных для него вещах, представив лицо Аркс, он продолжил свой путь.

Продвигаясь дальше внутрь города, Гюнтер обнаруживал все больше уцелевших эстакад и башен. Направившись пряником

по одной из уцелевших магистралей, он, не
в пример своему ночному путешествию по
конвоем СНО, продвинулся намного дальше,
чем сам ожидал. По пути ему встречались
стародеры и безумцы, но почти никто не
проявил к нему интереса, кроме одной
группы с факелами, преследовавшей его
три квартала. Но он сумел оторваться.

Несмотря на голод и жажду, Гюнтер
не решился потратить время на поиски
пищи и воды. Он хотел отыскать Аркс до
наступления темноты. Однако солнце уже
клонилось к западу, и, не найдя знакомых
ориентиров, Гюнтер понял, что ночь
наступит раньше, чем он достигнет
двух четвертого уровня. Что еще хуже,
он снова увидел пустоты в силуэте города —
свидетельство того, что разрушения
затронули не только окраины. Вскоре он
вновь осторожно пробирался в мире
развалин и зияющих провалов, там, где
когда-то стояли башни и эстакады,
теперь ведущие в никуда.

И он вновь встретился с
железными монстрами.

Третья уровни ниже пролегла еще

эстакада, непосредственно под той, на которой находился Гюнтер. И по ней шли чудовища. Их было четверо: стальные кагавры, похожие на монстров, атаковавших ночью из рун. Только эти шли выпрямившись и маскировались под человеческой кожей. Своими движениями, поведением они больше напоминали солдат, вивенных им прошлой ночью. Они явно были разумны — и, как и солдаты, вооружены.

Их оружие было огромным, неуклюжим, и требовались обе руки, чтобы держать его. Нечистая энергия кипела в прозрачных камерах, отсвечивая зеленым, как тот обелиск, обнаруженный в шахте.

Гюнтер упал на мостовую, выжидая, пока кагавры пройдут мимо, и молясь, чтобы они не заметили его. Выждав минуту или две, он поднял голову, чтобы взглянуть сквозь перила. Эстакада, к его счастью, была пуста. Но его сердце замерло, когда он увидел вывеску внизу, ранее им не замеченную. Богохульный лозунг был наклеен поперек изображения имперского орла, но под ним все еще можно

было разглядеть жирные черные буквы знакомых слов: «Торговый центр 201 уровня».

Теперь Гюнтер знал, где находится. Он слишком близок к цели, к Арекс, чтобы отступить перед каким бы то ни было препятствием. Поднявшись, он взял лазанье и твердо зашагал дальше. Вскоре он проскользнул в лабиринт знакомых переулков, которые могли помочь ему остаться незамеченным. Он надеялся на это, во всяком случае.

Повернув за угол, он обнаружил, что стоит на краю пропасти. Дома с обеих сторон улицы разрушены, и провал тянется, похоже, до самой поверхности. Пораженный, Гюнтер застыл, не в силах поверить своим глазам. Он так боялся монстров, что даже не подумал о возможности того, что его дом может быть также разрушен. Он надеялся, что в отсутствие ориентиров, вероятно, что-то перепутал. Поколебавшись несколько минут, он бросился обратно к эстакаде.

И столкнулся лицом к лицу с группой из четырех кагавров.

Брази повернули к Гюнтеру
бесстрастные черепи и вскинули
светящееся зеленым оружие. Он попробовал
сделать то же самое, однако руки словно
онемели, лязган выпал из рук, и Гюнтер
упал на колени, потянувшись за ним. В
этот момент он понял, что все кончено, в
отчаянии просто закрыл голову руками и
заснул, ожидая смерти. Дрожа от
страха, он молился и ждал неминувшего
удара. Но ожидание затягивалось, и в
конце концов Гюнтер осмелился открыть
глаза, чтобы увидеть, как кагавры
удаляются прочь. Они пощадил его. Что
более унижительно, они проигнорировали
его, будто он был пустым местом. Сочли
его жалким червем, не заслуживающим
даже того, чтобы быть раздавленным.

Гюнтер потянулся за лязганом, но
замер. Если бы он не выронил оружие,
кагавры сочли бы его угрозой... «Нет», —
твердо сказал сам себе он. Нельзя сейчас об
этом думать: если его парализует мысль
о том, что могло бы случиться... Гюнтер
подобрал оружие и пошел дальше, но не
ушел далеко.

Он больше не мог отрицать очевидного — эстакада была та самая и находилась там же, где и всегда, но здания по обе ее стороны обрушились. То, что было когда-то дорогой, сейчас стало шатким мостом, и Гюнтер узнал белую вывеску остановки автобуса, находившуюся прямо перед его домом, сейчас висящую над пропастью и раскачивающуюся на ветру.

«Арекс, — подумал Гюнтер. — Что это все значило для нее?» Он был уверен, что найдет ее здесь, но если она была в его доме... Нет, она должна была вовремя сбежать. Его разум просто не принимал других вариантов. Арекс не могла быть в доме, когда он... Но тогда что она стала делать, не найдя его? Куда она пошла? Гюнтер не знал и не догадывался.

На него вдруг навалилась усталость, и он сел на эстакаду, притянув колени к груди. Хотелось заплакать, но глаза оставались сухими. Гюнтер переступил черту простого горя и теперь чувствовал только опустошение. Он провел весь день, цепляясь за надежду, а теперь она утекала

сквозь пальцы. У него не было цели и
причины идти куда-либо, так что он
остался здесь, под темным небом. И если
патрулирующие город монстры вернутся и
на этот раз решат отнять его
бесстысленную жизнь, он будет почти рад
этому.

Из забвения его вывел шум двигателя.
Он понял, что слышит этот звук уже
несколько минут, а сейчас ему в лицо
ударил резкий яркий свет. Гюнтер
вскочил, увидел над собой угловатый
черный флаер СНО. Но когда сообразил
подать знак, флаер уже улетел -- да и вряд
ли бы он стал приземляться ради него.

Гюнтер замерз. Ночь вступила в свои
права, и надо было думать о поиске
убежища. И эта ночь была зеленой -- еще
одна особенность, которой он не замечал
раньше. Гюнтер думал, что глаза,
заболевшие от света прожектора,
обманывают его, пока не посмотрел в небо
и не увидел прерывистый зеленый свет на
северо-востоке. Зеленый, как артефакт в
туннеле, как оружие кадавров. Гюнтер не
хотел задумываться о том, что это

значит.

Снова слышался шум двигателя. Флаер развернулся и теперь шел на меньшей высоте. И когда он пролетел над головой Соресона во второй раз, тот понял, что происходит нечто странное. Флаер заходил на посадку.

Он приземлился в двух сотнях метров от Гюнтера. Инспектор побежал к чернеющему на фоне неба аппарату еще до того, как выключились его двигатели.

Из транспорта выпрыгнули первые солдаты, и Гюнтер испуганно замер. Это были череполикие создания, как и те, которых он видел прошлой ночью, в черных шинелях и с дыхательными шлангами. Но у них флаер СНО.

Солдаты развернулись широким строем, словно собираясь прочесывать местность. Среди них выделялся невысокий темнокожий человек с вытянутой, словно яйцо, головой, сосредоточенно уставившийся в небольшое черное устройство. Похоже, именно он направлял солдат в их поисках. На нем была красная мантия *Агентус Механикус Марса*. От

спины, свешиваясь через плечо, торчала серворука, ее металлические пальцы подергивались. Технопровидец.

Солдаты шли в сторону Гюнтера, и он успел подумать о том, чтобы броситься в укрытие, как один из них произнес, явно обращаясь к инспектору:

--- Мы ищем белую женщину, примерно метр семьдесят пять, темноволосую и зеленоглазую.

--- Арекс! --- воскликнул Гюнтер. --- Вы ищете Арекс?

Это описание могло подойти многим женщинам, но он сразу понял, что речь идет о племяннице губернатора. Солдат подошел ближе, и Гюнтер разглядел то, что упустил ночью: символ аквилы на шлеме и знаки различия на униформе.

--- Вы... вы Имперская Гвардия, --- сказал он. --- Вы люди?

--- Мы ищем леги Хенрик. Вы видели ее?

--- Нет, я... я слышал, что она может быть здесь, но не... Из-за ваших масок я думал, что вы --- те твари...

Гвардеец его не слушал. Он повернул

голову, будто бы отвечая какому-то невидимому собеседнику, после чего развернулся и пошел прочь. Но Гюнтеру необходимо было знать больше — он бросился за гвардейцем и взял его за плечо.

— Подождите! — закричал он. — Как вы узнали, что леги Хенрик еще жива? Она вышла на связь? Она...

Сверкнула зеленая вспышка, и его последние слова потонули в невольном вопле.

Гвардеец был аннигилирован за доли секунды, как и сервитор в шахте: слой за слоем. Гюнтер смотрел в пустые глаза металлической маски-череп, потом — на рассыпающийся скелет. Но перед этим он увидел обугливающееся, охваченное огнем человеческое лицо, столь же бесстрастное, как и его маска. Затем это лицо исказила гримаса боли и ужаса.

Кагавры вернулись и атаковали гвардейцев, их странное оружие изрыгало зеленые молнии чудовищной энергии. Гвардейцы немедленно открыли ответный огонь. Лазерные лучи не причиняли вреда атакующим, но хеллганы оказались

эффективнее. Несколько кагавров были уничтожены, и Гюнтер увидел, как технотроходец поспешно бросился в укрытие за флаером, и последовал его примеру. При этом инспектор случайно заслонил цель гвардейцу, и тот грубо оттолкнул его.

— Что ты мечтаешь? — прорычал гвардеец. — У тебя в руках оружие, разве нет? Так воспользуйся им, во имя Императора!

Меньше всего Гюнтер хотел стрелять из лазгана, привлекая к себе внимание. Но, испуганный словами гвардейца, он укрылся за шасси флаера, вскинул оружие и положил палец на спуск.

Лазган ходил ходуном в его руках, и прицелиться Гюнтер не мог. Он глубоко вдохнул, задержал дыхание и попытался успокоиться. Втайне он надеялся, что бой закончится раньше, чем ему придется стрелять. В конце концов, гвардейцы превосходили кагавров количеством, и те уже потеряли половину своих. Наблюдая за боем, Гюнтер увидел, как гвардейцы уничтожили третьего врага, четвертого,

и...

Их еще больше. Он не видел, откуда они появились, но их было уже трое... нет, четверо! Гвардеец, пристыдивший его, погиб, сраженный изумрудной молнией. Упал прямо рядом с Гюнтером, и в ноздри ударил запах озона и паленого мяса.

Один из казавров повернулся, и внезапно Гюнтер ощутил абсолютное спокойствие. Он понял вдруг, что тысячу раз совершал такое в мечтах. Он точно знал, что надо делать, чего Император хочет от него, и больше не испытывал страха. Прошлая жизнь казалась сейчас далекой, будто ее прожил вовсе кто-то другой. Его дом, работа, Аркс — все исчезло. Местный бар, магазин, ресторан, куда он ее приглашал. Гюнтер неожиданно вспомнил лексисца Крейца. Наверное, он больше никогда ее не увидит. Гюнтер надеялся, что она сумеет выбраться.

Не играло больше роли и то, что он сделал, к чему стремился, на какие этажи карабкался. Только лазган в руках и враг на прицеле — вот что имело значение и являлось его жизнью. Ему уже нечего

терять.

Так что он вдавил курок и, хотя первый выстрел прошел мимо, стрелял снова, и снова, и снова. Потом он вспомнил про автоматический режим стрельбы лазгана, нашел нужный переключатель и щелкнул им.

Он поливал кадавров лазерными зарядами, пока они не начали падать, — правда, Гюнтер не мог сказать, его ли стараниями. Но все равно он ощущал трапичное удовлетворение от того, что был тут, что внес свой вклад. Что сражался.

Внезапно лазган печально взвыл и затолк. Гюнтер вновь остался безоружен и испугался. Он вытащил аккумулятор, вернул его на место, пытаясь выжать из него еще пару выстрелов, — тщетно. Он чуть не закричал от досады: почему не додумался забрать запасные батареи у Вебера?

К счастью, на ногах оставался лишь один кадавр. Но и он с резким хлопком вдруг исчез, как и тела других монстров, кроме тех, что были расплавлены. Гюнтер был и обрадован их исчезновением, и

устрашен еще одним загадочным проявлением их силы. Он не знал, сколько гвардейцев погибло, — зеленое оружие врага не оставило трупов, чтобы сосчитать. Но в живых оставались пятеро солдат, не считая технопроводца и пилота флаера, пучеглазого сервитора, не сдвинувшегося со своего места.

Гвардейцы не стали тратить время на передышку. Они возобновили поиски. Тот, кого Гюнтер принял за сержанта, велел технопроводцу присоединиться, что тот и сделал. Он снова достал устройство, и Гюнтер увидел, что провод от него тянется непосредственно к глазу агента.

Менее чем через минуту гвардейцы собрались в одном месте на эстакаде и начали копаться в обломках, пока один из них не откопал что-то маленькое и красное. Он показал это технопроводцу, тот кивнул в ответ. После этого сержант отдал приказ, и солдаты вернулись к флаеру.

— Я не понимаю, — сказал Гюнтер, — где Арекс? Вы разыщете ее?

--- Леги Хенрик тут нет, --- ответил
сержант.

--- Почему вы так уверены? Она
может прятаться в этих зданиях.

--- Ее тут нет.

Двигатель флаера загудел.
Последний из гвардейцев исчез в
гесантном отделеении, и сержант собрался
за ним.

--- Подождите! --- сказал Гюнтер. ---
Возьмите меня с собой. Пожалуйста.

Сержант тщательно долго смотрел
на него, и Гюнтер решил, что ему
откажут. А потом он услышал знакомые
хлопки и, обернувшись, увидел кавабров с
подкреплением. Четверо прямо перед ним,
еще четверо возникли на эстакаде, и еще
больше выходило из сохранившихся зданий.
Гюнтер вскинул лазган, зная, что он
бесполезен, но тут его ухватили сзади за
куртку и затащили в флаер. Воздух
снаружи пронзили зеленые молнии,
сержант запрыгнул вслеп за Гюнтером и
крикнул пилоту взлетать.

Когда флаер неуклюже поднимался,
что-то ударило в борт, и, страшнүв со

скатей гвардейцев, техножреца и
Тюнтера, аппарат накренился, его
двигатель чихнул, и Тюнтер уже решил,
что машина сейчас разобьется. Но флаер
выправился и, набрав высоту, полетел
прочь.

--- Нам повезло, --- сказал
технопровидец, --- что выстрел прошел по
касательной. Если бы гауссов заряд попал в
двигатель...

Тюнтер прилобился на краешке
скамьи, чувствуя себя неловко под
взглядами четырех череполиких
гвардейцев. Каждый из них, без сомнения,
думал: что Тюнтер делает на месте
одного из их погибших товарищей? Он не
решился спрашивать об их задании, но
тщательно хотел услышать новости об
Арекс. А потом он заметил, что
технопровидец держит в руках красное
ацецитовое ожерелье, найденное в руинах.
И он узнал это ожерелье.

--- Где вы его взяли? --- спросил он. ---
Это ожерелье, подаренное Арекс ее
покойной матерью; она всегда носила его.

--- Мы нашли его, --- сказал

технопровидец, — поскольку в один из
катней вмонтировано следящее
устройство. Губернатор надеялся, что это
поможет отыскать его племянницу. К
несчастью, как вы видите, оно не на ней.
Мы нашли его на эстакаде, застежка
сломана.

— Значит, Арекс была тут! —
закричал Гюнтер. — Разве не понимаете:
она была тут и не могла уйти далеко. Мы
должны развернуться, мы еще можем
найти ее.

Сержант решительно покачал
головой:

— Даже если девушка еще жива...

— Арекс жива, поверьте мне. Должна
быть жива. Я бы почувствовал...

— Даже если она жива, — повторил
сержант, — то прошло уже двенадцать
часов с того момента, как она слетела с
дислокацию. Сейчас она может быть где-
то в городе. У нас нет ресурсов на ее
поиски, и риск...

— Высадите меня, — сказал Гюнтер. —
Для меня там безопасно, эти существа
меня игнорируют. Я буду обыскивать

здания, пока... Просто высадите меня!

Он поступал неразумно -- и понимал это. Сержант не удостоил его ответом. У все же Гюнтеру было больно от осознания того, что он был так близко к женщине, которую любил, и оставлял ее там, в смертельной опасности. Ему не хватило веры и храбрости. Он погвел ее.

Гюнтер вцепился в лазган, стиснул зубы, и, пока флаер уносил его прочь от города, прочь от Арекс, он безмолвно поклялся ей, себе, Императору.

Он поклялся, что однажды найдет способ вернуться.

Глава двенадцатая

Они были недалеко от источника зеленого света. Каждый раз, когда тот выпускал очередную вспышку, на Карвена накатывал сильный приступ тошноты. По выражениям лиц трех оставшихся в живых сослуживцев он видел, что и они это испытывают. Однако гренадеры Круга в масках не демонстрировали никаких чувств.

Большую часть утра бойцы провели в пустом здании. Карвен долго не мог уснуть, преследуемый кошмарными картинками, а когда наконец забылся на пару часов, его разбудил мощный подземный толчок, заставивший осыпаться штукатурку со стен. Вскоре после этого лейтенант Круга получил новые приказы. Инструктаж прошел быстро и четко. Отряды с новобранцами

предписывалось подтвердить сведения о новом сооружении некронов в центре города. Ввиду превосходящих сил противника и следовало пока воздерживаться от столкновений.

Солдаты начали с того, что поднялись, насколько было возможно, на верхние уровни. Разведданные, полученные штабом от отделений СНО на поверхности, предполагали, что некроны сосредоточены на нижних уровнях и вокруг центра города. Так что до заката по верхним уровням можно было передвигаться относительно безопасно. С наступлением сумерек, впрочем, продвижение сильно замедлилось. Гренадеры посылали вперед разведчиков, те временами докладывали о патрулях некронов, так что отряду приходилось прятаться по щелям и темным углам, пока путь не становился свободен. За все это время они отдохнули лишь один раз --- присели минут на двадцать. У Карвена болели ноги и гудела голова от усталости, но он не стал жаловаться.

--- Объект в зоне видимости, ---

раздался в котлилке, выданном
квартирмейстером, голос разведчика.
Спустя минуту они подошли к концу
эстакады и увидели шесть лифтовых
клеток, в трех из которых были
платформы. Разведчик показал на них
стволом хеллгана, хотя в полумраке
вечера и без того стало ясно, что зеленое
свечение исходит именно оттуда.
Солдаты собрались на платформах,
заглядывая сквозь металлические
решетки, и Карвена чуть на самом деле не
вырвало. Он едва удержался от рвоты, его
глаза заслезились.

Он едва мог осознать масштаб
увиденного. До пиратиды оставался еще
как минимум километр, но из-за огромных
размеров она казалась ближе. Она была не
ниже самых коротких башен города, но
точно оценить ее высоту не удавалось из-
за того, что окружающие ее строения
были разрушены. Зеленый свет освещал
пусть до самой земли, и Карвен разглядел
груды обломков у ее подножия.

Поверхность постройки покрывал
черный блестящий камень, ни в малейшей

степени не поврежденный тысячелетним пребыванием под землей. Четыре стены не до конца сходились наверху, оставляя квадратное углубление, в котором горел шар зеленого пламени, освещаая вспыхивающим темное небо. На стороне, обращенной к Карвену, виднелся огромный золотой символ — круг с радиальными линиями, напоминающий солнце. Под этой эмблемой виднелись ворота в черной стене, тоже испускавшие мерзкое зеленое свечение.

Перед воротами копошились фигуры — слишком далеко, чтобы распознать, кто это. Они, казалось, расчищали завалы у входа, стаскивая обломки в пирамиду. Он не мог больше смотреть на зеленый свет, повернулся и радостно ухмылялся, что весь остальной отряд делает то же самое.

— Я доложил обстановку в штаб, — вновь услышал он голос лейтенанта в котлилке. — Командование хочет, чтобы мы уничтожили маяк наверху пирамиды. Я ответил, что наше оружие не достанет до него, а взобраться наверх не получится.

Карвен был рад это слышать. Меньше всего на свете хотелось ему

сейчас приближаться к чужовищной конструкции. Потом лейтенант продолжил:

--- Поэтому нам остался лишь один вариант. Мы начнем пробиваться к маяку изнутри.

Они шли обратно тем же путем, которым пришли сюда, еще пару километров, пока не вломились в роскошный жилой блок, вероятно принадлежавший какому-то аристократу. Хозяева, убежая, бросили все, и Карвен, лежа на кровати в комнате для слуг, с иронией заметил, что никогда еще он не отдыхал в таком комфорте. Он не надеялся, что сможет заснуть, но усталость вскоре взяла свое. Но даже и тогда его сны были наполнены светящимися зеленым упырями.

Его разбудили ранним утром, чтобы поставить в караул. Три часа он стоял на посту у разбитого окна закуской, выходящего на эстакаду. В случае появления противника ему было приказано увести слишком любопытных некронов от

входа в жилой блок. Это означало бы
верную смерть, и когда Карвен дождался
конца стены без происшествий, испытал
неуловимое облегчение.

Они планировали продолжить путь
на закате, чтобы ночь помогла им
остаться незамеченными, когда они
проникнут на территорию некронов.
Карвен и еще три солдата СНО провели
остаток дня, пытаясь отвлечься, за игрой
в карты. Они пригласили гренадеров
присоединиться, но те отказались.

Карвен не удивился, так как к этому
моменту узнал людей Крига получше. Он
должен был установить с ними какие-то
связи, но чувствовал себя неудобно рядом с
ними. Они не вели пустых разговоров — они
вообще редко говорили. Принимая пищу,
они не снимали масок, просовывая брикеты
пайка прямо под противогаз. После
нескольких дней, проведенных бок о бок,
Карвен не увидел лица ни одного из
криговцев. Он даже не знал их имен.

Очень скоро они вновь выступили в
путь, спускаясь в недра города. Сорока

этакими ниже они потревожили стаю непонятных существ, которые бросились врассыпную. Двое гренадеров все же поймали самого нерасторопного, и выяснилось, что это не некроны, а перепуганные мутанты, карабкающиеся в башню, чтобы сбежать от ужаса более страшного, чем они сами. Лейтенант, убедившись, что полезной информации у мутанта нет, пристрелил уродца. Но этот инцидент поселил в душе Карвена еще более жуткие предчувствия.

Мутанты все же помогли отряды, пытаясь прорваться наверх, они стели все баррикады, настроенные паникующими горожанами. И все равно Карвен знал, что они входят на территорию мутантов. Запах тлена наполнял воздух, а стены были исписаны граффити, выполненными кровью или испражнениями. Через несколько пролетов он старался меньше дышать носом и стал заводить криговца, никогда не снимающего противогазы.

Спустя примерно час бойцы сошли с лестницы и оказались среди рядов

маленьких, бедных лачуг. Окна были заколочены, но отряду удалось найти комнату, где деревянный угол сгнил и прореха позволяла видеть пиратигу. Лейтенант решил сделать комнатушку наблюдательным пунктом. Оставшуюся часть ночи и весь последующий день они постенно наблюдали за некронами у входа в гробницу. Карвена освободили от этой вахты, но он слышал звуки непрерывающейся деятельности чужаков и представлял себе некронов совсем рядом, прямо за тонкой стеной.

Результаты наблюдений не обнадежили дозорных. В перемещениях некронов у входа они не нашли никакой закономерности. И конечно, за последние двадцать пять часов ни разу не видели, чтобы вход в пиратигу хоть на минуту остался неохраняемым. Более того, свои ряды некроны пополнили рабами-мүтантами. Назначение этого сброды осталось неясным — никто не понимал, зачем им нужны эти жалкие существа. Однако это увеличило и без того

превосходящие силы, с которыми
предстояло столкнуться солдатам Крига
и СНО Цероним Тета.

Но если Карвен надеялся, что
лейтенант доложит об этом
командованию и безумную операцию
отменят, то его ждало разочарование.

--- Мы разделимся на три огневых
команды, --- объявил офицер Корнуса
Смерти своим бойцам, выстроившимся в
коридоре. --- Два отряда одновременно
атакуют некронов с разных направлений,
чтобы оттянуть их силы от входа. После
этого я и командное отделение атакуют
по центру и попытаемся прорваться через
ворота.

Карвен был приписан к отделению
три дня назад, но еще не отличал рядовых
криговцев от сержантов. Так что он
понял, с кем отправляется на задание,
лишь когда назвали его имя. Он и Парвел
оказались на левом фланге, двое других
солдат СНО --- на правом. В командное
отделение, наиболее многочисленное,
вошли только криговцы вместе с
лейтенантом, квартирмейстером и

почти всели желтаганати. Только сейчас Карвен понял истинное предназначение своего отделения из семи человек. Они должны отвлечь врага, как это сделали те, кто пошел в штыковую атаку на ксеносов. И гранадеры это осознавали, но Карвен уже знал, что они ничего не скажут.

Подходя к пирамиде с севера, бойцы поднялись на несколько этажей, чтобы выйти на остатки эстакады, больше похожей на полуразрушенный мост, которая, как им казалось, должна была вывести прямо к противнику. Эстакада шла параллельно северной стороне пирамиды, и, хотя гранадеры смотрели под ноги, Карвен не удержался от искушения взглянуть вверх. Он тут же пожалел об этом. Отсюда пирамида выглядела еще страшнее. Пришлось вытянуть шею, чтобы разглядеть ее вершину. Она закрывала небо и, казалось, вобрала в себя бледный лунный свет, заменив его адским зеленоватым мерцанием.

Карвен напрасно надеялся, что мост

пройдем достаточно близко от пирамиды, позволив атаковать ее охранников сверху. Если даже подобный участок когда-то существовал, теперь от него не осталось и следа, так что приблизиться к пирамиде бойцы могли лишь по земле.

Так Карвен впервые вступил в мир, который надеялся никогда не увидеть. В мир, который с детства был синонимом самого ужасного из всех мифических агов. СНО забыло об этом мире, как и арбитры с городской администрацией, — и не удивительно. Его дороги были по лодыжку затоплены нечистотами, с бульканьем лившимися через металлические решетки давно переполненного трубопровода. Здесь не было не опаленной огнем стены и злобное мутантов царило повсюду. Это был мир, который, как слышал Карвен, за стенами базы СНО называли «подульем». Мир, который власти хотели замуровать пластиком. И Карвен с содроганием подумал, что это был его мир. Так выглядел Церонил-сити с земли, на которой были построены его башни.

Первую дорогу до цели солдатам преградили завалы. Им пришлось вернуться и обойти груды камней и арматуры, пока они не оказались у боковой стены пирамиды, в сотне метров от ее северо-западного угла. Здесь не заметно было признаков жизни, но бойцы все равно передвигались скрытно, один за другим, пробираясь сквозь развалины. Предосторожность оказалась нелишней: из-за угла без предупреждения вынырнули два некрона. Сержант дал знак подчиненным — тихо! — и, дождавшись, когда враги пройдут мимо, сразил их с тыла одним выстрелом мелтагана, единственного на всю группу. Затем они дождались подтверждения по воксу, что другой отряд отвлечения тоже занял позицию. Получив этого, сержант повел солдат в наступление.

Карвен ожидал, что вблизи ворот они тут же попадут под прицельный огонь некронов, но враги были далеко и не видели их из-за обломков. Впервые молодой пехотинец пожалел, что вооружен не плазганом. Хеллган, конечно, мощнее, но бьет не так далеко. Если отделение

собиралось отвлечь некронов, к врагу придется подойти ближе, чем хотелось бы Карвену.

Первый противник, встреченный отрядом, оказался мутантом. Он рылся в груде отбросов и не заметил, как оказался окружен вооруженными людьми. Карвен уже вскинул винтовку, но тут в воксе раздался голос сержанта, велевший не открывать огонь. Тогда двое гренадеров прижали существо к земле и свернули ему хлипкую шею, раньше чем уродец успел хотя бы пискнуть. Затем все застыли, пытаясь понять, не привлекла ли эта возня внимания некронов.

Стоило солдатам двинуться дальше, как у пиратиды завязался бой. Выстрелы ксеносов эхом разносились по округе. Карвен присел, оглядываясь в страхе. Когда до него дошло, что тишенью стало не их отделение, сержант уже кричал, приказывая идти в атаку. Следуя за гренадерами, пробиравшимися через завалы, Карвен наконец увидел некронов. Их было немного, трое или четверо. Но -- это очень удивило Карвена -- с собой они

привели второе больше мутантов. У солдата пересохло во рту, когда он осознал, насколько неравны силы.

Но пара обстоятельств немного ободрила его. Во-первых, у ворот пирамиды была расчищена ровная площадка. Так что оба отделения могли вести огонь по врагу, находящемуся на открытом пространстве, из укрытия. Во-вторых, подход другой группы ксеносы обнаружили раньше, и теперь именно она оттянула на себя их внимание. Кризовцы из отделения Карвена, конечно, на сто процентов использовали оба эти преимущества, и заряды хеллганов ложились непосредственно между металлических лопаток некронов.

К разочарованию Карвена, никто из них не упал. Он не понимал: это потому, что стрельба ведется со слишком большого расстояния и лучи хеллганов не достают противника в полную силу?

Некроны развернулись, и зеленые толпы прорезали воздух над головами второго фланга. А у Карвена не осталось сомнений: оружие ксеносов наделено не только силой, но и дальностью. Вот

упал гренадер, сраженный зеленой молнией. Карвен спрятался за грудой щебня. Он не видел происходящего, а лишь чувствовал, как зеленые лучи бьют в камень за его спиной, превращая его в ничто.

— Готово, — прозвучал спокойный голос сержанта, — мы отвлекли их на себя. Теперь отступаем, продолжая отстреливаться. Оттягиваем силы противника от ворот.

Карвен выглянул из-за укрытия, и его сердце затерло, когда он увидел четырех некронов, неторопливо шагающих прямо на него. Перед собой они знали живой щит из шестерых мутантов, но испуганными глазами которых было ясно, что добровольцев среди них не было. Карвен сразил двух мутантов, сделав шесть выстрелов. Гренадеры положили еще троих, а также свалили одного некрона. Оставшиеся подошли слишком близко, и Карвен попробовал найти укрытие. Он побежал к расщелине между двумя обвалившимися блоками, но путь ему перерезал зеленый луч. Хотя гвардеец, бежавший позади него, не остановился и

достиг цели, Карвен не рискнул бежать дальше и вернулся на прежнюю позицию.

Некроны были уже совсем рядом; когда они обойдут завал, то обнаружат его, если он не сможет спрятаться. А спрятаться теперь можно за той же горой щебня, только с другой стороны. Надо сделать так, чтобы его и некронов разделяла эта гора. Конечно, так он окажется только ближе к пирамиде, но сейчас Карвена это не заботило. Некроны приблизились раньше, чем он успел хоть как-то замаскироваться. Карвен задержал дыхание, ожидая, что враг в любую секунду повернется и обнаружит его.

К счастью, некронов отвлек огонь из хеллгана, и они пошагали дальше, преследуя товарищей Карвена. Только теперь до него дошло, что он позволил врагу окружить себя и отрезать пути к отступлению. Он несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь унять тошнотворные спазмы страха, и напотнил себе, что в любом случае не надеялся дожить до сегодняшнего вечера.

Вокс-бусина вновь наполнилась

голосами. Так он узнал о гибели Парвена, но были и хорошие новости. Сержант, дождавшись, когда некроны войдут в зону поражения мелтагана, открыл по ним огонь из укрытия. Именно на его счет оказалось больше всего уничтоженных некронов, и сержант жалел лишь, что его отделение оттянуло на себя не так много некронов.

--- Мы отвлекли тринадцать или четырнадцать некронов от ворот. Мы должны удвоить это число, чтобы дать шанс командному отделению.

Карвен знал, что должен сделать.

--- Некроны, --- сказал он в вокс. --- Я... мне удалось проскользнуть мимо них. Я постараюсь... подобраться ближе к пирамиде и снова открою по ним огонь. Может быть, если я буду двигаться достаточно быстро и не слишком мозолить им глаза, я смогу убедить их, что нас больше... что их атакует третье отделение, и, возможно, они...

--- Да поможет тебе Император, солдат Карвен, --- равнодушно произнес сержант.

Карвен подобрался к воротам так близко, как только смог. И оказался в плотном кольце врагов. Он слышал, как они проходят среди развалин всего в нескольких метрах от него. Ксеносы явно были уверены в том, что их сородичи отражат атаку Корнуса Смерти по двум направлениям, и просто вернулись к работе.

«Я слишком близко», — подумал Карвен. Из своего нынешнего укрытия он не мог сделать ни выстрела без риска, что его обнаружат. И тут он понял, что ему и не нужно.

Он навел хеллган на гребень завала и выстрелил, надеясь, что грохот камней замаскирует источник выстрела и заставит некронов подумать, что стреляли с какой-то другой стороны. Сделав еще два обманных выстрела в противоположном направлении, потом два в воздух, Карвен побежал. В ушах стоял треск зеленых молний, и он не оглядывался, чтобы не видеть, сколько некронов отвлекла его тактика. Вряд ли

ему понравится это зрелище.

— Сержант погиб, — раздался голос в
вокс-бусине. — Повторяю, сержант погиб.
Остался только я. Теперь вся надежда на
вас, лейтенант. Мы сделали все, что
могли, и да стилистивится Император
нашими бесполезными...

Карвен совершил еще одну перебежку,
обогнув очередной завал, и чуть не врезался
в какой-то силуэт. Вскинул хеллган — и
только после этого понял, что перед ним
человек. Растрепанный, напуганный, в
изорванном рабочем комбинезоне, он
сгибался под тяжестью куска пластика.
Очевидно, раб некронов, смотревший на
Карвена с отчаянной мольбой.

— Я не могу тебе помочь, — с горечью
произнес Карвен. — Беги от меня как
можно дальше. Некроны гонятся за мной, и
ты же не хочешь, чтоб они подумали...

Человека будто пригвоздили к месту.
Карвен шагнул вперед, чтобы дать ему
толчок в верном направлении. Глаза
мужчины вспыхнули, и с гортанным
рычанием он ударил куском пластика
Карвена по голове.

Он лежал на земле и не помнил, как упал. Голова гудела, и когда он попробовал коснуться лба, то пальцы стали липкими. Он потерял свой хеллган и не мог повернуть головы, чтобы поискать его, мускулы шеи стали дряблыми, как губка. А вокруг были некроны, топали железными ногами.

Череп некрона навис над Карвеном. Солдат беспомощно смотрел в дуло пушки и мог поклясться, что видит зеленые молнии, сверкающие в глубине. Или это была всего лишь игра света? Потом некрон отвернулся и зашагал прочь, и Карвен затрясся от беззвучного смеха. Он возблагодарил Императора, потому что в итоге оказался одним из Его избранных. Он не утратит сегодня, как все.

В вокс-бусине трещала статика. Карвен закрыл глаза и услышал доносящиеся со стороны пирамиды выстрелы хеллганов и мелтаганов командного отделения и ответные залпы некронов, похожие на треск разрываемой ткани. Мелты и хеллганы утолкали огни

за другим, а выстрелы противника раздавались все чаще и чаще и вот наконец заглушили все остальные звуки. Последним, что услышал Карвен, стал голос раба, оглушившего его:

--- Император мертв, --- прошипел он, --- теперь у нас новые боги.

Глава тринадцатая

В двадцать третий раз Костеллин проснулся от взрывов, донесшихся из Церонит-сити. Сначала он не замечал их, успев привыкнуть к постоянному отдаленному грохоту. Комиссар сел на раскладушке, которую поставил прямо в кабинете. В окно пробивался солнечный свет, и новобранцы СНО уже тренировались на плацу.

Спустя сорок минут, умывшись, побрившись, позавтракав и переодевшись в чистую форму, подготовленную адъютантом, комиссар уже сидел в кабинете полковника Сто Восемьдесят шестого на плановом утреннем совещании. Две недели назад об этих совещаниях узнал и генерал-губернатор, так что он тоже был тут, хотя никто его не приглашал. Сегодня полковник едва успевал

принимать донесения от операторов вокс-станции и не сразу удостоил вниманием других офицеров. Но за это время Костеллин многое узнал о произошедшем ночью.

--- Я так понимаю, перестрелка на севере завершилась, --- сказал он.

Полковник кивнул.

--- Некроны отступили в пять-девятьнацать или, скорее...

--- Ули, скорее, просто снова исчезли.

--- Не имеет значения, --- ответил полковник. --- В любом случае потери противника значительны, в особенности за последний час. Поздравляю полковника Сорок второго с выигранным сражением.

--- А каковы наши потери? --- уточнил Хенрик.

--- Этих данных пока нет, --- ответил полковник.

--- Приблизительно? --- спросил Костеллин.

--- Мы потеряли около тысячи восьмисот человек.

--- Третий Сорок второго полка, --- присвистнул комиссар. --- Будет надеяться.

некроны вернутся не скоро.

Полковник разложил на столе потрепанную карту города.

--- Генералы считают, что враг ли, --- ответил полковник. --- Мы столкнулись с самой сильной группировкой противника и нанесли ему поражение. Нам пришлось нелегко, но и враг истощил свои ресурсы.

--- Неделя назад, --- напомнил Костеллин, --- вы то же самое говорили про сражение на востоке.

--- Главное, что мы удержали позиции в этих сражениях, хотя враг пытался прорвать их. А значит, наша стратегия верна.

--- Возможно, --- добавил Костеллин, --- вопрос в том, какую часть своих потерь некроны способны восстановить. Их маяк продолжает работать, несмотря на все усилия техножрецов заблокировать сигнал.

--- Возможно, вы забыли, комиссар Костеллин, --- сказал полковник, --- что через два дня придет подкрепление.

--- Я помню, --- отрезал Костеллин. --- Тем не менее надо пересмотреть планы по

распределению частей. Взять хотя бы
Сорок второй полк, туда генералы
наверняка решат направить больше
рекрутов.

--- Не забывайте про СНО, --- напомним
Хенрик. --- Мобилизация и подготовка
идут успешно. Я могу выделить
восемнадцать или даже двадцать взводов.
Их можно послать на временную
поддержку Сорок второго полка и начать
призыв в других городах. Единственная
трудность, как я говорил раньше, --- это
оружие и снаряжение.

--- Квартирмейстеры постараются их
оснастить, --- сказал полковник, ---
присылайте ваших людей.

--- К сожалению, --- добавил
Костеллин, --- гауссово оружие некронов
мало что оставляет от жертвы. Теряя
человека, мы теряем и всю его атаку.

--- Император защитит, --- сказал
полковник.

Костеллин не разделял этого
оптимизма и понимал, что его голос на
этих совещаниях звучит
пессимистически. «Возможно, --- подумал

он, -- в чем-то полковник прав». Корпус
Смерти и вправду за эти недели добился
успеха, сжав стальное кольцо вокруг
города. Хотя полк самого Костеллина ни
разу не вступил в бой, Сорок второй и
Восемьдесят первый полки действительно
одержали впечатляющие победы.

Комиссар даже предположить не мог,
что такое возможно, но пока что некрон
отступали. Однако Костеллин считал,
что кто-то должен призывать и к
осторожности. Кто-то должен
напоминать, что Гвардия столкнулась
лицом к лицу, возможно, с самой большой
угрозой, известной Империи. Даже
Хенрик, как ни странно, теперь во многом
разделял настроение полковника. С тех
пор как губернатор отчаялся найти
племянницу, он был готов пожертвовать
всеми своими подданными, лишь бы
выиграть войну.

-- Я ожидаю доклада полковника
Сорок второго, -- сказал полковник Сто
восемьдесят шестого, -- о тактике врага в
последнем бою. Еще меня интересуют
свежие разведданные о новой породе

некронов и о том, что мы им можем противопоставить.

Хенрик явно не понял последней фразы, и Костеллин разъяснил:

--- Они впервые замечены прошлой ночью. Верхняя половина тела такая же, как и у других, но нижняя часть отсутствует. Они парят в воздухе, как призраки, и могут становиться невидимыми --- до тех пор пока не подберутся ближе и не пустят в ход клинки, которые им заменяют руки. Вот тогда они становятся видимыми даже слишком.

--- Предлагаю считать совещание законченным, --- сказал полковник. --- Вернемся к разговору, когда получим всю информацию.

Спустя два часа Костеллин услышал знакомый настойчивый стук в дверь, и в кабинет вошел Хенрик.

--- Я не помешал? --- спросил генерал-губернатор, без приглашения садясь в кресло.

--- Вообще-то, я собирался проехаться

вдоль позиций, — сказал комиссар. — Надо разнести новости о славном триумфе. Я собрал достаточно примеров героических подвигов на поле битвы с превосходящими силами врага.

— Ну да. Именно это я хотел обсудить.

Костеллин вопросительно поднял бровь, приглашая Хенрика продолжить.

— Прошлой ночью, — сказал губернатор, — я думал об атаке некронов. Все не мог взять в толк: почему в этом месте? Зачем им прорываться на север, если они только что обескровили Восемьдесят первый полк на востоке? Полковник сказал, что это самая крупная группировка некронов из тех, с чем приходилось сталкиваться. Если бы они послали их против Восемьдесят первого, мы бы сейчас не праздновали победу.

— У вас есть теория? — спросил комиссар.

— Конечно. Может быть, просто разведка некронов сплеховала?

— Действительно. Они могли решить, что мы планируем еще одну

атаку на востоке и перебросили туда свои силы.

— Но я тут посмотрел старые схемы и, прежде чем показать их полковнику, хотел бы узнать, что вы об этом думаете.

Хенрик передал Костеллину записывающую катушку, и тот загрузил ее в гололитический проектор на столе. Через секунду появилось мерцающее изображение: архитектурные планы верхних этажаг Цероним-сити. Хенрик сменил еще несколько снимков, пока не нашел нужный.

— Вот, — сказал он, проводя пальцем линию. — Так далеко продвинулся Восемьдесят первый полк, когда некроны атаковали их, а вот, — он переключился на другой снимок, — тут они атаковали Сорок второй.

Он несколько раз переключился между снимками и спросил, не заметил ли комиссар в них чего-либо необычного. Костеллин покачал головой. Хенрик увеличил на первом снимке одно здание, и комиссар изумленно наклонился к голопроектору.

--- А может, это лишь совпадение?

--- Может, --- ответил комиссар. --- Но если нет... Думаю, вы правы, Хенрик. Надо немедленно доложить в штаб. Мы нашли слабое место некронов.

Кабинет полковника Сто восемьдесят шестого был забит до отказа. Вокруг стола толпились бесчисленные адъютанты, ротные командиры и паратехножрецов. Хенрика окружал небольшой контингент офицеров СНО. Посреди всего этого стоял одинокий молодой солдат. Недавно призванный, судя по тому, что он был в алой с фиолетовым форме.

--- Конечно, --- сказал Хенрик, раздвываясь от гордости, --- как только в городе отключилось электричество, я сразу же послал разведчиков к главному генератору.

--- Но никто не дошел, --- сказал полковник. --- Мы считали, что, как и другие отряды СНО, они пали жертвой некронов. Однако сегодня утром появилась новая информация.

Хенрик явно хотел

прокомментировать, ему не терпелось рассказать об обстоятельствах жизненно важного открытия, но полковник быстро потерял терпение и перебил его.

--- Похоже, --- сказал он, --- Сорок первый и Восемьдесят первый полки были атакованы, когда приблизились к вторичным генераторам.

--- Мы считали, --- сказал Хенрик, --- что отключение электричества было актом саботажа, призванным посеять панику среди гражданского населения и затруднить эвакуацию. Но что, если этим стоит нечто большее? Что, если энергия перенаправляется для каких-то целей?

--- Каждый раз, когда мы сталкивались с некронами, --- сказал полковник, --- их численность возрастала. Мы не знаем, сколько их в гробнице, не знаем, получают ли они каким-то образом подкрепление извне. В любом случае...

--- В любом случае, --- сказал Хенрик, --- они используют для этого нашу энергию. Что, если они не смогут без нее пробудить свои войска или... использовать маяк?

--- Что касается технической стороны, --- произнес техножрец, --- мы все были ошеломлены способностью некроноров регенерировать после самых разрушительных повреждений. Возможно, расходуемая на это энергия также берется не изнутри гробниц, а извне.

Полковник вызвал гололитическую карту города.

--- В Церонил-сити осталось три генераторума, --- сказал он, показывая на карте эти объекты.

--- А тот факт, что они невредимы, невзирая на все причиненные некронами разрушения, говорит сам за себя, --- вставил Костеллин.

--- С нынешними темпами Сто третий сровняет с землей этот генераторум примерно через три с половиной дня. В это время наш полк доберется до вот этого чуть более чем за двенадцать дней. Остается центральный, самый крупный, вот здесь.

--- Могу я предположить, сэр, --- заговорил один из ротных командиров, --- что вы намерены послать отряд, чтобы

разобраться с генераторами? Если так, то моя рота хотела бы выполнить эту миссию, а я -- лично возглавить ее.

-- Благодарю, майор Альфа, -- ответил полковник. -- Действительно, таков план, и генералы попросили наш полк реализовать его. Однако наша главная задача остается прежней -- удерживать блокаду города. Мне понадобятся все старшие офицеры, чтобы отразить вероятную атаку некронов, когда мы приблизимся к западному генератору.

-- Думаю, в этом есть и светлая сторона, -- произнес Костеллин, словно размышляя вслух, -- это отвлечет большую часть армии некронов. Но все равно будет довольно трудно провести крупное подразделение мимо них. Они добивали почти все флаеры СНО.

-- Вот тут нам и пригодится Соресон, -- вылез Хенрик, прежде чем слушатели успели расстроиться.

И взоры всех присутствующих обратились на новичка, который явно не испытал восторга от повышенного

внимания публики.

--- Отряд гвардейцев под моим командованием эвакуировал его из города три недели назад. Он в одиночку бился с некронами. Как вы видите, мы сразу же приняли его в СНО. А до всех этих наших бед мистер Соресон был инспектором шахт.

--- Цероним-сити, --- сказал полковник, --- возведен над разветвленной сетью шахт и туннелей. Солдат Соресон проведет по ним нашу диверсионную группу.

--- Прямо под носом у некронов, --- одобрил Костеллин. --- Остается только надеяться, что, когда гробница поднялась на поверхность, под землей не осталось ксеносов.

--- Выход из шахт, --- сказал Соресон, --- находится всего в двух кварталах от главного генератора. Если мы сможем добраться...

--- К несчастью, --- сказал Хенрик, --- планы туннелей были потеряны при эвакуации. Но как вы только что слышали, солдат Соресон знает их как свои пять

нальцев.

Гюнтер Соресон явно был гораздо менее уверен в этом, нежели генерал-губернатор.

--- Не все туннели соединены между собой, --- проговорил он. --- Чтобы добраться до этого выхода, нам придется проломить две или три стены.

--- Тонкие стены, --- быстро добавил Хенрик. --- Мы разрабатывали эти шахты поколениями. Даже те из них, что не соединены, проходят достаточно близко друг от друга.

--- Кажется, сэр, у нас на борту «Мементо Мори» есть старая буровая машина, --- напомнил один из техножрецов.

--- «Термит», --- вспомнил Костеллин. --- Но рев его двигателей будет слышен у Золотого Трона. Однако если туннели так близко друг к другу, как говорит генерал-губернатор, то разумнее воспользоваться взрывчаткой.

--- Спускайте «Термит» вниз, на всякий случай, --- приказал полковник. --- Тем временем вы, генерал Хенрик, могли бы обеспечить группу взрывчаткой. А

солдат Соресон пусть скорректирует те карты туннелей, что у нас есть. Майор Альфа, я воспользуюсь вашим предложением: взвод гренадеров от вас и еще один из роты Гамма. А возглавит их..

Костеллин напрягся, ощутив на себе взгляд полковника.

--- Комиссар, я знаю, что не могу вам приказывать. Но после наших потерь на Даске вы --- самый опытный офицер полка.

Нельзя сказать, что предложение было беспрецедентным. Да и Костеллин не привык отсиживаться в штабах. Однако он предпочитал сам решать, в каких сражениях принимать участие. К тому же он не разделял присущего офицерам Крига безразличия к собственной жизни. Не говоря уже о том, что никогда раньше не сражался с некронами. «Интересно, --- подумал Костеллин, --- не нарочно ли полковник построил все это, желая избавиться от комиссара, задающего много лишних вопросов?» Как-то подозрительно он нажимал на опытность, словно намекая, что более храбрый человек уже давно был бы мертв.

--- Безусловно, --- продолжал полковник, --- вы не откажетесь сослужить Императору хорошую службу.

--- Если вы ставите вопрос таким образом, --- произнес комиссар сухо, со злостью ощущая на себе взгляды офицеров, --- то как я могу отказаться?

Совещание следующим утром прошло в напряжении, по крайней мере с точки зрения комиссара. Они обсуждали расчетное время задания и решили --- точнее, полковник решил, --- что операция начнется через два дня, когда некронь будут заняты защитой генераторума на юге от артиллерии Сто третьего полка. Костеллину предписывалось продвинуться по туннелям так далеко, насколько возможно, и ждать сигнала от полковника. Атаку планировалось провести одновременно с бомбардировкой западного генераторума. Костеллин не мог не признать, что полковник дает ему все возможные шансы на победу. Если позволит Император, он войдет и выйдет из города, ни разу не встретив противника. Но

комиссар подумал, что на чудо рассчитывать не приходится.

В конце концов они все же решили взять «Термит». Хенрик еще не предоставил обновленной карты туннелей. Пришлось признать то, что Костеллин подозревал с самого начала: память Соресона была не так хороша, как утверждал генерал-губернатор. «Термит» давал больше возможностей, если вдруг группа свернет не туда, но вмещал лишь десять человек — так что большей части группы придется идти за ним пешком.

Комиссару выделили два взвода гренадеров, и полковник назначил на вечер предварительный инструктаж. Большую часть времени после полудня он провел сочиняя вдохновляющую речь, которая, как он знал, вряд ли понадобится; разбирал, чистил и стазывал ценной меч и плазменный пистолет, читая необходимые молитвы, чтобы успокоить их машинных духов.

Комиссар встречал рассвет, стоя на трибуне и готовясь приветствовать пополнение. Гвардейцы шеренгами

выходили из десантных кораблей, безупречно экипированные, неотличимые в своих масках от любого другого гвардейца Корпуса Смерти Круга, с которыми служил Костеллин. Как всегда, при посадке челнока возникли проблемы с беженцами из лагеря на холме, не без оснований подозревавшими, что чиновники и аристократы будут эвакуированы прежде них. Однако пополнение пришло на помощь арбитрам, и выступления были жестоко подавлены.

— Они производят впечатление, не правда ли? — сказал Манхейм за спиной Костеллина.

— Да. Этого я и ожидал, — согласился Костеллин. — Если не думать, через что они прошли, прежде чем сюда попасть.

— Прошу прощения? — не понял Манхейм, но комиссар в ответ протолчал.

Он вспомнил свой единственный визит на Круг девятнадцать лет назад. Тогда это казалось Костеллину хорошей идеей, способом лучше понять своих людей. Надев маску и противогаз, он вышел на обугленную и затерзную поверхность

Крига, враждебную любым формам жизни. И все-таки жизнь существовала и здесь.

Зная, что война на Криге давно закончилась, он ожидал, что экосфера хотя бы немного начала восстанавливаться. Пока он бродил под нейтральным флагом, жители Крига высывались в своих масках из траншей, покрывших планету, словно кровавые шрамы. Взрывы снарядов оставляли в истерзанной земле новые воронки, поднимая тучи пыли в и без того непригодный для непосредственного дыхания воздух. Люди Крига все еще воевали, но уже не из-за разногласий, а чтобы доказать, что достойны умереть за Императора.

— Вы бы видели их вчера ночью! — восторгался Манхейм. — Я имею в виду той Сорок второй полк. Чтобы бы ни бросали некроны на них, они продолжали идти. Они были несгибаемы. Даже я испугался, увидев этих ксеносов, признаюсь честно. Но гвардейцы ни разу не дрогнули, ни разу не заколебались.

— Тысяча восемьсот из них погибли, —

заметил комиссар.

--- Ну да. Но ведь по нашим расчетам...

--- Вы ожидали потерять еще больше. Три тысячи, четыре... Но ведь все в порядке, если сражение выиграно. Допустимые потери. Это приходится раньше, чем ожидаешь. Я сам иногда делаю так же.

--- Делаете что?

--- Вижу в них только цифры. Ценю их жизни не больше, чем они сами. Видит Император, так проще.

--- Я так не думал, -- ответил Манхейм. -- Некроны угрожают не только этой планете, но и всему Империи. С ними надо сражаться.

--- Посмотрите на этих солдат внимательнее, приглядитесь. Что вы видите за масками? Они только что с Крива, и что это значит? Что большинству из них четырнадцать-пятнадцать лет. И все они видели за свою жизнь только войну.

--- Но это можно сказать о многих мирах смерти, -- возразил Манхейм. -- Хотя, конечно, на Криве условия хуже, чем

где-либо, и это накладывает отпечаток.

--- Да нет же, --- тихо сказал Костеллин, --- это мы делаем их такими.

Тем временем самый первый, самый маленький отряд гвардейцев, чьи светлые серые куртки говорили об их принадлежности к Сто третьему полку, построились и зашагали прочь под надзором своих новых офицеров.

--- Возможно, тебе стоило поступить, как я, --- сказал комиссар, --- самому побывать на Круге. Ты бы понял, что эти люди не бесчеловечны, их обесчеловечили.

--- Не думаю, что увижу разницу, --- ответил Манхейм, но Костеллин вновь погрузился в воспоминания.

На этот раз память вернула его в туннель, выложенный кирпичом, с рециркулирующим воздухом. Большинство людей --- женщины, многие из которых с детьми, и все они проводили жизнь в политическом оцепенении. Тут, под землей, не было необходимости в масках, но их все равно носили.

--- Возможно, --- сказал он, --- если бы я тогда высказался... Но сейчас я уверен, что

никто бы не стал слушать. Я говорил вам, еще когда мы летели сюда, что Корпус Смерти Круга — очень ценный для Империи ресурс, идеальные солдаты. Вопрос в том, какими идеалами мы готовы пожертвовать? На какие еще ужасы закрыть глаза?

— Я уверен, нам не следует задаваться такими вопросами, — напряженно ответил Манхейл.

— Если не мы, то кто? Кто постелится сказать, что все зашло слишком далеко?

— Мне не нравится, куда вы клоните, Костеллин. Я знаю, что вы не хотели ввязаться в этой войне, — но каковы альтернативы? Если бы мы сделали по-вашему, то есть уничтожили бы планету с орбиты, — погибли бы миллиарды людей. У нас не хватало бы времени на полную эвакуацию.

— Я все понимаю, — тихо ответил Костеллин. — Просто я иногда беспокоюсь о нас. Мы сами становимся такими же бесчеловечными, как они, привыкает к «допустимым потерям». К цифрам. Мы

забываем, что за этими цифрами ---
жизни, пускай безрадостные и трудные, но
все равно жизни. Когда-нибудь придет день,
и мы сами станем цифрами --- и кто
тогда побеспокоится о нас?

Глава четырнадцатая

Сколько с тех пор прошло времени? Казалось, железные боги воцарились уже многие годы назад. Прошлая жизнь представляла настолько далекий воспоминанием, что даже скучать по ней стало трудно. Будущее представляло собой бесконечные дни, подобные этому. Изнурительный труд на руинах города по четырнадцать часов, еда, сон — и снова подъем на работу.

Странно, как быстро все это вошло в привычку. Как легко тело привыкает к нагрузкам и боли, а сознание, в страхе перед сумасшествием, перестраивается на жизнь здесь и сейчас. Кирка Арекс словно приросла к рукам, стала их продолжением. Она не ощущала мозолей на когда-то охоловших руках, сжимающих деревянный черенок. Иногда, впрочем, сознание

разбивало оковы оцепенения, переноса ее в спальню с белыми коврами в апартаментах Высокого Шпиля или на свидание украдкой в непритязательной закуской, где ее ждало прикосновение губ любимого...

Ее пронзила боль утраты.

Арекс упала на колени и заплакала, привлекая внимание грустного надсмотрщика; он тут же приказал девушке не отвлекаться и ударил ее арбитрской дубинкой. Она честно пыталась повиноваться, но кусок пластика, который она поднимала не задумываясь всего лишь секунду назад, теперь показался тяжелее целого мира. Надсмотрщик перевел дубинку в режим электрошока, и Арекс сжалась в ожидании разряда. Однако на этот раз послышалась перебранка, и сквозь слезы она увидела, что ей на выручку подоспел другой раб. Он красив и молод, заметила девушка, хоть и грязный, как и все здесь, и осунувшийся от тяжелой работы. Мужчина вырвал у надсмотрщика дубинку и едва удержался от искушения самому пустить ее в ход. Но

все же здравый смысл погасил яростный огонь в глазах, и он просто бросил дубинку на землю.

--- Она старается! --- рывкнул спаситель. --- Вот и все. Мы все устали и голодны. Тебе этого не изменить, как бы ты ни издевался над девушкой.

При этих словах он поднял Арекс на ноги и приложил к ее губам бутылку воды. Надсмотрщик подобрал дубинку с земли и угрозил бунтарю:

--- Следующие три дня, Тайлер, ты будешь получать только половину рациона. И я расскажу обо всем Амарету, ты понял меня?

--- Тебе не стоило так делать, --- благодарно сказала Арекс, когда надзоритель отошел от них. --- Теперь из-за меня у тебя будут неприятности.

Ее спаситель покачал головой:

--- У меня все время неприятности, с тех пор как угодил сюда. Сегодня хотя бы оно того стоило.

--- Я поделюсь пайком, --- пообещала она. --- Я не позволю тебе страдать от голода.

--- Даже не вздыхай, --- ответил Тайлер. --- Тебе нужно поддерживать силы. Ты же знаешь, что они делают с теми, кто не может работать. Обо мне не волнуйся, Арекс, я выдержу --- я упрямый. Я не оставляю ни удовольствия видеть меня сломленным.

--- Ты знаешь мое имя? Но я не...

--- Значит, ты не узнаешь меня?

Арекс взгляделась в лицо мужчины, стараясь сквозь грязь различить знакомые черты под растрепанными светлыми волосами.

--- Я тебя знаю, --- поняла она наконец. --- Тайлер. Ты сын адмирала, кажется?

--- Лорд-адмирала, --- уточнил Тайлер. --- В любом случае достаточно высокопоставленного человека, чтобы уберечь меня от призыва и пристроить на непильную работу в Администратум. Впрочем, я рассказывал об этом тысячу раз, пытаясь впечатлить тебя.

--- Прости, --- сказала Арекс. --- Просто мой дядя, он...

--- Я знаю, --- с теплотой ответил Тайлер. --- Ты тоже много говорила о

губернаторе Хенрике, как я помню. Тебя
определенно не вдохновлял его выбор
ухажеров.

--- Мы тогда были так молоды, ---
вздыхнула Арекс. --- То, что нас тогда
волновало...

--- Сейчас не имеет значения?

Тайлер отпустил ее, и ей сразу же
стало холодно без его объятий. Так сладко
оказалось на миг погрузиться в прошлое и
узнать, что хотя бы частица его уцелела.
Это вселяло надежду, пусть и ненадолго.
На Арекс вновь накатила сосущая пустота.

--- Вернемся к работе, --- сказал
Тайлер, --- пока надзиратель не вернулся.
Давай помогу тебе. Если снова
почувствуешь слабость, обопришься на меня.

--- Конечно, --- благодарно сказала
девчушка.

Работа заключалась в том, чтобы
отсортировать материалы, нужные
железным богам. Все металлическое
належало сложить в кучу; туда же
отправлялись драгоценные камни и
ювелирные украшения. Раз в полчаса Арекс

и Тайлер по очереди вывозили в тележке бесполезный мусор на территорию бывшей плавильни. Тайлер так искусно набивал ее тачку, что она весила гораздо меньше, хотя и выглядела столь же внушительно. Тачку следовало опорожнять в опустевшую шахту лифта, пока группа надсмотрщиков резалась в карты за столом.

Иногда Арекс по-настоящему злилась на несправедливости. Надзирателями Амарет назначил своих грузей; работали они намного меньше, а питались гораздо сытнее. «Интересно, — размышляла племянница губернатора, — что они сами раньше думали обо мне? Эти люди тяжело трудились, а я проводила свою жизнь в праздности, ни в чем не нуждаясь». Теперь железные боги избрали новый правящий класс, и, возможно, она заслужила эту кару.

Арекс спала на холодном голом полу в хаб-блоке вполонину меньше ее ванной комнаты в Высоком Шпиле, комнате с еще четырьмя рабами. Окно было забито досками, но ночью все равно мешал заснуть

мерзкий зеленый свет пиратиды,
пробивающийся сквозь щели.

--- Тебе не кажется странным, ---
спросил ее как-то Тайлер, --- что мы
никогда не видели самих железных богов?
Равно как и доказательств того, что они
получают плоды нашей работы.

--- Если им не нужен металл, ---
пожала плечами девушка, --- зачем они его
требуют?

--- Это Амарет говорит, что он им
нужен.

Арекс перестала работать киркой,
рискуя вызвать гнев надсмотрщика, и
посмотрела на Тайлера:

--- Что ты имеешь в виду? Зачем мы
всё это делаем, если...

--- Как ты сюда попала? Как
присоединилась к рабочей группе?

--- Что мне еще оставалось? Я не
могла вернуться домой. Встретила
людей, вернувшихся от городских ворот,
они сказали, что те разрушены. Потом я
увидела... увидела, как другие работают в
развалинах, и спросила их зачем, и они
сказали мне...

— Они нашли меня, — сказал Тайлер, — и сказали, что если я не присоединюсь к ним, если не стану служить железным богам, то их долг — покарать меня. Но даже так...

— Даже так, — вздохнула Арекс, — комфортнее знать... верить, что мы не совершенно беспомощны перед этой ужасной силой, что мы как-то можем...

— Но что, если, — прошептал Тайлер, — железным богам ни капли не интересно, служим мы им или нет? Что, если нас обманули?

И тогда они решились на саботаж. Они прятали в тележке металлолом и сваливали его в шахту, чтобы он не попал в переплавку. Они думали, что это безопасно, ведь никто на самом-то деле не смотрел, что там, в мусоре. Они считали так до тех пор, пока однажды в тележке предательски не звякнули столовые приборы. Надзиратели окружили Арекс и начали допрашивать.

Все они были мужчинами за сорок, большинство — вечно грязные, небритые бывшие шахтеры. Один спросил у Арекс,

как ее зовут, и она честно ответила, потому что не видела смысла нести бремя еще одной лжи. Надсмотрщик внимательнее пригляделся к ней и вспомнил, что когда-то видел ее лицо в выпуске новостей.

Теперь они еще больше заинтересовались ею. Они хотели узнать, не шпионит ли она на губернатора, что она с негодованием отвергла. Они спросили, почему она не эвакуировалась из города с остальными, отменяя ее робкие оправдания, пока она не призналась, что искала любимого. После этого Аркс разрыдалась, отчасти из-за того, что они вытащили из нее самый сокровенный секрет, отчасти из-за воспоминаний. Она вспоминала, как, пробравшись через руины, нашла дом Гюнтера, разрушенный роетом металлических жуков, и впервые в жизни осознала, что осталась совсем одна.

Надсмотрщики нашли эту историю забавной. Они захотели узнать больше о парне с нижних уровней, покоришем сердце аристократки. Отпуская плоские шуточки об их отношениях, они хохотали, когда она

заявила, что он лучший мужчина в мире.

--- Где же он сейчас, --- издевались они, --- твой сладкий любовничек?

--- Он ищет меня, --- упрямо сказала Арекс. --- Гюнтер ищет меня и не остановится, пока не найдет.

Она потянулась к шее за ожерельем, забыв, что потеряла его. Оно выпало из кармана во время атаки металлических жучков. Потом она пыталась найти его, но безрезультатно.

--- А давайте, --- предложил один из надсмотрщиков, --- отведем ее к Амарету? Я уверен, он будет рад узнать, что у нас в гостях такая важная особа.

Безжалостный, издевательский смех подтвердил согласие остальных.

Солнце уже садилось, когда шесть крепких надзирателей потащили куда-то Арекс. Тайлер, увидев это, бросился к ним, но девушка остановила его, решительно покачав головой. Он все равно ничем не мог помочь. Она была удивлена, когда ее провели сквозь старую шахту на несколько этажей вниз. Оттуда они попали в хорошо

сохранившийся внутренний двор здания с широкой трапезной лестницей, ведущей к высокому порталу. Пьедесталы с чашами для воскурений по обе стороны лестницы говорили о том, что это храм. Несмотря на всю тревожность своего положения, Арекс ощутила радость — пока не взглянула вверх, туда, где над порталом должен был располагаться имперский орел. Но барельеф был расколот и сброшен с портика.

Арекс еще могла рассмотреть четкие очертания его распростертых крыльев на кирпичной кладке. Но поверх был криво наталеван серебряной краской злобно ухмыляющийся череп. Аналогичные изменения виднелись и внутри храма: все символы Империи были уничтожены и заменены на другие. Теперь тут колыхались зеленые занавеси и горели черные свечи. Высокий витраж с ликом Императора был разбит и занавешен простыней с наталеванным на ней черепом. На алтаре, задрапированном черным бархатом, стояла деревянная пирамида. Надзиратели приблизились к

ней с благоговением, звук их шагов эхом
разнесся по сводам.

Прислужник в изумрудной мантии
вышел из-за бокового нефа, и Арекс увидела
знаки ксеносов, нанесенные перлом на его
щеки и лоб. Ей даже показалось, что от
этого зрелища ее стражам тоже стало не
по себе, но точно сказать она не могла.
Они о чем-то пошептались с
прислужником, после чего тот кивнул и
ушел. Несколько минут спустя снова
послышались шаги. Надзиратели
преклонили колени, но Арекс осталась
стоять, пока удар глубинкой по коленки не
лишил ее возможности выбора. Она
потупила взор, страшась нового удара, но
тут услышала свое имя, произнесенное
сильным и звучным голосом.

— Госпожа Хенрик, я полагаю. Вы
можете меня лицезреть.

Арекс подняла глаза и затаила
дыхание. Раньше она видела Амарета
только один раз, возле плавильни он
раздавал указания надсмотрщикам. Тогда
она подумала, что он похож на самого
обычного человека: лет тридцать, чуть

выше остальных, с блестящими черными волосами и слегка заостренными ушами. Сейчас он возвышался над ней призраком, облаченным в одеяния глубокого синего цвета, лицо его закрывала железная маска, подобная тем, что Арекс видела на надзирателях, гордо шествовавших пару недель назад. Ходили слухи, что маски были взяты с убитых имперских гвардейцев, хотя Арекс и не могла представить, кто из солдат Имперской Гвардии стал бы носить такие. В руках Амарет держал посох с приваренными рогами из пластали.

— Утак, — изрек он, — племянницу бывшего губернатора привели в мой храм. Может ли быть еще более ясный знак того, что железные боги благосклонны к нам?

— Это я узнал ее, владыка, — сказал один из надзирателей.

— Скажите мне, леги, — произнес Амарет, — что привело вас сюда?

И Арекс рассказала свою историю настолько возможно кратко, а Амарет слушал. Когда она закончила, он

глубокомысленно кивнул и сказал:

--- Я вижу перст судьбы в том, что ты избежала ярости роя. Все это значит, что железные боги имеют на тебя планы.

--- Нет, --- запротестовала Арекс. --- Сейчас богатства моей семьи ничего не значат. Сейчас я ничем не отличаюсь от остальных.

Амарет горланно расстеялся.

--- Нет, моя леги, вы не такая, как остальные. По крайней мере, пока войска твоего дяди осаждают владения самих богов.

--- Вы имеете в виду город? Они все еще дерутся за нас? Я не знала.

Она надеялась на это, в особенности после слухов о прибытии Имперской Гвардии. И сейчас, когда они подтвердились, Арекс не смогла скрыть радости.

Один из нагсмотрищиков проворчал:

--- Они лишь впустую тратят боеприпасы. Они должны были услышать голос богов, как и мы. Им известна их сила.

--- Воистину так, --- подтвердил

Амарет. — У все же Талтар Хенрик решил пожертвовать всеми нами в бесплодном акте неповиновения.

— Он пытается спасти нас! — возразила Арекс.

— Нам не нужно его спасение. Железные боги защитят тех, кто служит им. Разве не поэтому ты решила присоединиться к нам?

— Я пришла потому, что думала... Когда они говорили с вами? Когда они сказали, что им нужна наша служба? Вы говорите про голос бога, но многие слышали тот странный звук, и никто не уловил в нем никакого смысла. Откуда вы знаете...

— Ныне, — продолжил Амарет, игнорируя ее слова, — у нас появился шанс доказать нашу ценность. У нас есть вы, леди Хенрик, и когда вы предстанете перед железными богатыми...

— Вы снятили!

Арекс ощутила тычок глубинкой в ребра, и надзиратель предупредил ее, что не стоит разговаривать в таком тоне с «лордом Амаретом». Не испугавшись, она

продолжила:

--- Думаете, сможете использовать меня как заложницу? Думаете, это сработает? Мой дядя...

--- В отличие от наших, губернатор Хенрик наверняка очень ценит жизнь своей милой племянницы. У него не останется выбора, кроме...

--- Оглянитесь вокруг! --- закричала Арекс. --- Откройте глаза и оглянитесь! Ваши железные боги разрушили наши дома, убили наших друзей, родных, и вы... вы думаете договориться с ними? Купить их благосклонность? Они...

В эту секунду ее пронзил разряд электрошокера. Ноги подкосились, и она бы упала, если бы ее не подхватили надзиратели, словно тряпичную куклу.

--- Оставьте меня, --- велел Амарет, --- я поговорю с богатами, попрошу наставления в этом деле. А для этого мне нужно объединиться.

Амарет повернулся и собрался уходить, но слабый голос Арекс заставил его обернуться.

--- Они не назначали вас, да? Они

никогда не говорили с вами, вы просто слышите голоса в голове?

Она знала, что за этим последует еще один удар шокера или что похуже, но ее это не заботило. Когда они отведут ее в эту светящуюся зеленым пирамиду, для слов будет уже поздно.

— Разве вы не видите? Вы были правы насчет меня. Я боюсь их — и вас. Я не могу сражаться, и подумала... Подумала, что, если сделаю, как хотят ваши люди, мне не причинят вреда. Поэтому я понимаю, что вы чувствуете, почему вы всё это делаете, но еще есть надежда. Если Империя сражается за нас...

— Оставьте меня, — повторил он. — Удостоверьтесь, что два надзирателя постоянно приглядывают за леди Хенрикс. Поместите ее в сходе. Вообще-то, уже пора перевести остатки паствы в здания вокруг внутреннего двора. Пусть они увидят новые дома, что мы приготовили для них, и их новый храм.

Он повернулся и исчез за кафедрой, бросив через плечо властным голосом:

--- Служба начнется завтра на рассвете.

Из лекториума была убрана вся мебель. Широкое окно выходило на переоборудованный храм, и когда рабы увидели серебряный череп, сияющий в лунном свете, слышалось удивленное переешентывание.

Арекс испытала облегчение, сбросив со спины тяжелый матрас, который шлепнулся на деревянный пол, подняв тучу пыли. Еще больше она радовалась тому, что Тайлер нашел ее. Двое надсмотрщиков стояли на страже у дверей. Всю ночь они не отходили от нее. Сейчас наконец она смогла свободно поговорить со своим новым другом.

--- Апарет безумен, --- заявила она, --- совершенно и полностью. Он считает, что может сторговаться с железными богатыми. Ради этого он готов предать Императора.

--- Кажется, мы все-таки не ошиблись, --- сказал Тайлер, удрученно покачав головой. --- Он говорил, что

слышит их голоса, и ты... так отчаялись, что самый маленький проблеск надежды заставил поверить ему. Мы обманули сами себя.

--- Он увидел, что приходит новый порядок, --- ответила Арекс, --- и ухватился за шанс, за фантазию стать чем-то большим, чем был. Я подслушала болтовню нагзирателей. В городе есть и другие рабочие группы... и церкви вроде этой.

--- Они хвастались, что эта --- самая большая. Более сотни рабов. Словно соревновались, --- кивнул Тайлер.

--- Так и есть, --- ответила Арекс. --- Атарет хочет, чтобы эта церковь --- его церковь --- была единственной в городе, а сам он стал первосвященником. И он думает...

--- Думает, что сейчас у него и в самом деле есть то, что хотят его боги. И что он может обменять это на их благосклонность --- на этот раз настоящую.

--- Он не понимает, не видит, что мы ничто для этих ксеносов!

Арекс опустилась на матрас,

подтянула колени к груди. Комната погрузилась в тишину, когда другие рабы улеглись спать, разложив скудное имущество. Она думала о дяде Хенрике. Все эти годы он пытался ее защитить, едва не заглушив своей заботой. Арекс не была благодарна ему за ту жизнь, что он ей дал. Если бы она, как и Амарет, не искала чего-то большего, то не попала бы в эту ситуацию. Она нашла свои приключения в конце концов, и ничего воодушевляющего в них не было. Хуже того, оказавшись в когтях железных богов, она подвергала опасности не только свою жизнь. И дядя Хенрик, возможно, предвидел это.

Ведь он служил в Имперской Гвардии, вспомнила Арекс. Проводил всех трех сыновей на войну. Без сомнения, он понимал, и куда лучше нее, что прячется во тьме за пределами блаженного света Бога-Императора.

Тайлер приблизился к ней и прошептал на ухо.

--- Ты еще сохранила веру?

--- В Императора? Конечно же да. Но я

погвела Езо. В страхе и сомнениях я пала на колени перед пророком ложного бога. Я струсила перед Езо врагами.

--- Но мы все еще можем служить Емү, --- сказал Тайлер. --- Он показал нам путь.

--- Что ты имеешь в виду?

--- Нельзя позволить Амаретү воплотить задуманное. Имперіум еще воюет за нас, и если решимость Хенрика ослабеет...

--- Но что мы можем?

--- Сбежать. Увести тебя подальше отсюда.

--- Но ведь город запечатан, --- не поняла Арекс. --- Как мы...

--- Тут множество укромных мест, где можно спрятаться. Сейчас главное --- вырвать тебя из лап Амарета. А потом надо будет лишь дожидаться поражения железных богов, что, несомненно, произойдет, и тогда мы вернем себе наш мир.

--- Если бы все было так просто, --- вздохнула Арекс. --- Амарет приказал меня охранять. Надзиратели всюду ходят за

тной, и, даже если ты сбежишь, он устроит погоню. Мне вообще не следовало являться сюда. Если бы те жуки тогда меня убили... Лучше на самом деле умереть прямо сейчас.

--- Ты не должна так думать, --- прошептал Тайлер, положив ей на плечо сильную руку. --- После всего, что ты преодолела, после всех страданий ты не можешь сомневаться в том, что Император дорожит твоей жизнью. Он хочет, чтобы мы вместе сражались за него. И мы сделаем все возможное... Только придумаем что.

Глава пятнадцатая

Наконец-то у Гюнтера появился бритвенный набор, выданный три дня назад вместе с комплектом брони. Случилось это накануне встречи с губернатором и старшими офицерами, но Соресон был уверен, что это просто совпадение. Он соскреб с подбородка остатки пены, сполоснул лицо ледяной водой из облупленного тазика, стоящего в углу казармы, затем тщательно прочистил и сложил бритву, чтобы сохранить остроту лезвия.

Отвернувшись от раковины, бывший инспектор шахт мельком глянул в зеркало, и отразившееся там незнакомое лицо заставило его затереть. Придвинувшись, Соресон стер клочок мыльной пены и тщательно изучил черты незнакомца. Свои непослушные черные

волосы он, разумеется, утратил в первый же день службы. Теперь по-военному короткий ежик изменил, точнее, обнажил форму головы. Вдобавок Гюнтер сбросил несколько килограммов, и щеки ввалились. Бледность лица подчеркивал багрово-фиолетовый синяк под левым глазом. И не только это...

Он вспомнил, когда последний раз увидел свое отражение. Его лицо, свежее, круглое и наивное, отразилось в линзах противогаза сержанта из Корпуса Смерти Круга. Двигатели флаера СНО ревели, сотрясая корпус, деревянную скатейку и кости Гюнтера. Сержант спрашивал, что ему известно о местоположении Аркеса. Гюнтер рассказал лишь то, что поведал ему Вебер, притворившись, что лично не знает девушку, но все же опасаясь, что круговец заподозрит обман.

Он ожидал, что сам губернатор встретит его. Но Хенрик, узнав дурные вести, скорбел в одиночестве, и всем было не до Гюнтера, он стал всего лишь еще одним из тысяч беженцев.

Он вспомнил, как решил вступить в
Силы планетарной обороны. Вернее,
только собирался, когда подтянутый
лейтенант схватил его за ворот и
потребовал объяснений, почему он не в
форме. Пришлось оправдываться тем, что
он только что прибыл и не знал о призыве,
но искренне собирался влиться в него как
можно скорее. Несколько минут спустя, с
обритой головой, в тесных ботинках и
форме, сидевшей на нем, как на вешалке,
Гюнтер Соресон превратился из
инспектора шахт в солдата СНО.
Впрочем, он не оплакивал эту перемену.
Напротив, он повторил свою клятву
обязательно вернуться в город и
чувствовал, что совершил первый шаг к
намеченной цели. И стал сильнее.

Гюнтер вспомнил бесконечные
отжимания, подтягивания,
четырёхкилометровые пробежки и
десятикилометровые марши. Ругань
охрипших инструкторов — правда, не в его
адрес. Гюнтер испытал даже определенную
гордость, когда, вопреки словам сержанта-

вербовщика шесть лет назад, сейчас оказался одним из самых многообещающих новобранцев. Возможно, это объяснялось тем, что в отличие от большинства он прекрасно понимал, для чего он здесь.

Постепенно Гюнтер изучил воинский устав, стал разбираться в технике и оружии, способах оказания первой помощи, обучился правилам выживания — и тому, как убрать свою койку. Он практиковался с лазганом, хотя своего еще не имел, научился разбирать и собирать его меньше чем за две минуты. Стрелял он сначала плохо, но упорно тренировался на мишенях у подножия холма и в конце концов стал поражать цель двумя выстрелами из трех.

Гюнтер вспомнил, как офицер Корнуса Смерти присутствовал на занятиях по строевой подготовке, глядя на новобранцев холодно и непроницаемо. Вскоре он развернулся и ушел, но на следующий день вернулся с напарником. Еще через два дня сержант-криговец стал помогать в проведении тренировок.

сначала просто время от времени давая советы, а пог конец уже отдавая приказы. Правда, инструкторы СНО не приветствовали такое вторжение, но стало что могли с этим поделаться. Следующим утром еще один сержант-гвардеец присутствовал на стрельбище, другой провел утреннюю проверку, и к концу недели у Гюнтера стало столько же инструкторов с Крива, сколько и с Цероним Тета.

С того момента десятикилометровые марши удлинились в два раза, а рюкзаки новобранцев наполнились камнями, заменяющими снаряжение, которого у них не было. Вставали они теперь на час раньше, к очевидному удивлению инструкторов СНО, приходивших заспанными, а ложились — на час позже. Тренировки стали частенько заканчиваться после захода солнца, и Гюнтер привык обходиться четырьмя часами сна за ночь. Он не присоединялся к ропоту, заполнявшему казарму перед боем, но и он не мог в полной мере соответствовать предъявляемым новым

требованиям.

Кризовцы никогда не повышали голоса в гневе. Они говорили тихим размеренным тоном, полным скрытой угрозы, и не церемонились с теми, кто их разочаровал.

--- Ты здесь не затеял, чтоб воевать со старушками и покалеченными мутантами, --- прорычал однажды в ухо Гюнтеру гвардеец Крива в маске. --- Теперь из тебя готовят бойца, который будет сражаться рядом с Корпусом Смерти Крива, и я хочу знать, достоин ты такой чести или напрасно расходуеть свою жизнь.

Другой инструктор, обращаясь ко всему взводу Гюнтера, рассказал легендарную историю, как в возрасте двадцати лет ему вручили лезвие и послали в зараженный радиацией сектор воевать с мутантами. Третья отделение задания не вернулась. Закончил он выводом, что самые слабые из его тогдашних однополчан все равно в тысячу раз способнее, чем стоящее сейчас перед ним собрание недоразумений.

Однажды утром в казарму вошел

сержант и приказал одному новобранцу выполнить сорок отжиманий за плохо почищенные ботинки. Жертвой его оказался дорожный мужчина лет тридцати пяти. Хотя он и был вполне способен выполнить требование, однако хроническое недосыпание сделало его раздражительным. Придирка сержанта, очевидно, стала последней каплей. Призывник отказался выполнить приказ, выкрикнув в лицо криговцу все, что он думает, и наполнив, что тот не у себя дома. В ответ, не говоря ни слова, сержант выхватил лезвистолет и казнил бунтовщика.

Следующие несколько дней в казарме ходили разные версии насчет того, чем подобное должно закончиться, поскольку известие о случившемся дошло до генерал-губернатора. На какое-то время криговцев в противогазах на тренировках СНО стало куда меньше. Затем полковник Браун объявил, что сержант действовал согласно Уставу, и на этом все кончилось. Криговцы вернулись, и все стало по-прежнему, разве что теперь в казармах после отбоя

наступала мертвая тишина.

Гюнтер вспомнил, как изменились теоретические занятия. Теперь большая часть каждой лекции представляла собой зазубривание и заучивание литаний. Гюнтеру объяснили, что его командиры — это и есть Император, поэтому оспаривание приказа есть самый страшный и грязный вид богохульства. Теперь к новобранцам обращались только по номерам и наказывали за малейшее упоминание прежних имен. Гюнтера заставили три раза обежать вокруг костюпорта с рюкзаком, набитым камнями, за то, что он бесечно называл себя «я» вместо «солдат». Еще один — четвертый — круг ему присудили за медленный бег. Когда выяснилось, что некоторые новобранцы успели сдружиться, отряды перестроили, чтобы разделить старых друзей и новых знакомых.

Так Гюнтер из солдата Соресона стал солдатом четырнадцатидесяти, но это не вызвало у него

возражений. Он начинал понимать, что значит быть солдатом, и взвалил на плечи тяжкую ношу, принял свое новое «я», поскольку знал, что, только будучи воином, сумеет прийти Арекс на помощь.

Гюнтер вспомнил заиндевевшее поле, морозный воздух, предвещающий скорое пришествие зимы. Отряд совершил многодневный марш до Телониус-сити, и большую часть обратного пути солдаты мечтали о привале и горячей пище. Вместо этого, по прибытии старший сержант Криза разделил их на две группы и велел драться. Сначала призывники нерешительно тялись, но несколько резких окриков и похлопывание по кобуре все же заставили их начать потасовку вполсилы. Но тут сержант сообщил, что по прибытии на базу проигравшие отдадут половину пайка победителям.

Обещание добавило бойцам энтузиазма, и Гюнтер почувствовал удар по ногам сзади — его нанес гигант с рябым лицом, примерно вдвое старше по возрасту. Прежде чем Гюнтер сумел

подняться на ноги, чтоб нанести ответный удар, инструктор велел остановиться бой. Он явно хотел сказать что-то неловкое об их манере боя, но решил, что лучше будет продемонстрировать самому. Он приказал толдому новобранцу выйти из строя и подготовиться к рукопашной. Тот выполнил приказ с явной неохотой и подготовиться явно не успел — инструктор наехал на него, словно «Леман Русс» типа «Разрушитель».

Гюнтер вздрогнул и поморщился, глядя, как кулаки инструктора врезаются в подбородок солдата, а когда тот поднял руки, чтобы защитить голову, — в живот. Сержант рывнул солдат, чтобы тот забыл про ранги и дрался как положено. Но рекрут соображал слишком медленно, хотя и попытался провести пару прямых ударов, однако был уже слишком измотан и оглушен, чтобы драться должным образом. Удар по ноге выбил ему коленную чашечку, и рекрут упал, но гвардеец в маске продолжал избивать его, методично и холодно, пока тот, истекая кровью,

не потерял сознание.

--- Вот, --- объявил криговец, даже не запыхавшись, --- я жду, что каждый проявит такое же рвение, если хочет двинуться плечом к плечу со мной.

Когда бой возобновился, Гюнтер отыскал здоровяка с рябым лицом, который уже был вовлечен в стычку, где товарищи по команде Гюнтера явно уступали в количестве. Он схватил противника за плечо и развернул его к себе лицом, выдернув из общей кучи. А потом ударил, хотя и недостаточно сильно, продолжая держать за плечо. Однако гигант заехал Гюнтеру кулаком в живот. Соресон согнулся пополам, и тогда здоровяк навалился на него, используя свой вес, чтобы снова прижать солдата к твердой холодной земле.

--- Не брезгуйте ударом в спину, --- зарычал инструктор. --- Вы не на рыцарском турнире, вы на войне.

Это была правда, и Гюнтер разозлился на себя за ошибку, равно как и на рябого, не преминувшего ею воспользоваться. Возможно, это было

неправильно, но к своему удивлению он вдруг понял, как легко и быстро возненавидел однопольчанина, стоило тому показаться тем же и единственной в жизни целью.

— Оставь его! — пролаял инструктор кому-то, кого Гюнтер не видел. — Раз у него аптечка, он может себе помочь. А если нет...

Ему не надо было заканчивать фразу. Кто не может себе помочь, тот бесполезен... Гюнтер оказался прижат к земле, над его головой был занесен огромный кулак, но воспоминание об Алекс помогло ему высвободить руку и нанести внезапный удар в бок противника. Рабой, не ожидавший такого, потерял равновесие, Гюнтер тут же отшвырнул его прочь и проворно перекатился на ноги, уходя от нового удара.

— Если вы не пытаетесь убить, значит, плохо стараетесь.

Два новобранца схватили Гюнтера сзади, держа его за руки, в то время как рабой снова напал. Вместо того чтобы уклониться, Гюнтер крепче уперся

ногами в землю и опустил голову. Он ударил рябого лбом прямо в челюсть, и они оба пошатнулись. Один из державших Гюнтера от неожиданности выпустил его. Сжав зубы, с трудом видя сквозь багровые пятна, Соресон ударил локтем в живот другого солдата, при этом, упав на одно колено, швырнул рекрута через плечо.

Затем он отдался ярости, уже неспособный остановиться, подумать, просчитать что-то посреди нарастающей свирепости схватки, а просто отвечая на каждую угрозу в ее сиюсекундном облике. Когда мог, старался защищать союзников. Он протаранил противника плечом, когда его самого атаковали с другого бока, и почувствовал хруст ключицы противника, когда тот упал, завонив от боли. Он подумал, что, когда не знаешь имен, все становится куда проще.

Гюнтер не сразу заметил, как схватка вокруг него угасала. Когда инструктор свистнул, давая знать о завершении боя, Гюнтер покачнулся на ногах и словно сквозь туман увидел, что только он и еще трое членов его команды

остались на ногах. Поле оглашалось стонами раненых, и, когда адреналин вернулся в нору, Гюнтер уже не знал, стыдиться ему или гордиться. Потом решил, что ни то ни другое, — он всего лишь выполнял приказ. Гюнтер просто становился тем, кем должен быть, и если бы он сделал это раньше, Аркс давно уже была в безопасности.

Никто, конечно же, не похвалил его за успех. Гвардеец обошел поле, отвешивая пинков тем, кто пришел в себя и, по его мнению, мог подняться, но до сих пор этого не сделал. Затем приказал стянуть носилки для тех, кто и вправду не мог подняться и, более того, утратил способность двигаться на ближайшие месяцы.

Подходя к костюпорту, новобранцы представляли собой жалкое зрелище. Встречные долго провожали их удивленными взглядами: и взвод новобранцев на стрельбище, и толпа беженцев на холме, и лейтенант СНО, проводивший строевую подготовку на плацу. Гюнтер не сомневался, что за

закрытымі дзверямі прозвучаюць пытанні аб
сённяшніх падзеях, і ўжо разумел, што
якімі будуць адказы.

Ён заснуў з гудзячай галавой, а рэбра
болелі яшчэ некалькі дзён. Але ні разу ёму
не прыйшло ў галаву пажалаваться. Вядома, у
гэтым дзень на халодным полі ён атрымаў
хорошы ўрок і вынес з яго больш, чым
за ўсе прадыходзячыя дні трэніровак.
Абнавіў, што-то ўнутры сябе, і з яго
точка згляду гэта знаходка стала
некалькіх дзён болю.

Аднак сіняк пад вачом дастался
ёму інакш.

Гюнтер успамінаў: ёму не
падабаўся саветніцтва ў кабінете
палкоўніка. Спачатку ёму падабаў, што
ён уваходзіць у лік запрошаных, потым
стало неўютна ад гэтага, што яго чакалі
старога Сорэсона, а не салдата 1419. Любое
напамінанне аб старой жыццёвай поўнае
гэта толькі сажаленнем. Аднак саветніцтва
поблізіла яго да намеранай мэты. Яшчэ
некалькі дзён...

На один день его освободили от тренировок, выделили небольшой стол в углу кабинета генерал-губернатора, выдали стопку инфопланшетов, содержащих старые планы шахт. Гюнтер пытался вернуться мыслями в прошлое, чтобы вспомнить обновленные карты из своего кабинета, но ему никак не удавалось воплотить в рисунке нечеткие образы из своей памяти. Совсем не помогал и суетившийся рядом Хенрик. Так что Гюнтер вздохнул с облегчением, когда пришел полковник Браун, чтобы поговорить с генерал-губернатором наедине.

Гюнтер встал, чтобы выйти, но Хенрик жестом велел ему не беспокоиться. Губернатор и полковник вышли сами. Это лишь подчеркнуло важность его работы, и Гюнтер принялся за нее с удвоенным старанием. Однако ему трудно было сосредоточиться --- отвлекали голоса Брауна и Хенрика, доносившиеся из-за полуприкрытой двери.

--- ...третий взвод за неделю, на сей раз бой на палках. Я знаю, ты уже

обсуждали это, сэр, но я боюсь...

--- ...понимаю ваши опасения, полковник, но мои руки...

--- ...еще четырнадцать человек в госпитале. Что дальше? Боевые снаряды?

--- ...вопрос несколько раз обсуждался с полковником Сто Восемьдесят шестого, и, по его мнению...

--- ...уважением, сэр, я понимаю, что вы командуете...

--- ...работать с ними. --- Голос Хенрика звучал обеспокоенно. --- Они нужны нам. Нужны их ресурсы, их... преданность, опыт в...

Потом Браун пробормотал что-то, чего Гюнтер не смог разобрать. Ответ Хенрика, однако, был слышен очень четко:

--- Мы сейчас на войне, полковник, а значит, вынуждены идти на жертвы.

Но когда Хенрик вернулся, он вовсе не выглядел решительным. Губернатор сидел, закрыв лицо ладонями, пока не вспомнил, что не один в кабинете. Тогда он выпрямился и сделал вид, что очень занят инфопланишетом. Доклад Гюнтера вовсе не улучшил его настроения. Новая карта

туннелей была испещрена пометками, отмечающими, что сведения могут быть неточны. Таких было слишком много.

--- Как я покажу это полковнику?! --- разбуживался Хенрик. --- Вы говорили, что сможете, Соресон. Я ради вас чуть в петлю не залез, а вы меня подвели...

Прежний Гюнтер обязательно возразил бы, сказал бы, что сделал все, что мог. Напомнил бы, что еще до начала работы озвучил свои сомнения в ее осуществимости, но губернатор тогда только отмахнулся от него. Однако солдат 1419 встал по стойке смирно и сказал:

--- Да, сэр. Простите, сэр.

--- Все переделать, --- отрывисто произнес Хенрик, сунув инфопланшет в руки Гюнтера. --- Как я пошлю сотню людей в подземелья на основе одних предположений? Если бы ты был одним из них, то...

--- Прошу прощения, сэр, --- запылся Гюнтер, --- но именно так, я... то есть солдат четырнадцать-девятнадцать надеялся, что... то есть я предполагал,

что присоединюсь к команде комиссара Костеллина.

— Я так не думаю, — покачал головой Хенрик. — Вы администратор, Соресон. Да и с этой работой, по-видимому, не справляетесь. Сколько вообще раз вы спускались в шахты?

— Три, сэр. Всего три, но я... — Тюнтер чувствовал, как внутри него нарастает паника. — Но я должен вернуться, сэр! Я поклялся. Ради нее.

— Понимаю, — хрипло ответил Хенрик, и в его глазах словно померк свет. — Мы все через это прошли. Все мы кого-то потеряли, но шансы... — Он сглотнул. — Вы получите шанс, когда завершите тренировку. Сражаться за ту женщину... А сейчас... сейчас, я думаю, это задание следует оставить Кригу. Они, кажется, знают, что делают. Я думаю...

— Это Арекс, сэр, — выпалил Тюнтер, поскольку вдруг подумал, что сейчас это и вправду имеет значение, — ваша племянница. Я поклялся, что вернусь за ней. Она была у меня дома, ждала меня. Я должен найти ее!

Лицо Хенрика застыло, а щеки побледнели.

--- Откуда... откуда ты знаешь мою... ---
прохрипел Хенрик, и Гюнтер понял, что болтнул лишнего.

Понадобилось мгновение, чтобы генерал-губернатор все понял. Потом его глаза вспыхнули, правая рука сжалась в кулак, и он со всей злостью засветил Гюнтеру в левый глаз. Вытянувшись по стойке смирно, Гюнтер видел приближающийся кулак, но не сделал попытки увернуться. Голова Соресона с хрустом запрокинулась.

Хенрик отвернулся, глубоко дыша, чтобы успокоиться, и потирая разбитые костяшки. Бесконечную минуту никто не произносил ни слова, а потом губернатор произнес, не оборачиваясь:

--- Возможно, вы найдете других шахтеров --- проверьте, выжил ли кто-нибудь из них.

--- Да, сэр.

--- Покажете им карты; возможно, они смогут что-то добавить.

--- Да, сэр, --- ответил Гюнтер. ---

Спасибо, сэр.

Солдаты в казарме просыпались и
готовили к проверке койки,
обмундирование и самих себя. Всем и
требовался улывальник, и они уже
криками поторапливали Гюнтера,
застывшего перед зеркалом.

Второе утро с момента последней
встречи с Хенриком. Еще несколько ночей
краду Гюнтер ждал, что ворвутся солдаты
Крига, стащат его с койки, поставят на
колени и прикончат выстрелом в голову.
Но похоже, Хенрик не настолько
разозлился. Или у него были более важные
дела.

Арекс...

Сегодня команда комиссара
Костеллина отправляется в город,
руководствуясь подготовленной Гюнтером
картой, но его с собой не возьмет. «Это не
важно», — убеждал себя Гюнтер. Как сказал
Хенрик, будут и другие возможности.
Соресон был уверен, и эта уверенность
сверкала холодным жестким блеском в его
серых глазах. Он понял, в чем выражалась

самая большая перемена. Не волосы, не щеки и даже не синяк. Перемена была в этих серых глазах, полных горького опыта, полученного за столь короткое время, и воспоминаний. Инспектор шахты Гюнтер Соресон смотрел в глаза незнакомца.

И понял, с нервным ознобом, что смотрит в глаза солдата.

Глава шестнадцатая

Ожидаемая атака некронов на юге так и не началась. Это значило, что ничто не отвлечет силы врага, когда Костеллин отправится под землю на задание. Равно как и то, что сама операция теперь под вопросом. Комиссар сказал полковнику Сто восемьдесят шестого:

— Что если некронам вовсе не нужна наша энергия? Может, выбор мест для прежних атак — лишь совпадение?

Костеллин планировал выдвигаться в полдень. Но теперь велел команде ждать, а сам сидел за столом, напряженно следя за вокс-трафиком, пока полковник не сообщил, что южный генератор уничтожен, но никаких признаков врага не наблюдается. Хенрик тем не менее упрямылся, не желая отменять операцию,

вдохновленную его гениальным планом.

--- Возможно, --- предположил он на очередном совещании, --- что некроны по-прежнему слабы и решили не участвовать в битве, которую им не выиграть.

--- Операция состоится, --- решил полковник Сто Восемьдесят шестого. --- Мы не можем пренебрегать шансом, если верно наше исходное предположение, что уничтожение главного генератора даст нам солидное преимущество. И даже если это не так...

--- Мы ничем не рискуем, --- закончил Костеллин, поджав губы.

--- Именно, --- подтвердил полковник, не заметив иронии в словах комиссара.

--- Конечно, --- сказал тогда Костеллин, --- если некроны пересмотрели приоритетность объектов и решили защищать основной генератор, пожертвовав периферийными... мы можем идти прямо в засаду.

--- По крайней мере, --- кивнул полковник, --- в этом случае мы получим подтверждение, что генераторы важны для противника, и сможем, исходя из

этого, планировать свои действия. Если Император к нам благосклонен, некроны не будут ожидать тайной атаки и смогут организовать лишь точечную защиту.

--- Возможно, --- признал комиссар, --- но это поставит нас перед вопросом: где же в таком случае их основные силы?

Западная окраина Церонит-сити оказалась значительно дальше от космопорта, чем предполагал комиссар. Его полугусеничная машина осторожно пробиралась по каньону среди руин недалеко от того места, где осадные машины Корнуса Смерти Круга все еще изрыгали разрушительные снаряды, неумолтно продвигаясь вперед.

Здесь находился вход в старую шахту, и гвардейцы расчистили местность вокруг. «Термит» уже спустили с корабля и доставили в туннели --- для этого понадобился целый взвод гвардейцев и система блоков. Вообще-то «Термит» мог и сам пробурить себе путь, но тогда возникал риск обрушения нужных туннелей.

Костеллин прибыл за час до

натеченного срока, однако первый взвод
гренадеров появился раньше него. Следом
приближался второй, сопровождаемый
колонной «Кентавров». Костеллин привез с
собой техножреца по имени Лутакс,
тощего человека с водянистыми глазами,
ощетинившегося таким количеством
теханогендритов, что стал походить на
гигантского стального паука. Он был
нужен по двум причинам. Первая и менее
значимая состояла в том, что комиссар не
верил, что древний «Термит» не подведет
их.

Построив отряд, комиссар произнес
короткую вдохновляющую речь; сотня
масок-черепов равнодушно выслушала ее.
Костеллин знал, что гренадеры Крига
были элитой элит, лучшие солдаты,
которые могли прикрыть ему спину.
Однако говорили и то, что если гвардеец
попадает в их ряды, то лишь потому, что
живет слишком долго. Смертность
гренадеров была высока даже по меркам
Корпуса Смерти, и маски-черепа, которые
они носили поверх штатных противогазов,
символизировали готовность с гордостью

принять сколь угодно мученическую
смерть.

Когда комиссар закончил, гренадеры
по двое начали спускаться в шахту на
веревках. Когда внизу оказалось
достаточно солдат для охраны туннеля,
Костеллин отрядил двух членов экипажа
«Термита» осмотреть машину, пока
спускаются остальные.

Наконец пришел черед Костеллина
спускаться. Он отверг предложение
опустить себя на блоке и, подобно
гренадеру, полез вниз по веревке. Тут он
пожалел о своей гордыне, поскольку его
немолодые руки уже с трудом удерживали
вес тела. Однако комиссар справился и
спрыгнул в кабину лифта с выломанными
дверями. Восстановив дыхание, он вышел
из лифта в холодную пещеру с высокими
сводами, освещенную лишь слабым светом
шахтерских фонарей.

Костеллин включил свой фонарь и
активировал инфопланшет, содержащий
карту. Найдя туннель, по которому им
предстояло следовать, он отправил вперед
двух разведчиков, убедившись сначала, что

их комм-бүсины работают. Костеллин
вырүгался сквозь зүбы, когда взревел
двигатель «Термита». Если где-то рядом
некроны, то они үже спешат сюда.

Машине понадобилось несколько
попыток, чтобы пройти в түннель, прежде
чем начать двигаться вперед. Она ползла
неторопливо, давя гүсеницами
обвалившиеся катни, так что ү
оставшихся гренадеров было достаточно
времени спуститься и нагнать «Термит».
Они шли позади машины, потому что, за
исключением пары мест, где түннель
ненадолго расширялся, обойти ее было
невозможно. Костеллин заметил, что это
может стать проблемой для разведчиков,
если они үгодят в неприятности впереди.
И проблемой для всех, если враг зайдет с
тыла.

Он смотрел на карту, по воксу
сообщая направление. К счастью, түннели
шахт чаще разветвлялись, чем
поворачивали, и «Термиту» лишь
единожды пришлось применить тяжелый
бүр, чтобы расширить перекресток и
облегчить себе проход. Но менее чем через

полтора часа продвижения туннель, по которому они следовали, резко свернул на север, в сторону от цели.

— Тут, — сказал Костеллин, сверившись с картой, — мы должны пробурить стену под углом пятнадцати или тридцать пять градусов к нашему туннелю — картограф не уверен. Думаю, сначала попробуем пятнадцать градусов, под наклоном градусов десять. Будем пробиваться метров пятьсот и, если не выйдем в другой туннель, вернемся и попробуем под другим углом.

Бур начал вращаться, поднимаясь на ржавой гидравлике, и, когда он врезался в стену, режущий уши визг заставил Костеллина вздрогнуть. На этот раз им повезло.

Только через несколько минут после того, как задняя часть «Термита» исчезла в дыре, его экипаж доложил, что они нашли соседний туннель. К сожалению, «Термит» пробился в этот туннель сверху. Поэтому ему пришлось немного съехать назад и ниже опустить бур для второй попытки. В результате туннель

получился большего размера, чем планировалось, и, конечно, сразу же обвалился.

Костеллин отступил от густой тучи пыли и грязи. Гренадеры в масках, однако, немедленно приступили к работе, следуя приказам сержантов. Одно отделение достало саперные лопатки из рюкзаков, другое начало стаскивать попорки из боковых туннелей. Слишком долго копать не пришлось — большая часть туннеля была все еще проходима, хотя приходилось пробираться по кучам обломков или протискиваться в узкие щели между ними. У них ушел час или больше, прежде чем все смогли пробраться во вторую шахту, где ждал «Термит».

И тогда действительно начались проблемы. Карта второй шахты была совершенно произвольной и водила их кругами. Костеллин проверял каждый туннель с компасом, терил его глину шагами и вносил корректировки в планшет. Но было невозможно сказать точно, какую из двух стен следует проломить следующей. Первый выбор

оказался ошибочным, и, поскольку теперь они находились практически на территории некронов, Костеллин жалел, что пришлось зря включать оглушительно завывающий бур.

Вторая стена, впрочем, поддалась на удивление легко, и короткий прямой туннель, прогеланный «Термитом», выстоял достаточно долго, чтобы все успели пройти в третью и, судя по верной до сих пор карте, последнюю шахту. «Термит» был им больше не нужен, и Костеллин с удовольствием приказал выключить мотор. Прошла почти минута, пока грохочущее эхо затихло.

Сейчас наступило время для второй, более ответственной части задания, ради которой Костеллин взял с собой техножреца. Лутакс подошел к задней части «Термита» и открыл кормовой отсек. Разжав пальцы, он запустил их в таинственные механизмы машины, читая молитвы Богу-Императору в его воплощении Бога-Машины. Костеллин не надеялся что-то понять в эзотерическом ритуале техножреца, но все равно

наблюдал, пока Лутакс не отошел от «Термита», вынув из машины ржавую серую коробку, опутанную проводами. Он держал ее с почтением в серворучке на некотором расстоянии от себя.

Группа двинулась дальше, и вскоре туннель вывел их в обширную пещеру, похожую на первую. Шесть лифтов беззвучно затерли в ее центре. Костеллин указал на них Лутаксу и спросил, сможет ли он вернуть их к жизни. Техножрец ответил, что если дать ему немного времени и не мешать, то сможет подключить источник энергии «Термита» к лифтовому механизму.

Тем временем по предложению Костеллина гвардейцы развернули скатки и прилегли на пару часов отдыха, не снятая масок. Каждый выделил по десять человек для охраны. Комиссар проверил свой хронометр. Несмотря на все возникавшие сложности, отряд показал хорошее время и сможет начать предрассветную атаку на генераторы, расположенный внизу.

Ритуалы техножреца увенчались

успехом. Лифты включились с металлическим лязгом и запахом озона, озаренные ярко-голубым светом. Лишь четыре платформы ожидали здесь, но через некоторое время поднялись оставшиеся две. Увидев их, комиссар испытал облегчение: значит, шахты лифтов не заблокированы.

К этому моменту гренадеры уже были на ногах, упаковав скатки. Костеллин отправил лифтами три отделения во главе с лейтенантом из роты Галта. Двадцать минут спустя лейтенант по воксу сообщил, что выход из шахты чист и нет никаких признаков некронов и что он отправляет лифты за следующей партией.

Его сообщение прервал полковник Сто. Восемьдесят шестого, связавшись с Костеллином на командной частоте. Он запросил отчет о ситуации, комиссар быстро ответил, после чего полковник сообщил, что у них тоже кое-что происходит.

--- Некроны собирают силы, большие,

чем они бросили на север. Сканирование показало, что они направляются к нам.

--- Как только вы подошли к западному генератору, --- прошептал комиссар. --- Хенрик был прав.

--- Да, и это хорошая новость. Противник дорожит ими. Вы исполните волю Императора.

--- Значит, они решили сдать южный генератор, чтоб не потерять оба, и не рискнули разделять силы. Но сколько их, полковник?

--- Я запросил подкрепление у трех других полков. Но у них тоже мало сил, и им нужно защищать свои фронты.

--- Если Сорок второй еле выстоял против них на той неделе... Если их армия с тех пор выросла... Тысяча восемьсот человек, полковник. Мы потеряли тысячу восемьсот человек.

--- Но эти потери позволили нам узнать больше о возможностях противника. Генералы провели расчет, Костеллин. Они говорят, что мы можем победить даже возросшую армию. Мы можем втоптать этих ксеносов в землю.

из которой они вылезли.

--- Надеюсь, вы правы, --- вздохнул комиссар. --- Да пребудет с вами Император.

--- И с вами, --- ответил полковник.

Комиссар повернулся, чтобы сообщить «хорошие новости» солдатам, открыл вокс-канал, чтобы все члены отряда его слышали. Он обратил их внимание на то, что основные силы некронов направились на запад, а значит, от их отряда они отвлечены, на что и был расчет.

--- У нас есть шанс нанести сокрушительный удар...

Он не договорил. В свете гренадерских фонарей появились злобеще фигуры, и Костеллин, повернувшись, обнаружил врагов и за своей спиной. Они появлялись из стен пещеры, словно призраки. Комиссар сразу же понял, с чем им пришлось столкнуться, вспомнив описания этих полуматериальных тварей, атаковавших Сорок второй полк. Во плоти, точнее, в металле они выглядели еще отвратительнее и ужаснее, чем

комиссар мог представить. Некроны обрушились на гренадеров Корпуса Смерти, их свисающие, подобно хвостам, позвоночники хлестали из стороны в сторону, рассылая смертельные удары током. Криговцы открыли огонь, но лазерные импульсы проходили сквозь полупрозрачные тела, не нанося никакого ущерба.

Костеллин выхватил свое оружие: плазменный пистолет (чтоб не позволить врагу подойти слишком близко) и цепной меч (благодаря их невероятным способностям, они смогут подойти так близко, как сочтут нужным). Кроме того, Костеллина успокаивали ровная вибрация меча, отдающая в руку, и жужжание его зубьев, напоминающее гул разъяренного роя катачанских ядовитых ос.

— Помните, что я вам говорил, — напомним он в вокс гвардейцам. — Эти создания могут становиться бесплотными. Дождитесь атаки, когда они обретают форму, и только тогда стреляйте.

Вот призрак подлетел к солдату,

протянул глинные руки к его лицу. Пальцы-лезвия легко пробili железную маску, из глазниц брызнули фонтаны крови, но отделение, следуя указаниям комиссара, именно в этот момент открыло огонь из хеллганов. Враг дергался от каждого попадания, пока один меткий выстрел не сбил его на землю, где призрак свернулся и затер.

Все произошло слишком быстро, чтобы Костеллин успел понять, куда попал луч и где у этих созданий слабое место. На него самого уже летел призрак, и он встретил его сгустком раскаленной плазмы, прошедшим насквозь. Предвидя такой поворот событий, комиссар выставил ценной меч в тот момент, когда привидение начало уплотняться, и быстро снес с плеч железную голову.

Следующий призрак атаковал сзади, так что Костеллин не успел повернуться клинок, чтобы защититься. Он лишь пригнулся, дав врагу пролететь над головой, и вскинул плазменный пистолет. Призрак развернулся для нового захода, сгущаясь, но тут гренадер расплавил его

выстрелом телты. Враз растворился во
вспышке пламени, жар от которого опалил
комиссару лицо, так что от бровей пошел
неприятный запах жженого волоса.

Но все было бесполезно. Некронов
слишком много, но меньшей мере
тридцать особей, а бестелесность дает
им преимущество перед превосходящими
силами гренадеров. Более того, павшие
некроны стали вновь подниматься.
Костеллин сделал несколько выстрелов,
поддерживая солдат, и хотя чаще всего
попадал, большая часть зарядов проходила
сквозь призраков, не причиняя им вреда.
Криговцы между тем падали один за
другим, сраженные электрическими
хвостами или иссеченные железными
пальцами-лезвиями.

В котел-бусине Костеллина раздался
голос лейтенанта Круга. Он осознал всю
безнадежность положения и предложил
поднять наверх хотя бы тридцать человек
на благо всего задания.

--- Вы должны пойти с ними, --- сказал
лейтенант. --- Я задержу ксеносов, но
ненадолго.

Комиссар понял, что лейтенант прав, он и сам думал так же. Тем не менее еще секунду он колебался, принимать ли ему эту жертву, ведь он еще оставался человеком. Но тут к общей неразберихе добавился новый звук, похожий на шелест множества сухих листьев. Внезапно из туннеля вылетел рой железных насекомых, каждое размером с лапоть Костеллина.

Нельзя было терять ни секунды. Лейтенант приказал ближайшим гранадерам прыгать в лифт; комиссар нырнул вслед за ними. Плазменный пистолет продолжал стрелять, выжигая бреши в шелестящем облаке, но пустые места тут же заполнялись новыми жуками, льющимися из туннелей. Мелтаганы было решено поберечь, а хеллганы могли уничтожить за выстрел не больше двух-трех целей.

Один из солдат упал, атакованный шестью жуками. Костеллину показалось, что они его душат, но нет: когда насекомые слетели, он увидел, что их жертва истекает кровью из сочных глубоких порезов.

Призраки некронов, конечно, с легкостью проходили сквозь рой насекомых. Они убивали солдат одного за другим. Платформа лифта заполнилась, рядом с Костеллином стояли четверо гренадеров, продолжающих отстреливаться, и комиссар, хлопнув ладонью по светящейся руне активации, спрятал ценной меч в ножны. Рой насекомых бросился к ним, словно некий разум заметил попытку к бегству. Дверь лифта, скрипя и лязгая, закрывалась слишком медленно. Но все же она успела затвориться как раз в тот момент, когда первое насекомое врезалось в нее с силой кувалды. Жуки цеплялись за металлическую клетку, тщетно вытягивая когтистые лапы, но их тела были слишком крупными, чтобы пролезть сквозь решетку. Но для некронов-призраков это, конечно, не было проблемой.

Платформа с Костеллином затряслась и начала подниматься, оставив скребущихся насекомых внизу. Комиссар увидел грудой лифт, поднимавшийся справа от него.

Повернувшись влево, он с ужасом увидел, как двое призраков без проблем проникли в соседний лифт и быстро вытоптали всех, кто находился внутри. Из-за тесноты солдаты даже не смогли толком применить хеллганы.

Костеллин увидел Лутакса, барабанившего по створкам клетки четвертого лифта, невзирая на то, что тот уже был забит и поднимался вверх. Некроны набросились на техножреца, но лифт Костеллина уже поднялся достаточно высоко, чтобы избавить комиссара от очередного тошнотворного зрелища, которое снилось бы ему по ночам.

Но комиссару было далеко до безопасности.

Костеллин велел гренадерам встать по краям платформы. Места было мало, но они все-таки смогли освободить небольшое пространство в центре, куда Костеллин приказал им нацелить оружие. Через минуту комиссар начал думать, что эта предосторожность оказалась излишней. Но тут через пол в лифт ворвался призрак, и четыре хеллгана

равкнули в унисон — плазменный пистолет Костеллина сжег бы ноги всем присутствующим. Мерзкая тварь умерла, потом дернулась, возвращаясь к жизни, и умерла вновь после второго залпа лазерных лучей.

Прошло еще полторы минуты. Больше никто не вторгся, и комиссар уже подумал, что они пережили самое худшее столкновение.

Вдруг лифт вздрогнул и остановился. Синие фонари на раме погасли.

— Золотой Трон! — равкнул Костеллин. — Они, видимо, отключили источник энергии «Термита». Мы тут заперты.

— Мы можем карабкаться сами, сэр, — предложил гренадер, указывая на ржавые, но крепкие цепи, подпавшие платформе наверх.

Костеллин не пришел в восторг от этой идеи, решив сначала связаться с гвардейцами. Там вполне могла найтись ручная лебедка на случай аварии. Он не получил ответа, а, переключившись на общий канал, услышал лишь помехи.

Разочарованный, он вытащил котл-бүсинү из уха. В довершение всего они лишились связи.

--- Хорошо, --- устало произнес комиссар. --- Лезем наверх как можно быстрее. Неизвестно, сколько еще наши товарищи продержатся внизу. Вполне возможно, что вскоре на нас набросится еще больше этих тварей. Что еще хуже, они могут доложить о нас основными силами. Вполне возможно, пока я говорю, целая армия некронов движется к выходу из этой шахты, и если они доберутся раньше нас...

Ему не было нужды говорить о последствиях подобной катастрофы.

Два гренадера уже взялись за цепи. Они упирались ногами в стену шахты и подтягивались наверх, а свет от фонарей, прикрепленных к штыкам хеллганов, плясал светлячками во тьме. Через секунду за ними последовали еще двое солдат, оставив Костеллина в одиночестве.

Он взялся за цепь, его перчатки стали скользкими от масла. Он не знал,

насколько высоко идет эта шахта, не знал, сможет ли он выбраться без помощи гранатеров, но что ему еще оставалось, кроме как попытаться?

Он начал карабкаться наверх.

Глава семнадцатая

Еще один день, такой же, как и прочие. Еще двенадцать часов, проведенных на разборке завалов в бездумном отупении. Единственное, что изменилось, — рабочие стены стали короче, чтобы выкроить время на богослужения, которые Аларет проводил трижды: на рассвете, днем и на закате. На третий день Арекс если не привыкла к ним, то по крайней мере стала относиться терпимее. Девушка даже радовалась, что ритуалы давали возможность передохнуть от работы, а, кроме того, стены храма защищали от ветра и холода. И Арекс не знала, считать ли эту свою маленькую радость грехом.

Во время первого обряда двое мужчин возмущались богохульством, и Арекс позавидовала их смелости — и завидовала

до тех пор, пока Амарет не велел своим подручным вывести их вперед, к алтарю. Затем жрец приставил поочередно к голове каждого лезвием и отправил обоих, как он выразился, «на суд железных богов». С тех пор никто больше не протестовал.

Храмовые колокола зазвенели, и Арекс отложила лопату, присоединившись к другим рабам, идущим на призывный звук. Она и не заметила, как прошло утро. В толпе она попыталась отыскать взглядом Тайлера и похолодела, когда это ей не удалось. Что, если он тоже забыл о времени и до сих пор не вернулся? А если именно сегодня Амарет решит отвезти ее в пиратскую?

— Он боится, — прошептал ей Тайлер прошлой ночью, когда им удалось остаться наедине в темноте лекторума. — Амарет боится, что, когда он придет к своим богам, они отвергнут его или еще того хуже. Он жаждет их покровительства, но, чтобы получить его, он должен рискнуть всем, чего достиг, рискнуть самой своей жизнью.

--- Тогда, может, он не пойдет к
ним? --- выдохнула Арекс. --- Не решится?

--- Он это сделает, --- мрачно ответил
Тайлер. --- У него слишком шаткое
положение, а он жаждет власти и
статуса, которые, как он считает, могут
дать ему железные боги. Он знает, как
рискует, и потому медлит, но все равно
сделает то, что задумал.

Этим утром Тайлер оставил Арекс
работать в одиночестве, и она сама себя
ругала за то, что так скучает по нему. За
короткое время он стал очень много
значить для нее: стал ее шансом на
спасение, ее надеждой. Но им нельзя было
держаться вместе. Он не мог готовить
план побега, когда она рядом, --- за ней
слишком пристально наблюдали.

Девушка вошла в храм, на сей раз не
замедлив шага при виде ухтыляющегося
черена, наталеванного над входом. Паства
заполнила лишь несколько передних
скамей, но все равно людей было больше,
чем вчера. Нескольких надзирателей
Атарет рукоположил в духовный сан, а на
их место заступили избранные рабы.

Амарет разослал новых священников в город -- «разносить слово». Возвращались те обычно в сопровождении множества благодарных беженцев.

Арекс по-прежнему вертела головой во все стороны, надеясь заметить Тайлера, но никак не могла разглядеть его в толпе.

-- Мне кажется, надзиратели сейчас расслабились, -- сказал он ей прошлой ночью. -- Некоторым из них эта работа в новинку и нравится возможностью возвыситься над прежними сотоварищами, но они мало что делают. Вдобавок к этому они повсюду должны сопровождать тебя. Думаю, я смогу улучшить момент и ускользнуть.

«Возможно, так он и сделал», -- утешала себя Арекс. Возможно, он улизнул, и, несмотря на свои самые лучшие намерения, понял, что ее невозможно вытащить. Тогда он решил спастись один, и Арекс не могла его в этом остановить.

Многие рабы в подражание жрецам разрисовывали лица. Особенно популярным был символ в виде диска на лбу. Арекс

чувствовала, что с каждым днем все сильнее погружается в пропасть безумия, и боялась, что долго не продержится.

Девушка слушала вполуха проповеди Амарета, в нужные моменты вставала, садилась, падала на колени -- и все это время по бокам от нее были два надзирателя. Она шевелила губами, делая вид, что повторяет слова еретического катехизиса, но отказывалась произносить их вслух. Когда все склоняли головы в молитве железным богам, она молилась Императору. Поминала Гюнтера, как делала каждый день, но сегодня помолчилась и за Тайлера. Она просила Императора сохранить его, где бы он ни был. Сейчас ей уже пора знать, каким будет Его ответ.

Служба кончилась, и паства начала расходиться, когда появились два надзирателя, проталкивающих в толпе. Они тащили третьего человека, чье лицо представляло собой сплошной синяк. Человек был жестоко избит.

-- Мы нашли его, лорд Амарет! -- воскликнул один из надзирателей. -- Мы нашли дезертира! Еретика!

--- Я верен Богу-Императору человечества! --- огрызнулся пленник. --- Не я тут еретик.

Это был Тайлер. Девушка зажала рукой рот от страха, глядя, как его тащат вдоль скамей. У нее загрожали колени, и она хотела присесть, но надзиратели грубо подняли ее, взяв под руки.

--- Его зовут Тайлер, мой лорд. Он не присутствовал на работах утром, но его нашли возле Высшего Храма.

Тайлера уже подтащили к угрожающей фигуре Аларета и силой заставили стать перед ним на колени. Выражение лица первосвященника невозможно было прочесть из-за железной маски, его басовитый голос тоже был лишен эмоций.

--- Ты думал отвергнуть наших богов, --- проговорил он, и Арекс не могла сказать, был ли он разочарован, разгневан или рад возможности проявить недавно обретенную власть. --- Разве через меня они не учили, что поступить так --- навлечь их гнев на всех нас?

--- Твои боги --- зло, --- сплюнүл
Тайлер. --- Без разницы, что ты делаешь и
как пытаешься угодить им. Они
уничтожат тебя так же, как и всё, чего
касались.

--- Это последнее твое богохүльство, ---
произнес Амарет совершенно спокойно, и
Арекс чүть не захлебнүлась рыданиями,
когда он достал лазнистолеп.

--- Я так не дүтаю, --- сказал Тайлер. ---
Видишь ли, лорд Амарет, ты не
единственный, кто может найти труп
солдата в рүинах. Не единственный, кто
может лародерствовать. Я дошел в своих
поисках почти до пирамиды ксеносов, но
оно того стоило.

При этих словах Тайлер выхватил
что-то из-за пазүхи и поднял над головой.
Рабы, которые үже начали расходиться
после слүжбы, вернүлись и подошли ближе,
желая үвидеть, что сделают с еретиком.
Сейчас по толпе распространился шепот
үжаса, и люди понянулись назад. Тайлер
встал на ноги, и надсмотрщики не
постели помешать ему. И даже сам
Амарет вдруг үтратил свое спокойствие.

Арекс наконец разглядела, что Тайлер сжимает в руке: красный округлый предмет с черным рисунком в виде скрещенных костей и черепа.

--- Это, --- сказал Тайлер, --- красная граната. Ее предназначение --- пробивать броню танков. Так что она куда мощнее более знакомых нам фраз-гранат. Стоит мне дернуть за это колечко --- и, поверьте мне, здесь никто не уцелеет. В особенности ты, самопровозглашенный, служащий самому себе первосвященник.

--- Железные боги защитят меня, --- севшим голосом протолвил Амарет.

--- Чего ты хочешь? --- протычал один из надзирателей.

--- Первым делом, --- ответил Тайлер, --- надо положить конец идиотскому культу. Конечно, следовало бы взорвать все капище. Я бы с удовольствием это сделал, не будь оно раньше домом Императора и не верь я, что оно станет им снова.

Произнося это, он обошел Амарета сзади и схватил его за глотку.

--- Вместо этого, --- продолжил Тайлер, --- я всего лишь немного прогуляюсь

с первосвященником. Вместе с теми из рабов, кто захочет к нам присоединиться и вновь обрести свободу.

— А что потом? — осканился Амарет. — Ты говоришь о свободе, но люди вроде нас никогда ей не обладали, мы просто меняли хозяев.

— Не слушайте его, — обратился Тайлер к толпе. — Амарет уверяет, что говорит от лица богов, но пора уже понять, что он говорит от своего лица.

— Давай, выйди из храма, если постеешь, — сказал Амарет с вернувшейся уверенностью; его голос был полон скрытой угрозы и разносился по всем углам. — Попробуй сразиться с богаты, если веришь, что сможешь победить. Испытай их гнев, если постеешь.

Воцарилась долгая, мучительная тишина. Арекс чувствовала отчаянное желание свободы у этих забытых, угнетенных людей и разделяла их чувства. Ноги ее будто приросли к полу, став тяжелыми, словно пластмассой. Ей нужно было, чтобы кто-то сделал первый шаг, но все были слишком охвачены страхом. Она

хотела закричать на них: «Чего вы ждете? Это ваш шанс!»

Тайлер взглянул в ее сторону, и она стала свободна. Надзиратель хотел презградить им путь, но отступил.

— Мы уходим, — сказал Тайлер, — и забираем Амарета с собой. Когда мы отойдем подальше и если никто нас не будет преследовать, я отпущу его, даю слово. Однако если кто-то пойдет за нами, хоть один человек выйдет из здания...

Они втроем направились к дверям неуклюжей процессией. Впереди Амарет, подталкиваемый Тайлером, не выпуская из рук гранату. За ними Арекс, которая боялась, что кто-то не поверит в этот блеф и попробует остановить их. Но сильнее всего она боялась, что Тайлер не блефует. Девушка не знала, каких безумцев бояться больше: остающихся в храме или решившихся выйти, сжалившись над прежним вождем или требующих его смерти. Если кто-то и думал помешать им, то был остановлен самим первосвященником.

— Делайте, что они говорят, — велел

Амарет. — Боги о них позаботятся. Им
некуда бежать.

— Нам и не надо бежать, — возразил
Тайлер. — Надо всего лишь найти место,
где можно спрятаться. Там дождется,
пока доблестные армии Императора
разгромят твоих так называемых богов.

Они были уже снаружи.
Надсмотрщики и жрецы столпились в
дверях, но не переходили порог, и Аркс
начала надеяться, что безумный план
Тайлера сработает. Подталкивая
пленника вниз по трапезным ступеням,
Тайлер на миг потерял равновесие, и
Амарет воспользовался моментом. Он
выскользнул из его хватки и ударил по
запястью Тайлера. Граната выпала и
подпрыгнула раз, другой, третий и
четвертый. Лишь когда она закатилась в
сточную канаву, Аркс смогла снова
двигаться и сдвигаться.

Тайлер, сцепившись в схватке с
Амаретом, крикнул ей, чтобы она
подобрала гранату. На нее набросились
надзиратели, прижали к земле; Аркс
тянула руку изо всех сил, но до гранаты ей

недоставало нескольких сантиметров. Тем временем Тайлер исчез под грудой навалившихся на него тел. Апарет с достоинством выбрался из толпы, поправляя маску-череп.

Они проиграли. Все было кончено.

Арекс попыталась подняться, но смогла лишь стать на колени. Вокруг нее собралась торжествующая толпа. Ей вывернули руки за спину и сковали прокторскими наручниками; то же сделали и с Тайлером. Толпа редела, требуя их крови, но затихла, когда приблизился Апарет, велев принести лазнистолеет, оставленный в храме. Нервничающий надзиратель спросил, что теперь делать с гранатой, и Апарет велел взорвать ее подальше от храмовых стен. Судя по лицу надзирателя, тот понятия не имел, как это сделать.

--- Делай со мной что хочешь, --- прохрипел Тайлер, --- но, если в тебе осталась хоть капля человечности, пожалей Арекс. Она не затешана в том, что я затеял. Если она и следовала за мной, то лишь потому, что мы с ней

обручены.

Сердце девушки дрогнуло, когда она это услышала. Хотя это была всего лишь отчаянная ложь, она чувствовала, что предает Гюнтера, не опровергая ее.

— Не беспокойся, — ответил жрец. Хотя его лицо скрывалось под маской, Арекс четко расслышала самоговольство в его голосе. — Девушка не умрет — по крайней мере, не сейчас, не от моих рук. Когда я последний раз говорил с железными богами час назад, они ясно выразились относительно судьбы леги Хенрик.

Услужливый надзиратель подал Атарету пистолет, и жрец приставил его к виску Тайлера. Тот закрыл глаза и приготовился к смерти, но первосвященник вдруг опустил оружие.

— Значит, вы обручены, — повторил он. — Тогда ты в двойне счастлива, нам посланы сразу двое из выродившегося рода поверженного губернатора. Я отдам вас обоим на суд железных богов.

Словам вождя сопутствовал мощный взрыв за стенами схолы. Похоже, надсмотрщик и вправду не умел

обращаться с гранатами. Арекс, однако, не обратила на это внимания, слишком погруженная в свои страхи. С одной стороны, своей ложью Тайлер купил им немного времени и не позволил разделить их, за что она была благодарна. С другой стороны, она боялась, что вскоре их ждет куда более страшная смерть.

Амарет вызвал грузовик, что лишний раз подчеркнуло его растущее влияние. Арекс и Тайлера, скованных наручниками и окруженных со всех сторон прислужниками в изумрудных мантиях, посадили в кузов.

«Высший Храм» был недалеко — Тайлер смог сбегать туда и обратно за одно утро, — но Амарет теперь желал путешествовать с полпой. Арекс впервые увидела пиратигу, когда та показалась по той стороне эстакады. Ее отполированная стена заслоняла собой проем между гвумя одинокими башнями и, казалось, вытягивала всю надежду и свет из мира.

Даже Амарет не мог заставить лифты работать без энергии, так что им пришлось долго спускаться по лестнице

сквозь хаб-блоки. Сохранять равновесие, когда у тебя скованы руки, совсем нелегко. Так что Арекс несколько раз оступалась, а однажды упала, сбив четырех жрецов, будто в домино. Каждый раз они проклинали ее и угрожали или просто злорадовались о ее судьбе в руках железных богов. Тайлер тут же бросался на ее защиту, но сама она ни разу не стояла за себя.

Они пробирались по нечистотам подулья. Арекс вспомнила, как совсем недавно с замиранием сердца перегибалась через перила эстакады и смотрела вниз на этот чужой мир. Тогда она мечтала увидеть его вблизи. Кто знал, что ее мечты сбываются подобным образом. Она заметила розовые глаза мутантов, прячущихся в тенях, но те не делали попыток подойти. Возможно, их пугали железная маска и скипетр Амарета. Кажется, теперь они тоже знали, кто их хозяин. Арекс увидела множество мутантов и несколько людей, работавших в развалинах.

Арекс не знала, как ей относиться к

нит --- с презрением или жалостью. Размышляя над этим вопросом, она чуть не столкнулась с чудищем из ночных кошмаров. Отпрянув в ужасе, она затаила дыхание. Раньше она видела этих кадавров лишь издали. Ее парализовал взгляд зеленых глаз-лампочек, горевших в глазницах бесчувственного железного черепа, обращенного к ней. На плече чужовища болталось оружие, и монстру ничего не стоило испепелить всю процессию. Арекс почувствовала, как ее душа затерла при виде этого воплощения самой смерти. Она попыталась отогвинуться, но прислужники Амарета не позволили ей. Однако существо, видимо, не нашло в ней ничего интересного, отвернулось и зашагало себе дальше. Жрецы раболепно расступились перед ним.

--- Последний шанс отступить, Амарет, --- пробормотал Тайлер, когда они приблизились к цели.

В зеленом свете, изливавшемся изнутри пирамиды, двигались другие металлические кадавры, некоторые катили тележки с обломками. Они

работали в жуткой тишине, и невозможно было понять, с какой целью они трудятся.

— Ты думаешь, что они скажут спасибо за то, что ты привел нас к ним? — продолжал Тайлер. — Похлопают по плечу и сделают любимой зверушкой? Ты для них не больше, чем надоедливый человечиска, Амарет. Насекомое, жужжащее над ухом. Если они обратят на тебя внимание, то лишь для того, чтоб прихлопнуть.

Верховный жрец продолжал упрямо идти вперед; ни он, ни его прислужники не отвечали пленнику. Возможно, им просто нечем было ответить на его выпады. Наконец Амарет остановился у небольшой группы кагавров. Жрецы, столпившись за ним, вытолкнули Тайлера и Аркса. Амарет ждал, пока его заметят. Когда этого не произошло и два железных бога прошли мимо него, не замечая, он нетерпеливо прокашлялся. Когда и после этого они не обратили внимания на него, он разразился приготовленной заранее речью.

— Мои владыки, — начал он, — имя мое Амарет, я ваш первосвященник.

Уверен, что вы меня знаете.

Голос его звучал глухо, куда менее уверенно, чем обычно, однако этого хватило, чтобы монстры обратили на него внимание. Часть из них бесшумно повернулась и уставилась на него. Амарет съежился под взглядами светящихся зеленым пустых глазниц. Словно внезапно осознав свою ничтожность, он снял маску, обнажив бледное, слишком человеческое лицо. Его черные волосы прилипли к голове от пота.

--- Я принес вам подношение, --- сказал он. --- Эти люди, мужчина и женщина, связаны с нашим... с бывшим губернатором этого мира. Его зовут Хенрик, и он одорожит их жизнями. Я думал, вы сможете...

Он затолчал, ошеломленный безразличием своих богов. Потом обернулся и увидел, что его жрецы внимательно смотрят. И, как поняла Арекс, именно растущее разочарование на их лицах подстегнуло его.

--- Мы хотим, чтоб вы знали, --- сказал Амарет, --- что ваш голос услышан. Те,

кто развязал войну против вас, кто воюет на стороне Хенрика, не имеют к нам отношения. Мы приветствуем вас в нашем мире и готовы служить.

При этих словах жрец стал на колени, так же поступили и его жрецы. Арекс чуть не последовала их примеру, но осталась стоять рядом с гордо выпрямившимся Тайлером. Железные боги развернулись, не обращая никакого внимания, и ушли, предоставив самозванцу-первосвященнику и его последователям преклоняться перед пустотой. Прошла секунда, прежде чем Атарет решился подняться и его сторонники нерешительно сделали то же самое. Явно обескураженный, он все-таки решил не отречься так просто от своего плана.

Он взял Арекс за руку, достал пистолет и, помахав им перед ее лицом, толкнул в сторону пирамиды. Девушка воспротивилась, но прислужники начали подгонять ее вперед дубинками. Когда она оказалась у входа, зеленый свет ослепил ее, вынудив зажмурить глаза. Ей хотелось

взять Тайлера за руку, чтобы вновь опереться на его силу, но в наручниках сделать это было невозможно.

--- Полни, --- шепнул он ей, --- Император решил, что ты должна жить. Мы должны продолжать бороться за Него.

Внезапно железные боги обернулись, словно впервые заметив у себя чужаков, и окружили их. Один из них встал на пути Амарета, и тот в отчаянии взмолился:

--- Но вы не можете... Разве вы не слышали, что я сказал? Я ваш первосвященник. Я построил храм вашего имени, и теперь я дарю вам средство к победе над вашими врагами. Почему вы не узнаете меня?

Существа не двигались. Он смотрел на них еще мгновение, потом сгорбился и попытался пройти между ними. Четверо ксеносов синхронно вскинули оружие и испепелили жреца вылеском изумрудной энергии. Там, где только что стоял Амарет, теперь лишь вился дымок. Арексничуть не обрадовалась гибели врага и подтверждению правоты Тайлера. Ее только затошнило.

Кто-то из прислужников Аларета упал на колени, воя в страхе и не ведая, за что на них прогневались железные боги и что надо сделать, чтобы загладить их. Другие обратились в бегство. Некроны сначала быстро прикончили бегущих, в считанные секунды уложив четверых. Потом они обратили внимание на коленопреклоненных жрецов и принялись за них. Арекс хотела тоже бежать, но Тайлер загородил ей путь. Она догадалась, куда он ее толкает, и в ужасе вскрикнула, но поняла, что другого пути нет.

На них сейчас никто не смотрел, но такое положение продлится недолго. И все равно нигде поблизости нет другого укрытия. Она глубоко вздохнула, закрыла глаза и доверила спутнику вести себя. Когда они пересекли порог пиратиды, Арекс ощутила лишь ледяной холод, пробивающий до костей, и зеленый свет, проникающий даже сквозь закрытые веки.

Глава восемнадцатая

Начался дождь. Тяжелые холодные капли падали на щеки Гюнтера Соресона и стекали за ворот. Он стоял здесь, рядом с остальными бойцами взвода, целую вечность. Он прицеливался в разные выступы на поверхности скалы перед собой. Он был готов исполнить свой долг.

Этот лазган ему вручили сегодня утром: кризовский вариант модели «Люций», более мощный, чем используемый в СНО, но, как следствие, более прожорливый. Его предупредили, что каждая из трех батарей рассчитана всего на двадцать пять выстрелов. Тем не менее Гюнтер переживал лишь из-за того, что ему до сих пор не выпало шанса применить оружие, почувствовать его. Ему сказали, что оружие одолжено в Стрелковом полку Крива и гвардейцы

ожидают, что оно возвратится.

--- Когда поймешь, что пришел твой последний час, --- сказал квартирмейстер солдату 1419, --- когда заглянешь в дуло гаусс-пушки, ты должен успеть спасти эту вещь, отшвырнув ее от себя как можно дальше.

Чтобы погрузить всех, машин не хватало, поэтому двутысячатым пехотинцев пришлось пешком спускаться с холма, на котором стоял костюпорт, поведущей в город дороге. По бокам от колонны собрались беженцы, некоторые подбадривали солдат, другие плакали, но все они возлагали все свои надежды на новобранцев в плохо подогнанной форме. Тюнтер слышал ворчание однопольчан на то, что им не дали отдохнуть и подготовиться к первой боевой вылазке. Сам он прошлой ночью спал крепко и без сновидений и был готов настолько, насколько возможно. Да и отдых для него теперь стал лишь неприятным временным для раздумий.

Западный край города скрылся за грудой развалин, достигавшей той же

высоты, что прежняя городская стена. Перед ней расчистили большой плацдарм, где все утро собирались солдаты. Гюнтер восхищался четкостью гвардейцев Корнуса Смерти, прибывавших с юга и севера, и ему стало стыдно за свою выучку в сравнении с ними. Он решил не задавать лишних вопросов, но ему стало интересно, почему большинство солдат строились перед криговцами.

Совсем не так он представлял себе этот день. На ранних этапах воинской подготовки он представлял себе рискованную спасательную операцию. В ходе нее он спасал Арекс из лап некронов. Сейчас же мечты приходилось пересмотреть, потому что Костеллин не взял его с собой, а затем и вовсе перестал выходить на связь.

Говорили, что имперские силы превосходят противника численностью, так что, даже убив одного некрона, можно внести свой вклад в победу. От солдат требовалось не так уж много, однако сейчас, с «Люцием» в руках, Гюнтер чувствовал, что способен на большее. На

рядами некронов, вне досягаемости их огня, окружило несколько флаеров. Вдруг они развернулись и полетели к костюпорту, а лейтенант СНО позади Тюнтера закричал:

--- Взвод «М», они уже здесь! Первый ряд, на колено.

Такой же приказ раздался на правом и левом флангах. Три сотни солдат припали на колено и вскинули оружие. Тюнтер тоже поднял лазган, хотя понимал, что сможет прицелиться во врага, когда надут первые четыре ряда.

--- Полните инструктаж, --- велел лейтенант. --- Удерживайте рубеж во что бы то ни стало. Кто может, переведите лазганы в режим автоматического огня и покажите ксеносам, на что вы способны. Даже если некрон упал, продолжайте стрелять в него. Я получил сообщение от генерал-губернатора: он благодарен нам за принесенную жертву и призывает благословение Императора на всех нас.

Как только лейтенант закончил речь, гряда камней содрогнулась из-за стрельбы с другой стороны. Из-за рядов имперских сил раздалась артиллерийские

залпы: это вступили в бой тяжелые орудия Корнуса Смерти. Снаряды «Сотрясателей» пролетали над гигантским завалом в поусках целей.

Но враг не собирался ждать, когда его прихлопнет артиллерия. Некроны-призраки легко просачивались сквозь скалы, равно как через сплошной огонь первых двух рядов СНО. Солдат готовили к встрече с этим кошмаром, но в действительности это для многих оказалось слишком. Слева от Гюнтера большая часть взвода «Н» пришла в смятение.

Услышав выстрелы позади, он обернулся и увидел упырей в человеческой коже посреди рядов Корнуса Смерти. Твардейцы, конечно же, предвидели такое развитие событий и теперь пригвождали врагов к земле лучами хеллганов, не давая тем пустить в ход лезвия. Гюнтер вспомнил свою первую встречу с упырями в бесконечную ночь в другой жизни. Вспомнил, как испугался тогда; теперь же он чувствовал только ненависть.

Положение впереди Соресона казалось

менее обнадеживающим. Те, кто собрался бежать, или были приведены в чувство криками сержантов, или просто осознали, что бежать нигде и, значит, придется защищаться. Воздух осветился лучами множества лазганов, но, увы, призраками они не причиняли никакого вреда.

К счастью, гренадеры Корпуса Смерти заняли снайперские позиции, поскольку небольшие отвалы позволяли им вести ответный огонь с высоты над головами пехоты. Мелтаганы изрыгали один залп за другим. Хотя некоторые призраки и остались невредимы, многие были уничтожены. Однако на их сородичей это не произвело ни малейшего впечатления — они неумолимо прорубали себе путь в рядах пехоты, и много раньше, чем ожидал Гюнтер, ряд перед ним опустился на колени — пришло его время вступить в бой. Правда, его кризовский лазган не мог стрелять очередями.

— Если хорошо целиться, одного выстрела вполне хватит, — говорил ему квартирмейстер, — нет смысла расходовать заряд попусту.

Конечно, Гюнтер попал не с первого раза, и даже не со второго, но третий выстрел почти поразил врага. Четвертый и пятый оказались еще эффективнее, но он все равно потерял несколько драгоценных секунд. Прямо перед ним возник некрон, и Гюнтер решил, что настал его черед, а он даже не успел прицелиться, но враг напал на солдата, опустившегося на колени. Боец ударил штыком лезвием, пытаясь оттолкнуть противника, и тот и вправду подался, но успел сорвать кожу с лица гвардейца. Тот вскинул руки, рефлекторно хватаясь за лицо, и тут же их отдернул, отшатнулся назад, и на одну ужасающую секунду взгляд его нашел глаза Гюнтера.

Этот взгляд был полон беспримесного ужаса, белея в окружении красных мышц и сухожилий. Обуреваемый яростью, Гюнтер действительно пустил очередь в направлении отступавшего призрака. Последние два выстрела не прошли мимо, и Гюнтер уже начал впадать в отчаяние, глядя, как заряды проходят сквозь нематериальную цель.

Лейтенант снова прорычал приказ, и

Гюнтер, к своему удивлению, понял, что это был приказ его ряду, теперь переднему. Его время почти истекло, а он еще не убил даже одного врага, на что он так надеялся. Гюнтер с усилием отогнал мысль о бойцах, которые умерли ради той же цели, так и не исполнив ее, и о том, что это значит для исхода боя.

Этим утром только что сформированный полк Гюнтера выслушал две речи. Вторая, произнесенная полковником Брауном в присутствии губернатора Хенрика, представляла собой волнующее выступление о чести, славе и преданности Императору. Первая, сказанная строевыми инструкторами Крига, напятинала о смерти. Даже тогда Гюнтер не знал, какая из них была честнее.

Призрак приближался, и Гюнтер сосредоточился на прицеливании, позволив загадочной твари заполнить весь прицел, не поддаваясь на искушение поспешить. Один хорошо нацеленный выстрел. Выстрел попал в глазницу, погасив сиявший в ней зеленый свет, и голова создания

беспомощно завертелась вокруг оси. Первая кровь, если можно так выразиться применительно к этим бескровным ксеносам. Первое бесспорное убийство.

В этот момент Гюнтер мог вскочить на ноги и завопить от радости, мог умереть с улыбкой на лице, если бы кто-то не схватил его за лодыжку. Он не стал смотреть вниз, в утраченные глаза солдата с содранным лицом, еще живого и испытывающего невыносимую боль. Сохранившаяся частица старого Гюнтера, оставшееся в нем сострадание пробудилось внутри. Он был готов дать несчастному то, чего тот так явно жаждал, — быструю смерть от выстрела в голову. Но голос криговского инструктора в голове отчитал его за то, что он не смотрит на врага и собирается зря потратить боеприпас.

По крайней мере в первой части сержант был прав.

Центральная часть завала взорвалась, так что его верхняя крошка обрушилась вниз. Огромная волна камней погребла под собой тела мертвых

однопольчан Гюнтера и теперь собиралась
поднять и его самого. Следующее, что он
замечал, — как ползет на животе, а голова
болит, но он не понимал почему. Он
попытался подняться, и кровь брызнула на
спинную сторону кисти. Он подумал, что
его задел обломок скалы и он на мгновение
потерял сознание. Из всех способов
умереть... «Не так», — подумал Гюнтер.
Поэтому он попытался приподняться на
четвереньки, но вновь припал к земле,
когда воздух над ним прорезали лучи.
Потом осторожно поднял голову, взгляделся
пристально в пелену дождя. Только теперь
он смог разглядеть, с чем на самом деле
столкнулись войска Империи на
Церонит Тета.

Нехоту некронов Гюнтер встречал
раньше, и даже при малой численности они
были страшным противником. Теперь же
навстречу ему шли сотни... тысячи
созданий, и при виде их одинаковых, ничего
не выражающих масок сердце затирало в
груди. Длинноствольное оружие некронов
изрыгало зеленые молнии одну за другой, и
ряды солдат Империи превращались в

непел. Но пехота оказалась не самой страшной частью вражеских войск.

Позади нее маячили силуэты в три человеческих роста, несшие двуствольные орудия, изрыгавшие изумрудные лучи над головами пехотинцев. По флангам этих чудовищ находились некроны, измененные подобно призракам: нижние половины их тел отсутствовали, а верхние были прикреплены к парящим бронированным скелетам. Правая рука каждой твари была заменена огромными гаусс-пушками. Вместо правой половины черепа — приборы наведения.

Завершали кошмарную картину танки некронов. Инструкторы предупреждали Гюнтера о них и том чудовищном уровне, который они способны нанести. Возвышаясь над землей, они походили на пиратиды из темно-зеленого железа — из колдовского металла, по слухам способного заращивать любую рану, как и сами некроны. На их боках проступали золотые нечестивые символы, а внутри башен kloкотало зеленое свечение.

Пока что все это многочисленное оружие молчало, но Гюнтер чувствовал, что, когда оно заговорит, ему следует показаться погальше. Но сейчас он оказался в западне, зажатый между упырями, размахивающими когтями, и извергающими молнии пехотинцами. На мгновение ему даже показалось, что надежда тертва и армию некронов ничто не остановит. Он недооценивал Корпус Смерти Крига.

Гвардейцы в большинстве своем оказались вооружены, как Гюнтер и его товарищи. Но в отличие от них криговцы знали, как использовать свое оружие с максимальной эффективностью. Они показывали безупречную командную работу, концентрируя огонь на одном противнике, пока тот не погибал. Огонь тяжелой артиллерии тоже стал эффективнее. Некроны подошли слишком близко для «Сотрясателей», зато не такие крупные «Медузы» исправили эту оплошность. С каждым залпом они выкашивали просеки в рядах приближающихся врагов.

Вот что-то ударило в землю позади Гюнтера, наполовину вкопавшись в грунт. Секундой позже его окатило волной раскаленных металлических осколков, и он понял, что перед ним не снаряд, как он сначала испугался, а череп некрона. Он с отвращением выбрался из-под останков монстра и убедил, что эти осколки уже ползут по обломкам, собираясь вместе. Зеленый свет вновь зажегся в глазницах, и Гюнтер вспомнил о своем ружье. Он вставил дуло лазгана в правый глаз некрона и нажал на курок.

Вторая пораженная цель принесла меньше радости, чем первая. Еще долгие секунды Гюнтер не мог оторвать взгляда от черепа, боясь, что пустые глазницы вновь нальются зеленым светом. Лишь спустя некоторое время в голове прояснилось и он задался вопросом, почему до сих пор жив. Некроны, похоже, пока потеряли его из виду, но все изменится, как только он снова начнет стрелять. Отталкиваясь локтями, Гюнтер отполз к небольшой груде обломков и затаился. Это дало ему некоторое укрытие от некрон

впереди; что же до находящихся сзади, оставалось только молиться, чтобы они оказались слишком заняты, чтобы оглянуться. Гюнтер расчистил на вершине завала углубление, где смог установить лазган для лучшего прицеливания.

Гвардейцы сходились с некронами в ближнем бою, не давая тем пустить в ход гауссово оружие. Конечно, это значило смерть для храбрецов если не от рук выбранного противника, то от лезвий призраков, круживших над полем боя. Тем не менее на место каждого убитого солдата тотчас вставал новый. Некроны, осыпавшие с расстояния огнем лазганов, хеллганов и вспышками мелтаганов, падали, их оружие, обладавшее чудовищной разрушительной силой, все же уступало оружию Гвардии в дальности боя. И тогда в бой вступил первый из вражеских танков, и первый же сгусток зеленой энергии, сорвавшийся с его башни, пробил зияющую брешь в обороне имперцев. «Медузы» перевели на него огонь, и вскоре серия прямых попаданий разорвала некронский танк на части. Дымящиеся куски темно-

зеленого металла посыпались на землю, но другие боевые машины неумолимо приближались.

Гюнтер продолжал вести огонь по пехоте некронов, его лазган был способен вполне эффективно удерживать их, если хорошенько прицеливаться. Он считал выстрелы, пока не насчитал двадцать пять. Перезарядил батарею и вновь открыл огонь. Он несколько раз задел цель по касательной, и лишь один враг рухнул, да и то через несколько секунд вновь поднялся. Но тут весь вражеский отряд, по которому он стрелял, был уничтожен снарядом «Медузы», и Гюнтер задумался: в чем смысл его пребывания на поле битвы, что изменит его присутствие? Он знал, как ответили бы солдаты Корпуса Смерти, любой из них.

Они, словно стихия, как волны прибоя, накатывали на врагов — и разбивались о них, как об утес. Каждая их жизнь выигрывала несколько секунд, нужных «Медузам» для перезарядки, и солдаты в масках-черепах продолжали подтачивать этот утес.

Гюнтерү стала нетного яснее и тактика некронов. Он вдруг понял, что они сосредотачивают усилия на одном участке линии криговцев. И некроны прорвались сквозь нее. Залп гаусс-пушек ударил по одной из «Медуз» и --- невероятно --- содрал броню с каркаса, словно плоть с костей. Тем временем два некронских танка продвинулись вглубь рядов Корпуса Смерти, и засверкали изумрудные молнии, выкашивавшие просеки шириной в пять человек зараз. Имперские войска, пришедшие в смятение, старались перестроиться, когда прямо над головами гвардейцев пролетели некроны-скиллтеры, быстро расправившиеся со второй «Медузой».

Тут Гюнтер услышал за спиной новый звук --- грохот копыт, и в мгновение ока обстановка вновь изменилась. Всадники Смерти Круга атаковали врага с флангов. Они занялись некронами по периметру, ошеломив их скоростью появления. Их охотничьи копыта несли взрывчатку, способную разнести некрона-пехотинца на части.

Браз повел огонь по животным, но это были не обычные лошади. Их выращивали в подземных ульях Круга и имплантировали так, чтобы они могли приспособиться к условиям на поверхности. Лошадям была имплантирована подкожная броня и система впрыска наркотиков, чтобы держать их на стимуляторах, сохраняя нужный уровень агрессии и способность переносить любую, кроме совсем уж запредельной, боль.

Конечно, прямое попадание зеленых молний животные не выдерживали. Но они атаковали с такой жестокостью и яростью, что немногие некроны успели скинуть оружие, прежде чем были сбиты с ног и растоптаны мощными копытами. При этом опытные всадники наводили свои коня и стреляли с невероятной меткостью, невзирая на то что вытворяли их кони, вставая на дыбы и лягаясь. Глаза всадников, спрятанные за линзами противогазов, бесстрашно смотрели из-под шлемов. Казалось, что эти люди правят скакунами безо всяких усилий.

Пользуясь передышкой, «Медузы» снова
выпустили залп, и еще два вражеских
танка остановились, пылая. Снайперы с
телмаганати сняли оставшихся призраков
и скитлеров. Даже Гюнтер убил еще
одного пехотинца, пытавшегося взять на
пушку всадника. К навшим подходили
квартирмейстеры, собиравшие снаряжение,
и гвардейцы, даже с самыми ужасными
ранами, вновь вставали в строй, подобно
неуязвимым некронам. Взвод Крига
прижал к завалу небольшую группу
некронов-пехотинцев, но, пока Гюнтер
прицеливался, некроны исчезли. «Что это
значит? Все кончено?» — подумал он.

Чувства говорили Гюнтеру, что
радоваться еще рано. Пока он искал, куда
бы выстрелить, взгляд зацепился за
парящий над полем аппарат, изрыгавший
подкрепление некронов. «Новые, — подумал
Гюнтер, — или отремонтированные
старые?» В любом случае битва была
далека от завершения.

Тем временем подошла к концу его
третья обойма. В таких случаях
предписывалось обращаться к

квартирмейстеру за амундией. Однако куда ближе оказалось тело бойца СНО, его бывшего сержанта. Труп был изуродован когтями призрака, но еще сжимал ладан. Чтобы добраться до него, Гюнтеру пришлось бы покинуть укрытие, но разве у него был выбор? Все равно он ожидал умереть сегодня.

Он говорил это себе на протяжении нескольких последних недель. Он думал, что стирился. Но сейчас, посреди адского грохота и зловония смерти, он, заложник милости разрушительных сил, понял, что до стирения ему еще далеко. Часть его сознания цеплялась за кадры военных хроник и надеялась преодолеть все трудности, вернуться домой в почете и славе. В конце концов, он один из самых многообещающих рекрутов.

Теперь он осознавал, что на передовой, в войнах вроде этой, никакой опыт и выучка не спасут от смерти. Выживание не зависело от умения увернуться от гауссова луча или осколка снаряда — все это за пределами возможностей человека.

Поэтому выжить — значит оказаться в нужное время в нужном месте. Не справа или слева, не спереди и не сзади. Проще говоря, все определялось везением, слепой удачей, прихотью Императора. Поняв это, Гюнтер окончательно избавился от остатков страха или ужаса. Он все равно умрет: не сегодня, так завтра или через неделю. Это, скорее всего, случится в одно мгновение, он даже не успеет увидеть убийцу. Поэтому имеет значение лишь то, что он сумеет сделать в этот промежуток.

Гюнтер плохо помнил лицо Арекс. Он сделал это ради нее, только ради нее. Но в определенный момент, не осознавая этого, он потерял надежду, что они когда-нибудь снова будут вместе. «Так даже лучше», — подумал он. Мужчина, которого она любила, который любил ее, — этого мужчины все равно больше нет. Возможно, она однажды вновь услышит его имя, может, даже навестит его могилу — если таковая у него будет — и с нежностью вспомнит то недолгое время, что они были вместе. Может, ей даже скажут,

что Гюнтер сражался и умер за нее.

Если так, пусть она сможет гордиться им. Оценив, насколько возможно, обстановку и то, что никто не смотрит в его сторону, он бросился к телу сержанта, упал рядом с ним, вырвал лазган. А потом, подражая гвардейцам Корнуса Смерти, с которыми он почувствовал такое родство, о возможности которого даже не подозревал, побежал на врага.

Да, Гюнтер Соресон ожидал смерти сегодня.

Но он еще был жив.

Глава девятнадцатая

Пока Хенрик разыскал полковника Сто восемьдесят шестого, с него сошло семь потов. Он взлетел по лестнице, перепрыгивая по три ступеньки, и бежал по терминалу костюпорта, пока не заболело в груди. Потом выбежал на склон холма, стал пробираться между палаток. Там стояли поливаемые дождем, исхудавшие беженцы, обратив глаза на восток, и губернатор взглянул туда же.

До этого он не смотрел в ту сторону и вообще не покидал кабинета почти неделю. За это время город был разрушен почти до основания, став тенью себя бывшего. Узургованный силуэт Церонимусити теперь освещен вспышками огня и окутан клубами дыма. Генерал-губернатор понял, что опоздал.

Полковник стоял за полузусеничной

машиной, рассматривая пейзаж в
магнокуляры. Он никак не отреагировал на
появление генерал-губернатора, но Хенрик
все равно начал разговор. Волнуясь, он
говорил сбивчиво и невнятно, но, по
крайней мере, привлек внимание
полковника.

--- Вы же согласились, --- напомнил
тот, не отнимая от глаз магнокуляры, ---
более того, вы даже настаивали, чтобы
Силы планетарной обороны были
полностью задействованы в наступлении.

--- Да, --- ответил Хенрик, --- но не
так. Не...

--- Вы предоставили определять их
расстановку моим командирам рот.

--- Пышечное мясо! --- взорвался
Хенрик. --- Вы использовали моих людей
как пышечное мясо, послали их на
переговory, как на бойню! Все отчеты, все
доклады, что я получаю, говорят об одном -
там резня!

--- Они солдаты, генерал Хенрик, и
знали, на что идут.

--- Но они... так много... большинство
из них... их готовили всего три недели.

Даже наши самые опытные бойцы никогда не встречались ни с чем подобным! К тому же они плохо вооружены.

Полковник повернулся лишь для того, чтоб безучастно взглянуть на генерала сквозь круглые линзы противогаза.

— Вот именно поэтому, — объяснил он, — они так дешево ценятся.

— Поэтому они — расходный материал, вы имели в виду, — сказал с горечью Хенрик.

— Можно и так сказать. Вам следует гордиться своими людьми, генерал. Мои командиры докладывают, что СНО задачу выполнили, причем очень хорошо. Они удерживали некронов на минуту дольше, чем мы рассчитывали. Все благодаря тренировкам.

— Вы говорите о них так, как будто они лишь... Они ведь люди, черт возьми, у каждого из них была семья, работа — жизнь. Оглянитесь вокруг, полковник. Видите лица людей вокруг? Каждый из них молится за кого-то, кого они знали и любили. То, что для вас всего лишь цифра, для них значит смысл всей жизни. Как я

ил объясню, почему их братья и сыновья не
вернутся?

Он потнил, как получил известие о
гибели своих сыновей. Три извещения за
восемнадцать месяцев, но Хенрик не забыл
ни единого слова из них.

— Граждане вашего мира слишком
мягкотелы, — равнодушно ответил
полковник. — Они забыли о долге перед
Императором.

Это было словно пощечина, и Хенрик
не выдержал:

— Я должен был знать, что вы не
поймете. Вам чуждо все человеческое.
Даже свое лицо вы никогда не показываете.
Хоть о ком-то вы беспокоитесь? Есть ли
кто-то, кто скучает по вам?

Криговец повернулся спиной к
собеседнику и снова поднес к глазам
магноляры.

— Я к вам обращаюсь, полковник! —
прорычал губернатор. — И на этот раз вы
меня выслушаете. Хотя мы служим в
разных войсках, но формально я старше по
званию. По моим сведениям, вы
командуете полком без году неделя. В то

время как я...

--- Вы хотели бы, чтобы погибли мои гвардейцы?

Неожиданный вопрос застал генерала врасплох.

--- Вы бы предпочли пожертвовать воинами Крига, оставив оборону мира на ваших плохо экипированных новичков? Это бы выглядело как измена.

--- Да нет же, --- растерялся Хенрик, --- я совсем не это имел в виду. Все жизни одинаково ценны. Просто ваши люди лучше, чем мои...

--- Если вы хотите увидеть кровь криговцев, Хенрик, то вам осталось подождать всего лишь несколько часов. Мы утрем, как вам того хотелось.

--- Полковник, извините. Я не собирался...

Он все еще лепетал какие-то слова, когда полковник, глядя в бинокль, стал поворачиваться на север. Он больше не слушал генерала. Котм-бусина в ухе полковника, несомненно, принесла плохие вести.

--- Что случилось? --- спросил Хенрик.

— Что не так?

— Паўки, — трачно сказаў полковник. — Металічныя паўкі, вылетаючы з некронскіх танкаў. Яны рвуць гвардыю в клячча.

— Гэта пацвярджае хушыя апасення, — сказаў Хенрык, — армія некронаў працягвае расці. Кажецца, кожны раз, калі мы з нямі сустрачаемся, яны выстаўляюць новыя, яшчэ больш мацныя стварэнні. Полковник, мы думалі, што нас больш, але калі...

— Не адступатъ, — сказаў полковник. Потым ён зрабіў паўзу, прыслушваючыся к адказу. — Камандам «Meduz» цэліцца в паўкоў, паспрабуйце вызначыць іх слабое месца. Одын з іх толькі што... Мне докладваюць, што ён здымаецца пасля падавання. Яны жывучы. Але ён ранен. Паўк ранен.

Полковник неадчаканна выпрыгнуў з палугусенічнай машыны і зашагаў к костопору в суправаджэнні пары адъютантаў, а Хенрык паспешыў за ім.

— Я вяртаюся в штаб, — сказаў полковник. — Нўжно запросіць

подкрепления из Сорок второго и Сто
третьего полков.

--- Думаете, они нам понадобятся?
Мы проигрываем?

--- Ресурсы некронов, должно быть,
подходят к концу. Я думаю, что науки ---
последняя линия обороны, иначе почему мы
не встречали их раньше? Мы близки к
завершению войны, осталось закончить
эту битву, а исход балансирует на лезвии
ножа. Я предлагаю вам обдумать это,
вместо того чтобы лелеять свои раненые
чувства.

Генерал-губернатор открыл рот, но
так и не нашел, что на это ответить. Он
снова посмотрел на город и подумал о тех,
кто погиб там и продолжает погибать, и
задумался: мог ли он их спасти? Правда
заключалась в том, что он перестал даже
пытаться, после того как потерял Аркес.
Ему следует сделать то, что надлежало с
самого начала: связаться с Департаментом
Мониторинг и в самых решительных
выражениях подать жалобу на действия
Корнуса Смерти Круга в его мире.
Впрочем, для столь решительного

поступка нужна полная уверенность в своей правоте. А полковник пошатнулся в нем эту уверенность.

Губернатор вернулся в свой кабинет подавленным и хотел проверить докладные с поля боя, но передумал. Он решил собраться с мыслями, посидев несколько минут в тишине. Машинально сунув руки в карманы шинели, он нащупал инфопланишет с расшифрованным сообщением.

Оно пришло сегодня утром по каналу командной связи СНО, набранное шифром, не использовавшимся восемь лет. Только несколько офицеров знали о самом наличии депеши, и только Хенрик знал ее содержание. Два часа он напрягал память, прежде чем смог расшифровать последовательность. Всего лишь одиннадцать слов, но он перечитал их сотни раз:

Хенрик. У нас твоя семья.
Отмени атаку. У тебя один день.

Генерал откинулся в кресле и потер усталые глаза. Если бы Костеллин был тут. Но от него до сих пор не слышно ни слова. Он доверял мудрому совету комиссара, его рассудительности. Меньше всего Хенрику хотелось показывать сообщение полковнику, так как его ответ было легко предсказать. Полковник, однако, уже стоял в дверях. Генерал виновато отдернул руку от кармана. Как долго он там стоял, наблюдая?

— Как все прошло? — растерянно спросил Хенрик. — Я имею в виду, с подкреплением?

— Получили еще десять взводов. Это меньше, чем я рассчитывал, но тоже может хватить. Еще Сто третий полк послал шесть «Медуз». Однако если вы сможете выделить еще бойцов...

— Нет, — сказал Хенрик резко, чем хотел. — Вы же понимаете, что если бы я мог, то... Но все мужчины, способные носить оружие, и так уже его носят. В костопорту сейчас только больные или раненые.

— На планете есть и другие города.

— Они прислали все, что могли, несмотря на бунты. Но даже если бы мы успели призвать всех, нам нечем их вооружить. Мы собрали и отремонтировали все лазганы, какие нашли. Скоро мы сможем вооружить людей только ножами.

Полковник кивнул, соглашаясь с этим, и похлопал по кобуре болт-пистолета.

— Здесь я больше ничего не смогу сделать. Отправляюсь на фронт. Присоединитесь?

— Нет, — поспешно ответил Хенрик. — Я... Вы правы, может быть. Возможно, я еще могу что-то сделать тут. Я думаю, что могу связаться с администрациями городов, надавить на них. Может быть, есть забытые склады или...

— Экипировка, — сказал полковник, — вполонину не так важна, как те, кто будет владеть ею. Когда этот бой закончится, у нас будет вооружение, чтобы поделиться им.

— Я сделаю, что смогу.

Однако стоило двери закрыться за полковником, Хенрик вновь спрятал лицо в

лагонях. Он думал о безымянных
согражданах, которых он согласился
отправить на смерть, и спросил себя: как
получилось, что он снова сделал то, что
хотел криговец?

В кабинете стало темно, но Хенрик
не находил в себе сил подняться и
включить свет. Тишину нарушал только
бессвязный шорох приемника. Хенрик был
один — и одинок. Его офицеры, обязанные
держать его в курсе событий, хотя и
находились далеко от фронта, оставались
слишком близко к нему, чтобы
чувствовать себя комфортно. Он считал
удачей, если между ругательств и
выкрикиванием приказов они сообщали ему
что-нибудь.

Те новости, что удалось получить,
обнадеживали. Атака Всадников Смерти
отбросила некронов на добрых пятьдесят
метров. Большая часть их пехоты
полегла в бою, а тела — те, что не были
расплавлены телтами, — исчезли на
глазах. Перелом оказался возможен
благодаря новым «Медузам», прибывшим с

юга, бомбардировавшим пирамидообразные
танки и пауков некронов долгие бесценные
минуты, пока до них не добрались
скиллтеры врага.

--- Врагам не удастся вывести из
игры мелтаганы, --- оптимистично
докладывал полковник Браун. --- Даже
когда они прицеливаются в гренадера, тот
успевает перебросить ружье товарищу,
прежде чем погибнуть.

Хенрик снова перечитал сообщение.
Сутки почти прошли, день клонится к
вечеру. Вряд ли послание прислали
некроны, хотя сначала его и посетил это
ужасающее предположение. Скорее, это
кто-то из жителей города, что, впрочем,
немного обнадеживает. Значит, его
подданные предали Императора, вступили
в сговор с врагом. Ответный звонок пришел
от ворчливого администратора,
разбуженного так рано и затравившего
раздражение из-за того, что для него пока
не нашлось места на эвакуационном
корабле. Хенрик передал запрос полковника
на новые ресурсы и выслушал гневные
протесты, включавшие перечень

инцидентов, с которыми уже приходилось разбираться администрации городов. Он дождался, когда администратор замолкнет, и добавил в список требований медикаменты.

Наконец все закончилось. Подтверждение пришло от обессиленного майора, с удивлением доложившего, что оставшиеся некроны исчезли у него на глазах. Выйдя на общий канал, Хенрик услышал, как полковник посылает гренадеров с подрывными зарядами в основной генератор. Затем посыпались запросы о медицинской помощи. Генерал отключил приемник прежде, чем посчитали потери. Все равно, решил он, ему скоро сообщат все это. Хенрик еще долго сидел в кресле в темноте и тишине. Настоящий трюг для генерал-губернатора лишь начинался.

Поднялось солнце, хотя небо осталось серым. Хенрик не спал двадцать пять часов, а не ел еще больше. Хотя он не хотел ни того ни другого, организм все же нуждался в отдыхе.

Генерал столько раз произносил слова
соболезнований, что они потеряли для него
стысл. Посетил раненых солдат в
казармах, служивших теперь
госпиталями. Благодарил их, заверяя, что
только их мужество и жертва
обеспечивали эту важную победу. Спорил с
криговскими квартирмейстерами,
несогласными тратить медикаменты на
тех, кто, по их мнению, и так умрет. Из
бойцов СНО с поля боя вернулись очень
немногие, и не было никаких празднований
в честь победы. Из воинов Круга выжило
еще меньше, за исключением
тяжелораненых. Но все еще оставались
позиции, которые надо было удержать, и
большинство бойцов вернули на фронт. В
помощь им пригавали нескольких солдат
СНО, и, конечно, никто не советовался, не
спрашивал Хенрика. Это мешало
составить полный список потерь и давало
ложные надежды родственникам.

Хенрик сел за стол во временной
столовой, где обедали усталые офицеры.
Наполнив тарелку неаппетитной пастой,
он вяло потыкал в нее ложкой. Полковник

Браун первым решился высказать то, о чем все думали.

--- Я думаю, --- осторожно начал он, --- мы могли бы послужить Императору лучше. Не подумайте, я не хочу, чтобы это звучало нелояльно...

--- Ты, похоже, имеешь в виду, --- подхватил Хенрик, --- что стоило начать полную эвакуацию, как только этого потребовали некроны.

--- Если бы имелись ресурсы для штурма, --- нахмурился Браун. --- Если бы Департаменте Мониторинг прислал не четыре полка, а больше. Ради Императора, мы послали на фронт гражданских!

--- Мы потеряли столько людей! --- пожаловался молодой ступлый майор Хоук. --- Но я думаю, с некронами необходимо драться.

--- Драться --- да, --- сказал полковник Браун. --- Но так?

--- Я начинаю думать, что у Костеллина была хорошая идея, --- сказал Хенрик. --- Экстерминатус! Мы, конечно, потеряли бы планету. Император знает.

как была бы ужасна для нас лишь одна мысль об этом. Сначала. Но мы бы уничтожили некронов одним ударом, не потеряв ни одной жизни. Если, конечно, мы успели бы всех эвакуировать.

— У нас не хватало кораблей, — заметил еще один молодой майор. — Да куда бы мы полетели?

— Мы должны были потребовать корабли! — сказал Хенрик, стукнув кулаком по столу. — И мир для колонизации. Я виноват. Я позволил Департаменте Мониторинг — нет, Корпусу Смерти Крива — поставить на нас эксперимент.

— А что, если, — раздался ледяной голос позади, — за то время, что потребовалось бы на организацию эвакуации, некроны пробудились бы и распространились по системе?

В очередной раз Хенрик не услышал, как приблизился полковник Стовосемьдесят шестого. Зато сейчас, ободренный поддержкой офицеров, он не чувствовал себя таким одиноким. Хенрик встал, решив расквитаться с ним.

--- И чего мы добились, сражаясь
вашим способом? --- спросил он. --- За что
наши люди погибали сегодня? Разрушение
одного вторичного генератора? Какая
от этого польза, если Костеллин не смог
добраться до основного?

--- Мы нанесли некронам удар, от
которого они...

--- То же самое вы говорили после боя
Сорок второго полка, но враги вернулись и
стали только сильнее. Правда в том, что
мы не знаем пределов способностей
некронов к восстановлению. Мы не знаем,
сколько солдат они могут пробудить,
или... или произвести, или переместить
откуда-то еще. Но вас это не волнует, ведь
так, полковник? Вы увидели маленький
шанс прославиться, и цена, выраженная в
человеческих жизнях, ничего для вас не
значит.

--- Что вы от меня хотите? Чтобы я
отвел войска? Оставил некронов на вас?
Чтобы люди, уже отдавшие свои жизни,
сделали это напрасно?

--- Я просто хочу, чтобы вы... Я
губернатор этого мира, а вы... с той

минуты, как вы попали сюда, вы игнорировали меня, унижали, плевать хотели на мои интересы...

--- Вы слишком высоко цените жизни отдельных личностей, Хенрик, тех, у кого, для вас, есть имя и лицо. Я сражаюсь ради миллионов жизней, которым угрожают некроны. Если вы не можете принять это, если так хотите погаты на мои действия в этом мире жалобу... это, конечно, ваше право.

--- Я так и сделаю, --- воинственно сказал Хенрик. --- Именно это я и сделаю, как и должен был в самом начале.

--- Тогда будьте осторожны, --- прорычал полковник, --- чтобы наши враги не использовали вашу слабость против вас. И знайте, что я не позволю этому случиться.

Хенрик отослал сообщение. В конце концов, у него не оставалось выбора. Он не мог больше сидеть, ничего не делая, не мог жить с сожалениями. Однако его все равно подташнивало. Он сидел, спрятав лицо в ладони, прикрыв глаза и понимая, что

теперь уже точно не сумеет заснуть. До тех пор, пока не получит ответ.

Он пришел раньше, чем Хенрик ожидал. В дверь коротко постучали, и полковник Сто восемьдесят шестого ворвался в кабинет, не ожидая приглашения. Немедленно стало ясно, что что-то плохое. Сопровождали полковника два майора-криговца, вставшие по стойке смирно у двери.

— Что такое? — спросил Хенрик, вставая.

— Есть подозрение, — ответил полковник, — что в наши ряды затесался предатель.

— Нет. В смысле, я не могу в это поверить. Но кто...

— Вы пришли сюда сразу же после нашего разговора в столовой?

— Ну да, практически. Если не считать встречи с одной беженкой. Ее сыну пятнадцать лет. Он попал на фронт, и его ранили свои...

— Вы не покидали кабинет в последние полтора часа?

— Нет, конечно. А почему вы

спрашиваете, полковник? Почему вы...

--- Вы посылали за это время кому-либо сообщения?

--- Вполне возможно. Да, я говорил с администратором Телониус-сити. Они сказали, что ситуация осложнилась. Некоторые жители нижних уровней отвернулись от Императора. Они начали поклоняться некронам, вы можете вообразить такое? Естественно, я приказал немедленно их...

--- Что-то еще? --- прорычал полковник.

--- Я не... Нет. Больше ничего. Я не... Я не посылал свою жалобу, если вы об этом. Я думаю, что, возможно... я немного погорячился и, может быть... может быть, мы поговорим об этом позже, завтра, когда дела не будут так... когда мы не будем настолько уставшими.

--- Мой вокс-оператор засек передачу, посланную из этого кабинета.

Хенрик ошеломленно уставился на него. «Он же не мог знать... Или мог?»

--- Она была послана, --- продолжил полковник, --- по командному каналу CNO.

--- Этот канал, --- быстро сказал Хенрик, --- для частной связи между мной и моими офицерами. У вас нет права...

--- Еще при первой встрече, генерал, я предупреждал вас, что планета на военном положении. Это значит, что все происходящее на ней --- мое дело. Это дает мне право.

Он протянул ему инфопланишет, и тот чуть не вывалился из трясущихся рук губернатора. Хенрик изучил содержание, и его охватил ужас. Слова сообщения были ему хорошо знакомы, но он все равно прочитал его, потом еще и еще, пытаясь тянуть время.

--- Мне сообщили, что его отправили сегодня в девять тридцать утра в ответ на другое, полученное вчера в девять сорок шесть.

--- Вы знали об этом? Как?.. Вы ждали, разве нет? Ждали, чтобы посмотреть, что я буду делать? Но... когда я послал сообщение... Вы не способны его расшифровать. Как, во имя Святой Терры...

--- Теперь это едва ли имеет

значение, Хенрик.

--- Да. Думаю, вы правы. --- Хенрик вздохнул, побежденный, и уселся обратно в кресло. --- Полагаю, вы хотите, чтобы я объяснился... Вы должны понять, полковник. Попробуйте понять, пожалуйста. Арекс --- единственная моя семья. Я всю жизнь посвятил... Какой толк от Империи, от всех наших армий, если мы не можем защитить одну девушку?

--- Империя держится, только пока мы сами держимся вместе. Вот почему существуют законы о сотрудничестве с...

--- Сотрудничество? --- закричал Хенрик. --- Нет, вы не можете обвинить меня... Вы прочли сообщение, я просто... Я пытался выиграть время. Я не мог отменить атаку, даже если бы захотел, вы знаете это лучше, чем кто-либо. Я просто подумал, если бы удалось заставить этих людей думать, что... Если бы я мог внушить им мысль, что можно заключить сделку, тогда, вероятно... Я просто не мог оставить ее умирать. Она моя племянница, полковник. Что бы вы сделали?

Как только Хенрик договорил, то понял свою ошибку.

Полковник Сто восемьдесят шестого достал болт-пистолет и навел на голову генерал-губернатора.

--- Я вас честно предупреждал, --- тихо произнес он, и последним, что увидел Тальмар Хенрик, была вспышка выстрела.

Глава двадцатая

Костеллин проснулся на мягкой кровати, в непривычном тепле — и первое время не мог понять, где находится. Может, он попал в плен? Но некроны вряд ли сняли бы с него шлем, ботинки и шинель, положив в уютную постель. Он попытался пошевелиться, но почувствовал острую боль в правом боку и то, как натянулась синтекожа. Это напомнило ему о недавней куда более страшной боли, но воспоминания были смутными.

Он вспомнил, как лезет по тросу вверх, как теряет последние силы, как соскальзывает вниз, в бездну. Потом руки в перчатках хватают его и тащат наверх, на свет. А потом — отчаянная погоня...

Теперь он лежит в помещении чуть больше, чем его кабинет в костнопорту. На столе дрожат свечи, по стенам

колеблются тени. В окно стучит дождь. Он с трудом поднял голову и разглядел двух пожилых женщин в лохмотьях, задремавших в креслах. Рядом с кроватью, бесстрастно глядя на него, сидел гвардеец в маске-черепе.

--- Мы это сделали? --- спросил Костеллин слабым голосом. --- Взорвали генераторы?

Гренадер потопал головой и коммиссар, грустно вздохнув, опустился обратно на подушку. Сон попытался догнать его, но он сопротивлялся. Вспомнились науки с зелеными глазами.

--- Сколько выжило? --- спросил он.

--- Только вы и я, --- отвечал гренадер. --- Вы и я, сэр. Больше никого.

Костеллин понял, что гавно закрыл глаза и голос солдата доносится до него словно с другого конца глиняного туннеля.

Когда он очнулся во второй раз, его лоб обтирала одна из старух с круглым, строгим и рябым лицом. Костеллин хотел поблагодарить ее, но горло пересохло. Она услышала его кашель и принесла ему

күвшин холодной воды.

Комиссар вспомнил, как вместе с гренадерати бежал через разрушенный город. Они разбились на пять отделений в надежде уйти от своих преследователей — некронов-скилтеров. Однако те оказались быстрее криговцев, легко летели над заваленными обломками эстакадами и стреляли из рук-пушек. Из шахты вышло почти пятьдесят гвардейцев, но лишь тридцать дошло до генераторума, где их ожидало худшее. Комиссар видел в своих кошмарах механических пауков размером с небольшой танк, наводнивших нужное отряду здание. Как и некроны-преследователи, они парили чуть над землей, но их движения казались медленнее, тяжеловеснее. Что не помешало им наброситься на гвардейцев, не обращая внимания на огонь из хеллганов.

Когда Костеллин очнулся в третий раз, дождь перестал лить, ставни кто-то приоткрыл, впуская в комнату дневной свет. Раненый никого не видел, но слышал

приглушенные голоса.

--- Пока они нас не трогали, но если узнают, что мы укрываем их врагов... ---
говорила круглолицая, ухаживавшая за ним.

--- Ты же не хочешь сказать... ---
ответил голос другой женщины, знакомый Костеллину.

--- Разрази меня Император, если я об этом... Но...

--- Ты слышала, что сказал тот, в маске? Они здесь, чтобы воевать с некронами.

--- Вдвоем? Я думала, если у них...

--- ...думаешь? Наста, что мы нашли, однажды закончится. Как думаешь, если мы окажем им услугу, они накормят нас?

--- Я вспомнил, --- сказал Костеллин гвардейцу, садясь в постели и отпивая воды из кувшина. --- Солдату впереди меня паук перерезал глотку. Мой пистолет пробил в нем огромную дыру. Я думал, он упадет, но...

--- Ваши приказы, сэр? --- выживший гренадер стоял рядом с ним.

Костеллин покачал головой, стараясь выбросить из головы фасетчатые зеленые глаза, приближающиеся к нему. Рана на боку все так же болела.

--- Я не знаю, --- ответил он. --- Видимо, на этот наша миссия завершена. Может, нам просто следует...

--- При всем уважении, сэр: так ли это? Некроны не знают, что мы живы, иначе бы уже обнаружили нас. Нужен лишь один человек, чтобы пробраться мимо со взрывчаткой и...

--- Она еще у тебя?

--- Нет, сэр. Иначе бы я продолжил сражаться.

--- Полагаю, мне следует благодарить Императора за то, что ее у тебя не было. Ведь это ты вытащил меня оттуда, верно?

--- Вы были ранены и без сознания. Сэр, я понимаю, что обстоятельства против нас, но если мы не сможем --- тогда кто?

Костеллин задумался. Скорее всего, некроны сейчас готовятся к повторной атаке из шахты. Даже если так, двое должны преуспеть там, где не справилась

сотня...

--- Мы ничего не сделаем без взрывчатки, --- сказал Костеллин. --- Мы сможем вернуть ее?

Гренадер покачал головой.

--- Я пытался перед рассветом, сэр, --- произнес он. --- Я подобрался к генератору так близко, как смог, но большинство моих товарищей были испепелены гаусс-оружием. Я нашел лишь несколько целых тел, и, к сожалению...

--- Они не из тех, у кого были бомбы, --- догадался комиссар.

--- Но я собрал кое-что полезное... --- сказал гренадер, и Костеллин с надеждой уставился на него.

Гвардеец достал из кармана шинели деревянную шкатулку. Комиссар уже знал, что в ней.

--- Теперь наши товарищи с нами, --- сказал гренадер, демонстрируя осколки костей. --- Их души разделят с нами победу.

--- Женщины... --- неожиданно сказал Костеллин. --- Когда я первый раз спросился, здесь были две женщины.

--- Они впустили нас, сэр. Они

слишком слабы, чтобы драться, но сопротивляются по-своему. Они прятались тут с тех пор, как...

--- Где они сейчас?

--- Они пошли искать еду. Некроны почти игнорируют выживших, что соответствует...

Костеллин взглядел на полки над небольшим очагом в углу, заставленные коробками с настой.

--- Нам нужно убираться отсюда, --- сказал он быстро.

Они спустились на восемь уровней вниз, прежде чем уперлись в баррикаду, которую не могли разобрать. Костеллин в любом случае нуждался в отдыхе, так как его раны все еще представляли собой серьезную угрозу. Присев на ступеньку, комиссар долго изучал карту туннелей на инфопланишете.

--- Очевидно, --- сказал он, --- туда, откуда ты вышли, возвращаться нельзя. Но рядом помечены еще несколько шахт. В каждой должен быть свой запас взрывчатки.

--- Мы сможем их найти? --- спросил
гренадер.

--- Есть вероятность. Как мы
выяснили на своей шкуре, карта не
слишком точна и совершенно не
соответствует масштабу. Придется
положиться на знания местных и
толиться, чтобы некроны не уничтожили
все эти здания.

--- Женщины говорили об
информаторах среди гражданского
населения.

--- Еще бы, --- сказал Костеллин,
снятая фуражку и шинель. --- Даже если
дело не в этом, нам предстоит большая
работа, чтобы обыскать такую
территорию. Думаю, это задание
заставляет выйти из-под эгиды имперской
аквилы.

Гренадер уставился на него в
недоумении.

--- Твоя форма, гвардеец. Ты сам
сказал, что некроны гражданских не
трогают, они ищут солдат. Если мы
хотим свободно перемещаться по городу и
расспрашивать население, то нам нельзя

выглядеть по-военному.

В поисках одежды пришлось обыскать несколько квартир. Наконец комиссар и его подчиненный нашли два пальто, достаточно глинных, чтобы прикрыть бронежилет и кобур. Костеллин сменял сапоги на пару ботинок, но не стал настаивать, чтобы гвардеец поступил точно так же. Ценной меч комиссар с сожалением вынужден был оставить, поскольку тот был слишком заметен, но тщательно спрятал его под досками пола вместе с фуражкой. Он все еще лелеял слабую надежду вернуться.

Гренадер оставил столько снаряжения, сколько смог, сначала даже попытался натянуть пальто на заплечный рюкзак. Карманы он набил гранатами, лекарствами, взял комплект по уходу за лапзганом, даже запасные шнурки и предметы личной гигиены. Труднее всего ему пришлось со здоровым хеллганом, но и бросить его он не мог, так что осталось надеяться, что никто не станет пристально приглядываться к его правой ноге.

Маску и противогаз гренадер снял в последнюю очередь. Костеллин удивился, хотя это было ожидаемо, насколько юное лицо они скрывали. Хотя в гренадерские взводы брали только самых опытных бойцов Корпуса Смерти Крига, этот гвардеец выглядел лет на девятнадцать. Его бледные щеки покрывали прыщи, волосы были глинистыми и грязными, а глаза, обведенные черными кругами, смотрели так же безразлично и тускло, как линзы, скрывавшие их большую часть его жизни.

Наконец они были готовы и вышли в вечерний холод. Костеллин пробормотал короткую молитву Императору. Они направились к ближайшему входу в шахту, расположенному ближе к центру города и, соответственно, к гробнице некронов. На карту они старались смотреть как можно реже. Лучше, решили они, если всем будет казаться, что они скитаются безо всякой цели.

По пути им встречалось не много людей, куда чаще они слышали звуки удаляющихся шагов или замечали

успокоившие от них тени. Но мере того как сгущались сумерки, карта утрачивала всякий смысл, и они решили искать людей по домам. Выбив двери, наткнулись на напуганного мужчину с растрепанной бородой, угрожавшего им ножом. Костеллин сумел успокоить его достаточно, чтобы расспросить о пути к шахте, но тот отвечал бессвязно. Дальше по коридору они нашли беременную женщину, умолявшую взять ее с собой. Она подтвердила, что шахта недалеко, вход на эстакаде парой уровней выше.

Как только комиссар с гвардейцем вышли, то сразу же наткнулись на патруль из четырех некронов, заметив его слишком поздно, чтобы успеть спрятаться. Они завернули в ближайший магазин, а существа прошли мимо, даже не повернув головы в их сторону. Комиссар заметил, как молодой гренадер потянулся к хеллгану, и тихо велел ему не делать глупостей.

Вскоре они наткнулись на пожилого стародера, слишком занятого попытками извлечь из руин разбитый видеоприемник.

чтобы заметить их приближение. Он согласился поточь ил за определенную цену, и Костеллину снова пришлось останавливать порыв гренадера взяться за оружие. За старый хронометр комиссар мужчина пояснил, как пройти к шахте, и посоветовал ил спуститься на десять уровней, обойдя обрушившуюся эстакаду. А еще он предупредил их о том, что они там встретят.

Один раб, отбившийся от группы и не заметивший этого, продолжал ковыряться в мусоре, несмотря на отсутствие надзирателей с глубинками. Гренадер подкрался к нему сзади, зажал рот ладонью, не дав тому пикнуть, и утащил в жилой блок. Там пленник стал яростно отбиваться и проклипать двух своих похитителей.

Гренадер в третий раз схватился за хеллган, и теперь комиссар не стал ему мешать. Загнанный в угол, раб отвечал на вопросы, но наглость вернулась к нему, когда он рассказывал о первосвященнике Атарете, которого железные боги, как он

называл некронов, ценили так высоко, что пригласили в Высший Храм. По его словам, эту радостную весть принесли вчера вечером жрецы.

Костеллина куда больше интересовал распорядок стен в общине. Окольными расспросами, опасаясь выдать важность вопроса, он выяснил, когда вход в шахту остается без пристотра. Получив ответы, комиссар встретил вопросительный взгляд гвардейца и кивнул в ответ, добавив:

--- Только тихо.

При виде ножа раб издал гневный крик, и гренадеру снова пришлось зажать ему рот. Раб вновь начал отчаянно сопротивляться, с куда большей силой, чем Костеллин ожидал от столь исхудавшего человека. Он оскорблял и угрожал, что его боги обрушат возмездие на убийц. Гренадер перерезал рабу горло, заставив его утолкнуться навечно. Посмотрев на труп, криговец от отвращения скривил губы --- это было самое эмоциональное выражение, что Костеллин видел на молодом лице.

Они ждали до захода солнца, а потом --- пока храмовый колокол начнет собирать

рабов и надзирателей на богослужение. Костеллин радовался возможности отдохнуть, так как его раны вновь напоминали о себе. Гренадер тем не менее хотел отклониться от курса, чтобы казнить всех прихожан еретической церкви Амарета, добровольных или нет.

--- В любое другое время, --- сказал комиссар, --- я бы, конечно, согласился. Но сейчас у нас есть цель важнее, и мы не можем ею рисковать.

Склад находился за плавильней, недалеко от ряда лифтов, обещавших ложный путь к отступлению. Даже если бы с ними был техножрец, способный заставить лифты работать и даже если бы Костеллин был уверен, что внизу не прячутся некроны, шахты лифтов, скорее всего, были заблокированы.

На дверах склада сохранились многочисленные следы попыток взлома. Плазменный пистолет Костеллина мгновенно расплавил замок, и в свете фонаря гренадера они нашли то, за чем пришли: ящики с небольшими цилиндрическими подрывными зарядами.

Они решили взять с собой как можно больше, но гренадер выразил опасение, что оставшиеся достанутся культу некронов.

--- Я предлагаю, сэр, подорвать их и поднять все здание на воздух.

--- Слишком рискованно, --- ответил комиссар. --- У этих зарядов взрыватель срабатывает через шестьдесят секунд. Мы не успеем уйти далеко, прежде чем некроны достигнут нас.

--- Я могу установить растяжку, сэр, чтобы снаряды взорвались, когда дверь откроется. Это даст нам минут сорок или больше, пока надсмотрщики не вернутся. И с помощью Императора, мы сможем уничтожить множество...

Комиссар призвал гренадера к тишине, подняв руку.

--- Ты слышишь?

Солдат прислушался на мгновение, потом кивнул:

--- Двигатель.

--- Машина приближается. Большая, судя по звуку. Полнишь, пленный говорил о жрецах, приехавших откуда-то? Твоя идея с растяжкой хороша, солдат, но я думаю,

можно сделать еще лучше. Думаю, мы сможем взять с собой весь запас.

Грузовик подъехал ко входу в склад, ослепив ярко горящими фарами Костеллина, так что тот не мог разглядеть машину. Комиссар был уверен, что в свете фар враги найдут его, присевшего за толстой трубой, но свет скользнул мимо. Он снова оказался в темноте. Через секунду двигатель затолкал, хотя токсичные выхлопы еще долго саждали горло Костеллина, провоцируя кашель.

Комиссар, ослепленный светом, не сразу смог подсчитать, сколько людей находится в машине, вооружены ли они. Приходилось ориентироваться на лязганье железной двери и топот ботинок по пластике. Дальше действовали по плану. Костеллин выскочил из-за своего укрытия и увидел, что гренадер опередил его на шаг, появившись из-за кабин лифтов. Хеллган рывком, к нему присоединился плазменный пистолет, едва Костеллин убедился, что его выстрелы не повредят

грузовик. Их цели — тени в зеленых
плащах — падали. Все, кроме одного.

Внезапно фары включились снова,
резанув по глазам, грузовик взревел и
сдвинулся на комиссара. Костеллин стоял
на месте, прицеливаясь, пока возможно,
и успел сделать одиночный выстрел в
лобовое стекло. Лишь после этого он
отпрыгнул в сторону. Машина врезалась в
бак позади него. Гренадер подбежал
первым, вытащил обожженный труп
водителя и отшвырнул его, словно мешок
мусора. Канот грузовика был смят, из
радиатора шел пар, но мотор еще
работал, хотя звук стал более хриплым.

— Вы умеете управлять такой
машиной? — спросил гренадер.

— Справляюсь. Думаю, мне
понадобится пара минут, чтобы
разобраться с управляющими рунами.

— Я загружу взрывчатку.

В итоге у Костеллина ушло почти
пятнадцать минут, чтобы оторвать
грузовик от искореженного бака. Он все
еще пытался развернуть машину к выходу,
разобраться с педалями, когда гренадер,

уже сидевший рядом на пассажирском сиденье слева, выкрикнул предупреждение. Костеллин пригнулся, и лазерный луч прошил над его головой и прожег круглую дыру в задней стенке кабины.

Служба в храме, видимо, закончилась, потому что в воротах склада неожиданно появилась небольшая группа жрецов, отчетливо видных на фоне ночного неба. Еще два лазерных выстрела попали в грузовик через оплавленное ветровое стекло. Один из них прожег правый рукав Костеллина, оставив болезненный ожог на плече. Но комиссара больше беспокоил выстрел, прошедший мимо: случайное попадание даже в один подрывной заряд в кузове — и их разорвет на мелкие кусочки.

Он предоставил гренадеру вести ответный огонь, а сам сосредоточился на том, чтобы вывести машину. К счастью, лишь двое жрецов были вооружены, и одного из них гренадер быстро убил, второй же бросил оружие и побежал. Костеллин вдавил педаль газа, и грузовик рванулся вперед, сбив третьего, перелетевшего через капот.

Наконец грузовик выехал на эстакаду и помчался вперед. Костеллин крутил руль, объезжая самые крупные кучи обломков. В зеркало заднего вида он заметил, что за задний борт цепляется один из еретиков, но отчаянная езда Костеллина вскоре страхнула его, не пришлось даже специально стараться. Выстрел хеллгана закончил дело.

Они проверили и перепроверили карту, прочли заметки на полях, сделанные котиссаром, пока для сомнений не осталось ни малейшего места. Четырнадцать кварталов прямо по эстакаде.

— Я один все сделаю, — сказал гренадер. — Нет смысла терять две жизни, а ваша куда ценнее.

— Ты же не знаешь, как управлять грузовиком, — возразил Костеллин.

— Вы можете меня научить, сэр. Вам нужно лишь воззвать снова к духам машины, а потом объяснить мне, какую нажать педаль.

— Дорога, несомненно, охраняется.

Хоть наша цель и на шесть уровней выше, но некроны были бы дураками, если бы не предусмотрели вероятность атаки снизу.

--- Это единственный путь, сэр. Мы не сможем пробиться назад, но, возможно...

--- Одна машина на полной скорости... Если некроны не ожидают нас и если они обескровлены сражением на западе...

--- От удара взрывчатка может сдетонировать, но один подрывной заряд я возьму с собой на всякий случай. Если башня рухнет, генератором обрушится заодно с ней.

--- Да благословит тебя Император, солдат, --- сказал Костеллин.

Повернувшись, он непреднамеренно сделал то, чего не делал уже почти тридцать лет. Он посмотрел в глаза человеку, которому предстояло умереть по его приказу.

Гренадер встретил его взгляд и, что удивительно, понял. Он снова достал шкатулку с костями.

--- Со мной мои товарищи, --- сказал он. --- И мне выпала смерть более почетная, чем заслужила эта проклятая

гуша.

--- Твоя жертва не будет забыта, --- тихо сказал Костеллин, и на этот раз узнал, что говорит правду.

Уголки рта юноши дернулись, и Костеллину показалось, что тот пытается улыбнуться. Он не обернулся, когда грузовик тронулся прочь. Он не мог смотреть. Сунув руки в карманы пальто, он похромал в противоположном направлении, стараясь не тревожить больной бок.

Услышав похожие на звук разрываемой ткани выстрелы гаусс-пушек, он затаил дыхание. Он ждал взрыва, сначала опасаясь, что тот прогремит слишком рано, а потом --- что не произойдет вообще. Когда он все же раздался, то встряхнул эстакаду под ногами комиссара, осыпав обломками даже на таком расстоянии, но Костеллин продолжал идти. Он думал о глазах солдата и молился, чтобы грузовик нашел свою цель. Только так в последние секунды жизни парень мог испытать хотя бы тень удовлетворения от того, что исполнил свой долг.

Он пробирался вперед, ориентируясь по затянутой облаками луне. Он знал, что в конце концов войдет в зону действия полковой вокс-сети и запросит эвакуацию флаером СНО. Потом, когда он выберется из этого проклятого города, он внесет пару изменений в свою жизнь.

Этой ночью он вспоминал прежние назначения, когда чувствовал, что его служба хоть на что-то влияет. Оказалось, он уже очень давно не испытывал этого ощущения. Костеллин был стар и устал, ему надоело идти на компромиссы, надоело закрывать глаза. Он был уверен, что полковник Сто Восемьдесят шестого не станет скучать по нему, как и генералы. Куда вероятнее, что они не знают, как и сам Костеллин, в чем смысл его присутствия среди них.

Он решился. Как только вернется в костопорт, свяжется с Департаментом Муниторум. Он запросит перевод в другой полк.

Глава двадцать первая

Беглецов обжигал болезненный холод. Стены коридора были покрыты черным камнем, таким же как и поверхность пиратиды, а воздух наполняло зеленое мерцание, составлявшее единственный источник света. Руки Арекс были по-прежнему скованы за спиной, плечи болели. Она споткнулась, наткнулась на холодную стену и позволила себе сползти по ней вниз.

--- Не могу идти дальше, --- всхлинула она. --- Нет никакой надежды, Тайлер, все бесполезно.

--- У меня такое же чувство, --- признался он, --- похожее на физическое воплощение отчаяния. Но все равно мы должны...

--- Нет, не должны. С тех пор как дверь за нами захлопнулась, мы понятия не

имеет, куда идет.

— Мы уже почти вышли, я в этом уверен. К тому же, Арекс, мы не видели железных богов. Не знаю, с чем это связано, может быть, они спят. А может, у них есть дела поважнее, чем гоняться за нами.

— Я хочу просто остаться здесь, Тайлер. Лечь и умереть.

— Да, понимаю. Но я думаю, что мы и так потеряли много времени, пытаюсь спрятаться. Император дал нам шанс, и мы должны им воспользоваться.

Он ждал, пока Арекс соберется с силами и сделает единственный верный выбор из оставшихся. Наконец она вздохнула глубже, стиснула зубы и встала, опираясь на стену. Тайлер улыбнулся, и эта улыбка подбодрила ее.

— Я бы рад помочь, но... — сказал он и потряс наручниками.

Они пошли дальше, хотя девушку мучал глубокий пульсирующий звук впереди. Затем они оказались в преддверии изобилующего боковыми ходами зала, заполненного злобистыми темными машинами, панели управления которых

также светились зеленым. Арекс вновь захотелось развернуться и убежать, но на сей раз она с собой справилась. Она утешающе посмотрела на Тайлера и прочла на его угрюмом лице худшее.

--- Еще чуть-чуть, --- прошептал он, --- только пройдет через эту комнату.

Они осторожно пробирались среди механизмов. Арекс боялась даже дышать, не говоря уже о том, чтобы коснуться их.

--- Как думаешь, для чего они? --- наконец не выдержала она.

--- Не знаю, --- ответил Тайлер, --- боюсь даже предполагать. Мне кажется, стоит нам попробовать понять --- и это знание лишит нас рассудка.

«Во всяком случае, --- решила Арекс, --- здесь множество мест, где можно спрятаться». Тут у них куда больше шансов остаться незамеченными, чем в коридорах пирамиды. Однако стоило ей утешиться этой мыслью, как раздался странный звук над головой. У помещения, на первый взгляд, отсутствовал потолок, черные стены словно уходили в

бесконечную тьму. Девушка ничего там не увидела, но почувствовала, что наверху что-то есть и оно за ней наблюдает.

Затем дорогу им преградил железный бог — и исчез, прежде чем они успели среагировать как-то иначе, чем просто застыть. Арекс было подумала, что ей потерялось, но то же самое увидел и Тайлер. Они ждали несколько минут, напрягая слух и пытаясь расслышать звуки шагов за гудением механизмов и собственным хриплым дыханием. Потом Тайлер шепотом велел ей оставаться на месте, пока он разведает путь вперёд. Арекс спряталась меж двух огромных консолей, стараясь не задеть их даже пальцем, и пристально смотрела вслед Тайлеру, который стал осторожно прокрадываться вперёд.

Второй железный бог возник так же неслышно, как первый, внезапно материализовавшись между ними. Тайлер оказался к нему спиной и не заметил некрона, но тот видел его. Монстр вскинул оружие, и Арекс предупреждающе вскрикнула. Тайлер успел поднырнуть под

изумрудный луч. Железный бог развернулся, теперь выскивая Арекс. Она метнулась в проход между двумя машинами и побежала.

На сей раз девушка не обращала внимания на механизмы вокруг. Она думала только об ужасе позади и о том, что он сделает, если поймает ее. Арекс бежала до тех пор, пока не потеряла направление и уже не могла сказать, убеждает она от каавра или, напротив, бежит к нему. Наконец она остановилась, озираясь в поисках укрытия. Увидела какую-то нишу за грибообразной консолью со светящимися чуждыми рунатами. Только она собралась там укрыться, как услышала странный звук, отличающийся от шагов двуногого существа. Звук был похож на поступь некронов, такой же царапающий, скребущий, но тень на стене дала понять, что на консоли притаился гигантский паук.

Арекс присела и замерла, затаив дыхание. Паук также не двигался и не нарушал тишины, будто прислушивался. Затем он пошевелился, и она услышала

словно лязг какого-то рычага. Паук
поспешил прочь, пробираясь по консолям
над адскими машинами, и Арекс
испустила вздох облегчения. Она вновь
поднялась на ноги. Со скованными руками
борьба казалась ей совершенно
безнадежным делом. Теперь она не знала,
где Тайлер, не представляла, где его
искать и вообще жив ли он, хотя она не
слышала больше ни одного выстрела.

Один из механизмов испускал вверх
тонкий луч зеленого света, и Арекс
увидела в этом возможность избавиться
от наручников. Она потянулась к лучу и
почувствовала, как тот обжигает кожу.
Малейшая ошибка — и она останется без
обеих рук. Но потом она подумала о
Тайлере и решила рискнуть. Луч разрезал
сталь, как нож масло, и Арекс подвигала
руками, чтобы восстановить
кровообращение.

Арекс скорее ощутила, нежели
услышала, как кто-то крадется позади.
Она развернулась, но, оступившись, упала,
чуть не понав локтем в поток
стертоносной энергии. Слава Императору,

это Тайлер. Восстановив равновесие и несколько успокоившись, Арекс предложила ему освободиться от наручников, но он отрицательно помотал головой.

— Эти твари могут вернуться в любую секунду, — прошептал он. Тайлер выглядел изможденным, но Арекс успокоила себя, решив, что виной тому мертвенный зеленый свет.

Они отвергли идею двигаться скрытно, пересекли зал трусой, каждый из их шаг сопровождался гудком эхом. Арекс продолжала обшаривать взглядом стены, ожидая новых пауков. В какой-то момент ей показалось, что за ней наблюдает пара зеленых глаз, но, когда она захотела обратить на них внимание Тайлера, странное видение исчезло. Беглецы вступили в другой коридор, также выложенный черным камнем, и, пройдя его, увидели серый проблеск дневного света. Арекс была уверена, что снаружи ночь, и теперь запуталась окончательно, потеряв счет проведенным в пиратиде часам.

До ушей беглецов донесся треск

выстрелов. Арекс услышала их первой и замедлила шаг.

— Имперские войска? — с надеждой предположил Тайлер, но девушка пототала головой.

Создавалось впечатление, что огонь ведется из оружия одного типа. Что бы ни происходило снаружи, подумалось ей, в последнюю очередь стоит стремиться к центру событий.

— Я не могу упустить шанс, — хрипло сказал Тайлер, — выбраться из этого забытого Императором склепа.

Они подождали, пока стрельба снаружи стихнет. Тайлер настоял на том, что первым приблизится к выходу и просигналил ей, если решит, что дальнейший путь безопасен.

Они выскользнули из пирамиды наружу. Сердце Арекс бешено стучало, пока они пересекали открытую площадку и прятались среди руин. Когда она проходила здесь в последний раз, ведомая Аларетом к железным богам, вся местность гудела как турбавейник. Теперь же железные боги и

рабы исчезли, лопаты и полупустые тачки были брошены. Арекс и Тайлер двигались перебежками от одного завала к другому, по пути потревожив две мерзкие горбатые фигуры -- похоже, мутантов. Они бросились бежать, и тут же из ниоткуда появился железный бог.

Его оружие озарилось зеленой вспышкой -- и, как раньше Амарет и его жрецы, мутанты в мгновение ока обратились в пепел. Арекс надеялась, что это были именно мутанты, ибо ни один человек не заслуживал столь болезненной смерти. Она и Тайлер смотрели на эту сцену с леденящим ужасом, ожидая, что железный бог теперь повернется к ним. Если это случится, он не сможет их не заметить. К счастью, тот продолжал идти, словно совершенное ил убийство было досадной заминкой. Спустя мгновение они услышали еще один выстрел, похожий на треск рвущейся ткани, затем еще один, но теперь уже с другой стороны.

-- Мы окружены, -- прошептала Арекс.

-- Мне так не кажется, -- не согласился Тайлер. -- Они расходятся в

разные стороны от пиратиды. Если мы
останется позади...

Договорить он не успел: сзади на него
набросился тощий низкорослый человек в
зеленой накидке. Девушка узнала шрам на
брови и сломанный нос. Их атаковал один
из свиты Амарета, видимо последний
выживший. Потеряв равновесие, скованный
наручниками Тайлер упал, и еретик сел
ему на спину.

— Вы причиной этому! — вскричал
он. — Вы вызвали гнев железных богов,
обрушившийся на нас. Но я поймал их,
хозяева, вы видите? Поймал ваших врагов,
хорошо послужил вам! Пощадите меня!

Арекс в панике озиравась по
сторонам, ища самый быстрый способ
заткнуть его. Ей под руку попалась глыба
пластикрита. Вогрузив ее на плечо, она
свүтя руками обрушила кусок на голову
еретика. По черепу потекла кровь, но тело
не менее он не упал, а продолжал вопить,
привлекая нежелательное внимание. Меж
двух завалов возник железный бог и навел
оружие на Арекс. Еретик обратился к
нему, одной рукой держась за пробитую

голову, а вторую вытянув в призывном жесте.

--- Владыка!.. --- простонал он.

Железный бог нажал на курок. В это самое время Тайлер изловчился сбросить с себя прислужника Амарета, и тот угодила под изумрудную молнию. Крик агонии был короток. Арекс подняла Тайлера на ноги, и они вместе бросились бежать. Почти в ту же секунду прогремел второй выстрел. Беглецы мчались, уже не разбирая дороги, пока не увидели ближайшие из уцелевших башен. Тогда-то они и остолбенели от изумления, пораженные тем, что открылось их взглядам.

В воздухе парили скелетоподобные металлические существа всех возможных размеров и форм. Они кружили, скользя над эстакадами и через пробоины в стенах, освещая небо зелеными вспышками выстрелов. Хотя Арекс и Тайлер не видели на таком расстоянии жертв этих чудовищ, но отчетливо слышали их предсмертные крики.

--- Они охотятся на людей, --- запинаясь, сказала Арекс. --- Что, если жрец

прав и это мы виноваты? Они же оставили нас двоих, Тайлер. Может, это все наша вина?

Ее друг решительно заторчал головой.

--- В любом случае, именно так бы все и кончилось. Амарет с прихвостнями думали по-другому, но этим железным богам нет до нас никакого дела. Они ни минуты не собирались с нами считаться, им не интересно, что мы делаем. Они никогда бы не стали делиться с нами этим миром.

--- Но тогда почему сейчас? Почему именно сейчас они решили устроить эту кровавую бойню?

--- Не знаю, --- сказал Тайлер, --- да меня это и не особо заботит, пока они концентрируются на мутантах и культистах. Лучше они, чем я, --- вот и все, что я могу сказать.

--- И что же нам теперь делать? Вперед пути нет.

--- Боюсь, что и назад нельзя.

Она поймала его взгляд и впервые заметила то, чего не видела раньше. До этого момента он ее подбадривал и

обнадеживал, но сейчас она поняла, что он и сам утратил надежду. Тайлер был напуган не меньше ее.

Монстры носились в небе. Укрывшись за стеной, Арекс и Тайлер смотрели, как тени скелетоподобных силуэтов скользят по земле. Девушка пыталась оттолкнуть наручники парня куском проволоки. Беглецы сошлись во мнении, что надо убраться как можно дальше от пирамиды. Это означало, что им следует держаться уровня земли, а не карабкаться в башни. Арекс не возражала — сейчас для нее все этажи казались одинаково опасными. Больше они никого не встретили, если не считать воплей в соседнем здании. Как и планировал Тайлер, они медленно продвигались позади железных богов, планомерно прочесывающих город. Арекс пыталась не думать о том, что случится, когда монстры закончат свою ужасающую работу и решат вернуться в пирамиду.

— Это из-за моего дяди, — сказала Арекс, — из-за него это началось.

Тайлер озадаченно уставился на

спутницю.

--- Что еще могло стать причиной? --- продолжила она. --- Когда железные боги выставили ему ультиматум: наши жизни или город, --- он мог...

--- Железные боги не делали этого, --- ответил Тайлер. --- Апарет мог вести такую игру, брать заложников, но эти твари...

--- В любом случае, --- сказала она, --- гадя знает, что я здесь, что я тут, в ловушке, и все-таки... Но он поступил правильно. Я знаю, что это так, и... А что, если он побеждает, Тайлер? Что, если по этой причине... Я подумала, почему железные боги начали охотиться на людей только сейчас, ведь раньше они нас игнорировали? Может быть, это потому, что они проигрывают войну? Может быть, они...

--- Может быть, совсем наоборот, --- сказал Тайлер. --- Что, если они разбили имперские войска и теперь очищают Церонит Тета от остатков человеческого? Мы все время бежим, Арекс, --- но что, если уже нигда бежать?

Не будет ли лучше просто стираться с судьбой?

--- Ты что-то видел? --- тихо спросила она.

--- Ничего, --- сказал Тайлер. --- Не понимаю, о чем ты...

--- Что-то было... --- сказала она. --- Ты был грустит, Тайлер, до того как мы потеряли друг друга в пиратиде железных богов, в зале с машинами.

--- Кажется, летающие твари убрались, --- тяжело вздохнув, сказал Тайлер. --- Надо идти. И скоро придется подниматься выше. Мы достаточно далеко ушли от пиратиды. Теперь будет безопаснее укрыться в здании. Возможно, нас не заметят и, милостью Императора, мы спасемся.

Арекс кивнула, и они пошли дальше. Но обнадеживающие слова Тайлера были ложью. И они оба это знали.

Они шли несколько часов, но продвинулись недалеко. Слишком долго прятались в тенях и взобрались лишь на тридцать или сорок этажей. Арекс шла из

последних сил, вымотанная как психологическим напряжением, так и физической усталостью. В квартире этажом выше раздался жуткий предсмертный вопль, резко оборвавшийся. Они с ужасом прислушались к наступившей затем мертвой тишине. Нескоро Тайлер набрался смелости подняться на этаж выше. Девушка следовала за ним.

Стены были забрызганы кровью. Ошметки красного мяса разбросаны по полу коридора. Арекс с отвращением закрыла рот рукой, осознав, что перед ней остатки человеческих тел: двух женщин и трех детей. Их кто-то освежевал, расчленил, отрубил им головы. Она отвернулась от трупов, поймала краем глаза движение и вскрикнула.

— Там что-то мелькнуло в углу, — сказала она Тайлеру. — Только что прошло сквозь стену, как призрак.

Тайлер успокоил спутницу, заверив, что существо, если таковое и было, их самих наверняка не заметило. К тому же, предположил он, Арекс уже так устала, что у нее возможны галлюцинации. Так

или иначе, они сошлись на том, что оставаться в этом месте не стоит. Договорились, несмотря на ясную и теплую погоду, но никем не озвученную мысль, что железные боги вряд ли вернутся второй раз в место, которое уже обыскали. Они продолжили карабкаться вверх, но куда-то медленнее, чем раньше, ибо теперь обшаривали каждый этаж в поисках воды и пищи.

К сожалению, большинство квартир в этом здании уже были обобраны до чистоты. Не говоря о том, что некоторые разгромлены или сожжены. Арекс уже устала пробираться сквозь пыль, пепел и сажу. Ее единственной находкой был почти пустой тюбик съедобной пасты, из которого они с Тайлером смогли выдавить лишь несколько безвкусных капель. Все равно Арекс сейчас подташнивало, и она не могла бы много съесть.

Несколькими комнатами дальше они нашли неповрежденную кровать. Единственной страшной деталью были ее хозяева — повесившаяся в спальне супружеская пара. В отличие от

искалеченных тел внизу они выглядели
спокойными и умиротворенными. Умерли
они не так давно, тела еще не начали
разлагаться, и Тайлер, обрезав веревки,
вытащил повесившихся в коридор. Арекс
тем временем скинула ботинки и нырнула
под одеяло. Тайлер сел на кровать рядом с
ней, но она, видя, как он дрожит от холода,
укрыла одеялом и его. Ей очень хотелось
спать, но разум был переполнен
страшными впечатлениями. Она просто
лежала и невидящим взглядом смотрела в
потолок. Тишина в комнате становилась
все более гнетущей и мрачной. Тайлер
глубоко вздохнул, собираясь с духом, и, не
глядя ей в глаза, наконец решился
ответить на ее вопрос.

— Ты спасла мне жизнь в комнате с
машинками — когда предупредила меня. Я
увидел, что монстр отправился за тобой и
пытался догнать. То существо
отличалось от прочих. Я ни до ни после не
увидел, чтобы железные боги бегали. Им
не нужно. Я потерял тебя. Молился и
надеялся, что ты спряталась, но не мог
кликнуть тебя, чтобы они не услышали.

Я шел вдоль стены, надеясь, что ты увидишь меня. И так я дошел до входа в соседний зал.

Он вздрогнул, сглотнул и продолжил еще более тихим голосом:

--- Другой зал, даже больше того, что с машинами. Они были там, Арекс, множество железных богов. Они стояли спиной ко мне, смотрели на какие-то конструкции: пилоны, изогнутые пилоны, похожие на когти, удерживающие... не знаю, как их описать. Как шар зеленого пламени. Нет, не шар, диск --- вертикальный и совершенно плоский диск. А потом... они выходили из пламени, по четверо, пока не заполнили весь огромный зал.

--- Еще больше? --- выдохнула Арекс. --- Но как они...

--- Я не знаю. Не знаю, откуда они пришли. Знаю лишь... Теперь понимаешь, почему я...

--- Имперские силы не знают, с чем столкнулись. Если у железных богов есть сила, если они так вызывают подкрепления...

--- Ум нет конца, --- сказал Тайлер.

--- Если бы мы могли послать моему
дяде предупреждение!

--- Но мы не сможем покинуть город. А
его каждый день бомбят. Каждый день
город становится меньше, загоняя всех
выживших в центр, в кошмар,
угнездившийся там. Ты была права, Арекс,
там, в пирамиде, мы должны были
остаться. Столько усилий и риска --- и все
напрасно...

Она не могла больше это слушать и
крепко обняла его. Он тоже обнял ее, и в
первый раз Арекс почувствовала, что не
только она находит опору в нем. Они оба
поддерживают друг друга, разделяя то
немногое, что у них осталось. Он мягко
потянула его на кровать, пока его голова
не легла на подушку рядом с ней. На
мгновение ей показалось, что все хорошо,
она была согрета и защищена.

Но потом в ее мысли непрошено
явился образ Гюнтера, и она отстранилась
от Тайлера, чувствуя вину.

--- Все хорошо, --- сказал он мягко. ---
Нет, правда, все хорошо.

--- Я не хотела... --- сказала она. --- Я так давно не думала о нем. Я не смела, потому что знала... знаю, что не увижу больше Гюнтера, --- его зовут Гюнтер. Хотела бы я знать, удалось ли ему сбежать из города или... Это хуже всего --- я верю, но не знаю.

--- Он счастливчик, --- сказал Тайлер, и Арекс вновь позволила себе расслабиться в его объятиях.

Не потому, что она любила его, --- по крайней мере, она так не думала. Просто сейчас ей был нужен кто-то, кому нужна она, --- и что в этом может быть плохого? Что плохого в том, чтобы посреди всего этого безумия найти крохи простого человеческого тепла и подогреть их? Что плохого в том, что она обнимает его, а он обнимает ее и их тела соединятся вместе на одну одинокую ночь?

Глава двадцать вторая

Приказ поступил сегодняшним утром. Бомбардировку Цероним-сити следовало немедленно прекратить. Впрочем, обстреливать уже было нечего. Город уменьшился в разы, от него уцелело менее сорока башен, стоящих посреди огромного поля руин. Гюнтер Соресон давно перестал воспринимать Цероним-сити как свой дом.

Трудно было представить, что когда-то здесь кипела жизнь, что город был символом всего хорошего в Империи. Теперь он представлял собой пустую, рваную оболочку. Более того, он разлагался, гнил изнутри, став раковой опухолью, требующей ампутации. Скоро так и случится.

С той битвы минуло почти три недели. Соресон помнил невероятное мгновение, когда все войско некронов

внезапно испарилось у него на глазах. Тогда он не сразу понял, что именно произошло, не мог поверить, что чудовища не вернутся обратно. Понадобилось время, чтобы осознать победу и что он дожил до нее. Гюнтер чувствовал растерянность, оставшись без цели. Но все же один выигранный бой, даже такой грандиозный, не означает окончания войны — будут другие битвы.

Десять дней назад банда мутантов попыталась вырваться из города, каким-то образом завладев подрывными зарядами. Некоторые из них даже вооружились плазганями. Именно они и стали первыми целями ожидавших солдат СНО и гвардейцев. Гюнтер убил одного собственноручно и даже удивился, когда мерзкое создание упало после первого же попадания из хеллгана.

На безоружных мутантов решили даже не тратить патроны, и взвод Корнуса Смерти перебил их штык-ножами. Один красноглазый, хрипло крича и завывая, бросился прямо на Гюнтера и был встречен ударом приклада. Его желтая,

словно пергамент, кожа и тусклые, налитые кровью глаза напомнили Гюнтеру мутанта, из-за которого они с Арксом попали в оцепление. Это создание было так изуродовано мутацией, что трудно было сказать, попал ли выстрел ему в локоть или в подбородок. Но так или иначе, мутант упал, порадовав хрустом костей, и Гюнтер для верности проткнул штыком то, что было похоже на горло. После боя с некронами обычные мутанты не производили на него впечатления.

Тела сбрасывали в шахты и засыпали тоннами обломков. После того как по туннелям прошел комиссар Костеллин, было решено засыпать шахты, насколько возможно, чтобы не пустить некронов по его следам. Некоторые из мертвых тел, впрочем, не имели следов мутации, а одеждой им служили темно-зеленые плащи. Гвардеец Корпуса Смерти показал на знаки, нарисованные пером на лице мертвеца, и посетовал, как низко могут пасть люди, в особенности воспитанные и без того дурно. Гюнтер с ним согласился, стыдась жизни, которой когда-то жил.

Формально он еще служил в Силах планетарной обороны и подчинялся полковнику Брауну. В его отряд входило еще девять солдат, не знакомых ему ни по именам, ни по лицам, ни по прошлому сражению. Тем не менее все чаще приказы ему поступали от кризовских сержантов или лейтенанта. Гюнтер ел, пил и работал вместе с гвардейцами, променяв койку в казарме на спальник в оружейном окне.

Они почти не говорили друг с другом, что вполне устраивало обе стороны. Большую часть времени им просто нечего было сказать. Разве что один раз, когда кризовцы допросили его, зная, что он имел дело с предателем Хенриком. Гюнтер постарался убедить их, что не разделяет взглядов губернатора, который под конец впал в ересь. К тому же кризовцев впечатлило то, какую роль сыграл Гюнтер в триумфальной диверсионной операции Костеллина. С тех пор они относились к нему как к товарищу, не больше, но и не меньше того.

В хрониках великие войны

выигрываются за считанные дни, если не за часы. Тремя неделями раньше Гюнтер ждал, что войска Империи переведут их, а потом загонят некронов в их черную пирамиду. Вместо этого, они продолжили ежедневно продвигаться на несколько сотен метров вглубь оккупированного города. Приходилось ждать, пока встанут в строй раненые гвардейцы, пока закончится ремонт техники и снаряжения, а также пройдет набор и обучение новых взводов СНО.

Задержка казалась пугающей, поскольку могла дать некронам время зализать раны, но Гюнтер осознавал ее необходимость. В последние дни, однако, он заметил, что солдат в казармах становится больше. Еще до сегодняшнего приказа он чувствовал, что ожидание подходит к концу, что войско почти готово.

Вторая половина дня принесла новое задание. Взвод Гюнтера оказался одним из восьми, посланных в Телониус-сити в сопровождении трех машин поддержки

«Кентавр». Когда лифты подняли их на сто десятый уровень, дальнейший их путь пролегал мимо хорошо освещенных баров и закусовых, клубов и казино. Гюнтеру казалось, что он идет по чужой планете.

Он всегда верил, что, делая свое дело, инспектируя шахты, он исполняет свой долг перед Императором. Теперь он знал, что должен был, обязан был делать гораздо больше. Правда заключалась в том, что до нашествия некронов он чувствовал себя слишком уж в безопасности.

Чем глубже они продвигались в город, тем заметнее становились нанесенные ему шрамы. Окна заколочены, магазины сожжены или разграблены. Эстакады завалены мусором, белые таксо валялись перевернутыми и сожженными. Самыми позорными оказались пронекронские призывы, написанные на стенах. Если бы Гюнтер не знал, где он, то решил бы, что находится на нижних уровнях, не выше двадцатого, и приписал бы вандализму мутантам.

Он услышал бунтовщиков прежде, чем увидел; их голоса сливались в единый вопль

ярости. Сначала в поле зрения попали прокторы. Они выстроились в четыре ряда, перекрыв эстакаду, и подняли щиты, но их строй колебался под натиском толпы. Увидев имперский конвой, прокторы с облегчением расступились, и первые мятежники бросились в образовавшийся проход. А когда увидели, что их ждет, попытались развернуться, но обнаружили, что окружены.

Часть прорвавшихся не растерялась, отличаясь от единомышленников то ли смелостью, то ли безумством. В военных полетели обломки и бутылки с горючей смесью, но серьезного вреда они не причинили. Гвардеец, сидевший в башне ближайшего «Кентавра», дал очередь из тяжелого стаббера поверх голов, скорее для предостережения толпы от дальнейших необдуманных действий.

Некоторые мятежники то ли не услышали предупреждения, то ли не отнеслись к нему всерьез и готовились встретить приближающуюся неумолимую силу. Некоторые бросились к «Кентаврам», пытаясь залезать на борта. Кризовцы тут

же стащили их вниз и растоптали в кашу, чтобы не тратить патроны.

Один бунтовщик упал под «Кентавр», и машина с хрустом намотала его на гусеницы. Гюнтер не испытывал никакой жалости. Он мог бы простить им их прежнее невежество, но знать о некронах и реагировать подобным образом? Многие из них были мужчинами призывного возраста. Они могли бы сражаться. Но их эгоистичный страх за собственные жизни подрывал все усилия Императора, оскорблял Императора и угрожал всему, что Он создал. Многие из них несли плакаты в поддержку прежнего губернатора и с призывами противостоять криговским «захватчикам». Гюнтер не припомнил, чтобы Хенрик был столь популярен при жизни.

Но все же очередь из стаббера заставила толпу немного притихнуть. Это дало сержанту СНО с мегафоном возможность выкрикнуть приказ очистить эстакаду. Операцию возглавляли СНО, а единственное отделение Корпуса Смерти было

приставлено к «Кентаврат» — обычная
схема. Гюнтер слышал, что жители
Церонит Тета охотнее прислушиваются к
соотечественникам, а присутствие
солдат с другого мира вызывает лишь
враждебность. Гюнтер подумал, что на
месте командующих он послал бы
Всадников Смерти расчислить путь.
Затем решил, что это была бы напрасная
тратя боеприпасов.

Соресон и его однополчане
продолжали двигаться сквозь толпу, держа
наготове оружие, но надеясь, что
использовать его не придется. Сзади грозно
ехали два «Кентавра». Тут какой-то
костлявый юнец прыгнул на солдата
справа от Гюнтера, стремясь завладеть
его лазганом, и напоролся на штык.
Кажется, толпу это образумило: люди
стали отбрасывать импровизированное
оружие, поднимая вверх дрожащие руки.
Продвижение войск, однако, не ускорилось,
ибо каждый лжатежник застыл там, где
стоял. Внезапно по ходу продвижения
вспыхнула какая-то активность, и группа
бунтовщиков прорвалась сквозь оцепление

прокторов и бросилась вниз по улице.

Именно на этот случай несколько минут назад третий «Кентавр», направляемый прокторами и в сопровождении двух отделений СНО, подъехал к ближайшему лифту. Сейчас он, должно быть, уже перекрыл то, что должно было стать путем к отступлению, и устроил кое-кому неприятный сюрприз. Удивительно, через мгновение Гюнтер услышал стаккато стаббера и почувствовал удовлетворение от того, что урок был преподан.

Он вошел через разбитую витрину в продуктовый магазин и обнаружил нескольких стариков, сидевших около костра, и еще одного, складывавшего в коробку все, что можно утащить. Увидев направленное на него дуло хеллгана, старый пародер побледнел и взмолился:

— Это для жены и детей. Когда начались беспорядки, шахты закрылись. Я не могу вести честную жизнь!

Гюнтер остался к жалобе безучастным. Поняв это, старик потрачнул и прохрипел:

— Я заслужил. Я всю жизнь трудился в поте лица во имя Императора, и что я получил? Он бросил нас тут умирать!

Он, олицетворявший собой бессмысленную растрату жизни, был омерзителен Соресону. Гюнтер нажал на курок, прожег сквозную дыру в черепе старогера и бесстрастно наблюдал, как оседает безжизненное тело. На секунду он задумался: не позволил ли эмоциям затуманить разум, не совершил ли ошибку? Само собой, остальные мятежники сразу раскаялись, извинились за старика и, пообещав хранить верность Империи, растворились в городе. Затем он увидел выражение лиц других старогеров, услышал их хныкающие извинения и заверения в будущей преданности, пока они пятились к окну. Он знал, что в их устах это маленькое происшествие наверняка обрастет подробностями, а значит, послужит уроком для всех, кто услышит о нем. Он незря потратил заряд хеллгана.

Навстречу возвращавшемуся конвою

выехала полугусеничная машина и
остановилась на обочине. Молодой майор с
острыми чертами лица спросил что-то у
сержанта. Тот направил его к другому,
который, в свою очередь, отослал его к
Гюнтеру.

--- Солдат Соресон? --- спросил майор.

Гюнтер моргнул и лишь через секунду
подтвердил, что это его имя. Он
настолько отвык за последнее время,
чтобы к нему обращались по имени, что
почти забыл его. Он не знал, почему опять
выбрали его, но спрашивать не стал. Его
привезли в костопорт, проводили в
кабинет, который когда-то принадлежал
Хенрику, а теперь отошел полковнику
Брауну. Тот пожал гостю руку и
отпустил замечание о холодной погоде,
словно это была встреча старых
приятелей. Полковник предложил
стущенному солдату присесть, одарил
улыбкой, призванной обнадежить, но
слишком для этого натянутой.

--- Я слышал, вы только что вернулись
из Телониус-сити, --- сказал он.

--- Да, сэр, --- ответил Гюнтер. --- Мы

подавили беспорядки.

--- Это хорошо, --- пробормотал Браун себе под нос. --- Хорошие новости. Раньше было тяжело вести набор в Телониусе, но, может быть, сейчас...

По бокам от полковника стояла два лейтенанта СНО, а майор, который привел Гюнтера, сел на стул у двери. Это собрание было не столь многочисленное, как то, на котором Гюнтер присутствовал здесь в последний раз. Наиболее заметным было отсутствие полковника Сто восемьдесят шестого и его офицеров --- и, разумеется, Хенрика. Было ясно, что происходит что-то важное. Комиссар Костеллин стоял у окна, опершись на подоконник. Левая рука покоилась в перевязи, и выглядел он лет на десять старше, чем три недели назад. Полковник Браун прочистил горло и разгладил кончики усов.

--- Как вы могли понять из последних событий, мы приближается к заключительному этапу войны. Мы заставили противника отступить и обложили его со всех сторон, спасибо всем

здесь собравшимся. Мы -- то есть офицеры
Крига и я -- разрабатываем план последней
атаки.

-- Также наверняка все в курсе, --
вставил лейтенант, -- что враг никак не
проявил себя за время, истекшее с тех
прискорбных событий несколько недель
назад.

-- Вы имеете в виду, -- тихо сказал
Костеллин, -- ту кровавую баню, что
устроили некроны десяткам тысяч
мирных жителей, которых мы заперли
вместе с ними в городе?

-- Ну, кхм, да.

-- Очевидно, -- сказал Браун, -- что
они укрылись в своей гробнице, заливая
раны. Потому наша цель -- уничтожить ее
вместе с некронами. К сожалению, ее
устройство и план нам добыть не удалось --
разведывательный отряд, отправленный
в самом начале кампании, потерпел
неудачу. Вне зависимости от этого мы --
точнее говоря, наши техножрецы и
технопровидцы -- пришли к выводу, что
нескольких атомных зарядов будет
достаточно, чтобы уничтожить ее.

Гюнтер начал понимать, к чему клонит полковник, но Костеллин озвучил его мысли первым:

--- Нам нужен тот, кто доставит их до места.

--- Он не будет никак иначе участвовать в битве, --- сказал лейтенант. --- Ему лишь нужно дождаться, когда вход в гробницу будет свободен. В этот момент под прикрытием своего отделения он должен заложить взрывчатку.

--- Мы, то есть полковник Стовосельдесят шестого, --- добавил полковник Браун, --- помню о вашем прежнем опыте работ в шахте, солдат Соресон. И о вашем неоцененном вкладе в последнюю операцию...

Гюнтер услышал достаточно. Вообще-то, атомные заряды для него были лишь цифрами в запросах на реквизицию. Но это явно не то, что все ожидали услышать.

--- Я вызываюсь добровольцем, --- произнес он и увидел по лицу Брауна, какое облегчение тот испытал. Судя по всему, он

так и не привык отправлять солдат на верную смерть.

--- Надеюсь, вы понимаете, --- сказал комиссар, --- о чем мы вас просим. Мы не можем использовать часовой механизм или дистанционное управление. Любая отсрочка дает противнику шанс обезвредить заряд. Вам и остальным девяти бойцам отделения придется заплатить жизнью.

--- Когда выступать, сэр? --- спросил Гюнтер.

--- У меня есть кое-что для вас, солдат Соресон, --- сказал Браун, открывая ящик стола. --- В знак признания вашей самоотверженности. Я знаю, что вы не так давно в СНО, но этот короткий срок вы прослужили с отличием. А учитывая наши потери... Я так понимаю, в вашем отделении нет сержанта.

В руках он держал сержантские знаки различия. Гюнтер взял их и поблагодарил, хотя не чувствовал, что готов носить их. Но это была воля Императора.

--- Я знаю, что это не много, --- сказал

Браун. — Если бы это зависело от меня... Я говорил об этом с Департаментом Муниторум, и хотя мы и не Имперская Гвардия, но последние месяцы мы сражались вместе с ними, жили вместе с ними и жертвовали не меньшим, а, может, даже большим, чем они. И я не вижу, почему бы не... Думаю, учитывая обстоятельства, Железная Аквила вне вопроса.

«Он не понимает», — подумал Гюнтер.

Они разгребали путь в Церонит-сити.

Четыре «Кентавра» с бульдозерными отвалами пробивали в завалах путь к центру столицы. Пехотинцам тоже нашлась работа: расчищать края куч обломков, чтобы те не осыпались и не похоронили их всех. Труд становился еще более опасным из-за тонкого слоя выпавшего снега. Соресон привык, ложась спать, немедленно отключать сознание, используя каждую минуту отдыха. Вот и сейчас, проспав положенные шесть часов, он встал и вернулся к своим обязанностям.

Сержантские погоны изменили

отношение солдат к Гюнтеру. Сначала ему это не нравилось, ибо они начали ожидать, что он теперь станет думать за них. Гораздо приятнее казалась прежняя безымянность. Вскоре, однако, он понял, что на деле мало что изменилось. Все решения принимали по-прежнему офицеры, они же отдавали приказы, а ему отводилось следить за их выполнением, добиваясь, чтобы каждый понимал свою задачу и выполнял ее. После полудня солдаты СНО и рядовые гвардейцы собрались на совещание, устроенное полковником Сто Восемьдесят шестого. Он прибыл, как всегда сопровождаемый свитой из офицеров Круга и несколькими из СНО, включая полковника Брауна. Почти ощутимое чувство ожидания повисло в воздухе, когда полковник объявил, что их работа тут почти закончена:

— Мы входим в город на рассвете, одновременно с другими полками на востоке, юге и севере. Мы объединимся около сооружения некронов. Там и состоится последняя битва этой войны — и будет одержана победа.

Потом полководец обнаружил план подрыва пирамиды и сказал, что честь выполнить задание выпадет отделению СНО, но не указал какому. Упоминая Гюнтера, он называл его «сержант 1419», что стало кому-то сказало. Многие солдаты стали нервно переглядываться, выискивая номер на бляхе. Они хотели убедиться, что не их принесут в жертву. Они тоже не понимали.

— Почему СНО? — Гюнтер услышал, как один из солдат жалуется, когда они вернулись к работе, а офицеры Крига ушли. — Почему этот безликий ублюдок не послал кого-то из своих ради разнообразия?

Соресон резко заметил, что тот говорит о старшем офицере, представляющем самого Императора. Солдат хмуро посмотрел на него, но промолчал. Но он был не единственным недовольным. Гюнтер слышал, как они бормочут, когда он отвернулся:

— ...они ценят их жизни выше наших, но даже не...

— ...Браун должен был встать и сказать, что мы больше не потерпим.

Хенрик бы...

--- ...с остальным, хотел бы я знать.
Когда атомные заряды взорвутся...

--- ...есть противогазы, защищающие
от радиации. А мы...

Он утешал себя тем, что эти
нытики --- только что призванные
новобранцы. Их подготовка была еще
короче, чем у Гюнтера, и никто из них не
имел опыта настоящего сражения. Они не
видели некронов. Через сорок минут к нему
погошел один из них: светловолосый,
веснушчатый парнишка лет шестнадцати
или семнадцати из его отделения.

--- Некоторые из нас интересуются,
сержант, --- сказал он, --- отделение,
посланное в гробницу... Сержант, это мы?

--- Да, солдат, --- ответил Гюнтер, и
парень посерел лицом.

Часом позже сержант Корнуса
Смерти сообщил ему, что один из его
людей попытался дезертировать и был
застрелен. Гюнтер разозлился на себя и
устыдился. Он должен был предвидеть
такую возможность и попытаться
предотвратить ее.

Когда наконец лейтенант Харкер, командир взвода, построил отряд отдельно от остальных, все уже понимали, что он им скажет. Он говорил о том, какая великая честь выпала этим десяти... девяти. Он сказал, что их завтрашняя миссия сделает их героями. А потом, к удивлению Гюнтера, предложил каждому солдату перевод в другое отделение, если он согласен. Трое согласились — нерешительно и, очевидно, ожидая подвоха. Гюнтер разочаровался в них, но был горд оставшейся пятеркой. И он воспринял духом, когда после произнесенных слов нашлись добровольцы, желающие заменить отказавшихся.

Хотя Гюнтер разрешил бы ситуацию иным методом, но ему пришлось признать, что этот способ был эффективнее. У него снова было девять человек, и каждому он мог доверять. Они сделают то, что должны, — умрут, но доставят важнейший груз. Потому что в одном все они были похожи на Гюнтера. Они верили в свою миссию, и им не нужно было иных мотивов — наград или повышений, — чтобы

сражаться. Им было достаточно знать, что их смерть переломит ситуацию в войне, и потому они были куда счастливее, чем те, кого заменили. Все равно, скорее всего, эти люди умрут завтра в страхе, дешево продав жизни. Гюнтер и его отделение не испытывали страха — их судьбы были предопределены. Уходя на смерть, они обрели спокойствие, зная точно, когда и как умрут.

Глава двадцать третья

Костеллин складывал вещи. Он не хотел поручать сборы сервиторам, не доверяя им ценный груз. Вещей, впрочем, насчитывалось не так уж много. Первый солдатский жетон. Старый потрескавшийся инфопланишет, хранящий дорогие комиссару воспоминания о четырехлетнем периоде его жизни. Все это он бережно упаковал в запасной комплект формы.

Комната выглядела такой же пустой, как и два месяца назад, когда комиссар впервые в нее вошел. Забавно, как за столь короткое время она стала его комнатой, его домом. Он не заскучает по Цероним Тета, но небольшая часть его души останется здесь, как оставалась до этого во многих других комнатах на многих других мирах.

Открыв нижний ящик стола, он отшатнулся, увидев, что на него смотрит пара противогазных линз. Он и забыл, что положил туда маску, забыл даже, что взял ее с собой, возвращаясь из города. Он вернулся к сейфу за фуражкой и ценным мечом, и глаза смертника пригвоздили его к месту. Он вспомнил обещание, данное мертвецу.

Он должен был оставить маску там, где она лежала, — ошибкой было тащить с собой лишний вес, принимая во внимание полученные ранения. И все-таки он нес ее с собой. Меленто мори. Он становился все более похожим на гвардейцев, с которыми служил. «Еще одна причина, говорящая, что время пришло», — подумал Костеллин.

— Я слышал, вы нас покидаете...

Полковник Сто восемьдесят шестого стоял в дверях. Комиссар удивился, увидев его; кроме того, он чувствовал себя немного виноватым. Следовало сообщить эту новость офицеру лично. Но он отбросил эту идею, сказав себе, что полковнику все равно наплевать.

— Как только мы закончим

компанию, меня переведут в Королевский
Валигийский полк.

--- Мне жаль терять вас, --- сказал
полковник. («Неужели?» --- мрачно подумал
Костеллин). --- Вы служили с нами долго и
очень достойно. И последнее задание в
оккупированном городе, за которое вы
отвечали...

--- Это не моя заслуга, --- перебил
Костеллин. --- Все спланировал и воплотил
один из ваших людей, я всего лишь выжил.

--- Я надеюсь, вы не держите на меня
зла, --- продолжил полковник. --- Возможно,
я иногда повышал голос, нервы стали ни к
черту. Если что, примите мои извинения.

--- Вам не за что просить прощения, ---
подумал головой комиссар. --- Мы разные
люди, но это не повод ссориться.
Работать с вами мне показалось
приятнее, чем с вашими
предшественниками на этом посту.
Просто я стар и устал, в этом все дело.

--- Я надеюсь, --- сказал полковник с
нехарактерной сдержанностью. --- Я верю,
что это не из-за моих слов...

Костеллин покачал головой.

— Я знаю, полковник, что у нас были разногласия с момента вашего назначения, но сейчас мой уход никак с вами не связан. Вы исполняли свои обязанности так, как считали верным, эффективно и логично. И тем самым проявили себя более чем достойным высоких стандартов, установленных вашим предшественником.

— Однако вы выразили несогласие с планом, принятым моими старшими офицерами, — атаковать некронов.

— Так и есть. У меня такое чувство, что... я не знаю, полковник. Когда я смотрю, чего мы — вы — добились здесь... Еще два месяца назад я бы в это не поверил, но мы обратили некронов в бегство. Мы побеждаем их, действительно побеждаем!

— Значит, вы пересмотрели свое мнение?

— Если завтра все пройдет гладко, некроны уничтожат и спасут этот мир, то значение этой победы для Империи трудно будет переоценить. И все же я не могу не думать о цене. Я не знаю, полковник. Может быть, в этом-то и

проблема. Может, я просто слишком стар и слишком многое повидал.

— Скорее всего, завтра Сто Восемьдесят шестой пехотный полк Крива перестанет существовать. Вероятнее всего, наши потери будут столь велики, что остатки просто объединят с другими полками на этом мире. Я был бы горд, если бы наша жертва не была напрасной, хотел бы, чтобы нас помнили.

— А долг Крива перед Императором? Тогда он будет выплачен?

Полковник не ответил; впрочем, Костеллин этого и не ожидал.

— Вы сняли перевязь, — заметил полковник.

— Квартирмейстер сказал, что поврежденный нерв восстановился. Правое плечо немножко одеревенелое, но, кроме этого...

— Значит, завтра будете сражаться?

— Конечно. Пока я не переведен в другой полк, меньшее, что могу сделать, — увидеть горький конец этого.

Полковник одобрительно кивнул, простился до утра, четко развернулся и

ушел, оставив комиссара размышлять в одиночестве. Через несколько мгновений он снова открыл ящик стола. Он закрыл его пинком, когда вошел полковник, почему-то стесняясь его содержимого. Сейчас он собирался сделать то, что должен был совершить три недели назад. Он взял маску и противогаз, после чего, спустившись в костюпорт, вручил их первому же увиденному квартирмейстеру.

--- Найдите им хорошее применение, --- велел он.

У полковника оказался заготовлен последний сюрприз.

Инструктируя своих людей в предугрошенном холоде, он достал из кармана шинели желтоватый куб из какого-то прозрачного материала, внутри которого можно было различить предмет белого цвета и неровной формы. В длину он был немного больше, чем в ширину, и заострялся к концу, словно таленький примитивный клинок.

--- Настал решающий час. Наши генералы так верят в недостойный полк,

что в знак своего расположения ниспослали
нам, — тут голос его стал тихим и
благоговейным, — этот обломок черепной
кости полковника Юргена.

По рядам гвардейцев пробежал тихий
ропот. Самая сильная эмоция, какую
Костеллин когда-либо наблюдал у них.

— Комиссар, я не знаю никого, кто
достойн был бы нести эти тощи, осеняя
священным светом нашу скромную службу.

Костеллин, застигнутый врасплох,
взял куб. Он держал его в руках,
рассматривая со всех сторон. Сам он был
не слишком впечатлен, примерно
представляя, сколько таких реликвий
заготовлено, если остальные три полка на
Церонит Тета тоже получили по
косточке. Но он чувствовал, как
присутствие этого артефакта
взволновало непоколебимых воинов Корпуса
Смерти, как подняло их дух, и знал, что
уже только это делало маленький куб
ценной и редкой вещью.

У него не было слов, но все ждали их
от него. Так что Костеллин прочистил
горло, вспомнил все, чему его когда-то

учили, и начал речь. Сначала она была сдержанной, но в конце концов стала страстной и убедительной. По мнению комиссара, это была лучшая вдохновляющая речь за все десятилетия его карьеры. А потом красное солнце осветило панцирь города, и время для слов закончилось. Полковник Сто восемьдесят шестого дал приказ выдвигаться, и вскоре воздух наполнился ревом завоющих моторов и выхлопными газами.

Три огромные тяжеловооруженные «Горгоны» прокладывали путь вперед, каждая несла в открытом кузове целый взвод. Весившие более двухсот тонн, эти грохочущие гиганты с хрустом давили обломки разрушенных зданий гусеницами, пробивая путь бронированными носами не только себе, но и двигавшимся следом. Конечно, транспорта хватило не всем, поэтому между «Кентаврами» и артиллерийскими «Троянами» шла пехота, состоящая как из солдат Сил планетарной обороны, так и гвардейцев Корпуса Смерти Круга. Их цвета потускнели, снаряжение поистаскалось,

многие не оправились от ран. Их было в половину меньше, чем три недели назад, а сегодня останется еще меньше, но они шли в бой с гордостью.

Костеллин с полковником и его командным отделением ехали в «Кентавре». Как только крышка люка закрылась, он больше не видел, что происходит снаружи. Он отслеживал перемещения армии по воксу, но чувствовал себя отделенным от нее, запертый в шумном, тесном и душном нутре машины. Они следовали кратчайшей, если верить последним сканированиям, дорогой к центру, и до поры до времени все было тихо. Затем «Кентавр» Костеллина сотрясся от взрыва. Полковник незамедлительно бросился к вокс-станции, требуя доложить обстановку, и ответные сообщения пришли мгновенно:

--- ...дорога заминирована, сэр. Похоже, что заряды закопаны в обломки...

--- ...они проехали прямо по...

--- ...никто тяжело не ранен, но принял основной удар на себя. Но

двигатель...

--- ...никаких следов противника...

--- ...видимо, подрывные заряды шахтеров. Но чтобы взрыв был такой силы, видимо...

--- ...техножрецы обследуют повреждения, сэр. Но думаю, мы потеряли «Горгону».

После взрыва пришлось двигаться осторожнее, вперед послали отделение пехоты. Конечно, если остальная взрывчатка закопана так же глубоко, как эта, разведчики вряд ли ее обнаружат. Тем не менее они могли заметить признаки жизни в городе, казавшемся мертвым. И прошло немного времени, прежде чем они нашли их.

--- Сэр, впереди неприятель. Мы застали их врасплох, открыли огонь раньше, чем они нас увидели. Четырех сняли, но остальные разделились и заняли укрытия.

--- Сколько их, сержант? --- спросил полковник.

--- Неизвестно. Многие прячутся в зданиях. Как минимум восемь человек, но

может быть куда больше.

--- Определите неприятеля, --- сказал Костеллин. --- Некроны?

--- Нет, сэр. Люди.

--- Тогда как вы поняли... Они стреляли по вам?

--- Сэр, наши приказы гласят, что...

--- Они как-либо угрожали вам?

--- Прижать их огнем, сержант, --- вмешался полковник. --- Но не атаковать. Всем отрядам держать позиции и ждать дальнейших приказов. --- Костеллину он сказал вслух: --- Я не верю, что это некроны установили взрывчатку.

--- Согласен, --- ответил комиссар, --- не в них это почерк. Скорее, это работа одного из изменнических культов, о которых мы слышали. Даже если так...

--- Три недели назад некроны истребили всех людей, которых смогли выследить. Поэтому мы должны предполагать, что любые выжившие...

--- ...страдают от голода, холода и страха, --- закончил комиссар. --- Думаю, стреляя в них, мы не улучшили ситуацию. Вы не слишком верите в людей, да,

полковник? Хочу напомнить вам, что без солдат СНО этого мира, без их верности...

--- Что вы предлагаете делать? ---
перебил полковник.

--- Я пойду туда, поговорю с ними.

Комиссар выбрался из кабины и прыгнул на землю. Несколько колючих снежинок упали на щеки. Полковник вылез следом за ним, они окинули взглядом колонну машин с работающими вхолостую двигателями.

--- Я изучил карты, --- сказал Костеллин, достав из кармана измятую карту. --- Дороги к северу и югу непроходимы. Есть и другие маршруты, но нам придется достаточно далеко возвращаться, чтобы двинуться по ним.

--- Отличное место для засады, --- проворчал полковник.

--- Если они хотят именно этого. Я все еще думаю...

--- Самый рациональный путь решить проблему --- обстрелять артиллерией эти башни.

--- И рисковать, что руины

заблокируют нам дорогу? А если вы правы и эти люди действительно тут, чтобы навредить нам? Вы можете гарантировать, что несколько неприцельных выстрелов положат конец этой угрозе? У нас с собой атомные бомбы, полковник. Единственный выживший, удачно разместивший подрывной заряд, — и весь полк погибнет в ореоле славы несколькими часами раньше, чем должен.

— Тогда пошлем вперед «Горгон», — сказал полковник.

— Вы меня удивляете, — ответил Костеллин. — Вы готовы рискнуть еще одной «Горгоной», вместо того чтобы пожертвовать одной жизнью?

— Противник использовал уже множество зарядов. Теперь, я думаю, их осталось не так много. Ваш план менее рискованный, чем мой, но шансы на его успех выше.

— Я с этим не согласен, — сказал комиссар. — А так как мы ставим на кон лишь мою жизнь, то я имею на это право. Я могу достучаться до этих людей, полковник. Даже если они служат

некронам, то лишь из отчаяния. Я могу
дать им надежду! Как мимолет я хотя бы
вытаню их, чтобы оценить их силы.

Полковник на секунду задумался,
потом согласно кивнул. Затем связался с
разведчиками впереди и сообщил, что к
ним идет комиссар. Он велел им
сохранять дистанцию, но прикрывать
Костеллина так хорошо, как только
могут. Комиссар прошел мимо ожидавших
солдат, мимо «Кентавров» и мимо
«Горгон». Его уверенность поблекла, когда
он остался один, — лишь иногда замечал
движение среди руин, когда солдаты в
тасках занимали позиции у окон или
твердых проемов.

Он продолжал идти, глядя вперед и
подняв руки вверх, пока не засек край
глаза движение в одном из окон первого
этажа. Тогда он остановился, громко
назвал себя и сказал, что хочет
поговорить. Прежде чем заглохло эхо его
слов, раздался ни с чем не спутываемый
щелчок вставляемой в гнездо батареи, а
потом раздался женский голос:

— Мой муж держит тебя на прицеле.

Брось оружие.

Комиссар сделал, как велели, повинуясь голосу, затем велевшему ему отойти на десять шагов назад. Дверь открылась, и оттуда выскользнула невысокая темная фигура, не поднимавшая головы. Она подобрала плазменный пистолет, но поднять цепной меч не смогла и решила оставить его. Пистолетом она неумело направила на комиссара и жестом велела войти внутрь. У двери лежало тело молодой женщины, и Костеллин, проходя мимо, взглянул на нее и убедился, к своему огорчению, — хотя и не удивился, — что ей давно уже ничем не поможешь. По шаткой лестнице он поднялся в большое открытое помещение, судя по разбросанным одеялам, кишевшим блохами, и вони испражнений, бывшее ночлежкой мутантов. Он насчитал шестерых человек, вжавшихся в темные углы.

Его встретила чета среднего возраста. Мужчина, борогатый и лысеющий, держал в руках лазган. Молодой человек, что привел его сюда,

спрятался за нити, все еще держа в руках пистолет Костеллина.

--- Ты имперец, --- процедила женщина, прищурившись и с подозрением глядя на аквилу комиссарской фуражки. --- Почему ты должны тебе верить?

--- Я могу вывести вас из города, --- ответил Костеллин.

--- А с этого мира?

--- С милостью Императора, этого не потребуется. Со мной армия, готовая бороться с захватчиками. Мы верим, что сможем...

--- Не слушай его, --- злобно прошипел муж. --- Это лишь слова, не больше! Где был Император, когда пришли эти твари? Почему его армии не могли спасти нас тогда?

--- Я понимаю, это выглядело, будто бы про вас забыли. Но...

--- Запечатали в этом аду, --- сказала женщина, плача. --- Согнали на бойню. Мы думали, что никогда...

--- Мы не ожидали атаки, --- сказал Костеллин. --- Мы делали, что могли. Однако теперь мы наносим ответный

удар. О вас никто не забывал, поверьте.

--- Это было так давно. Жрецы говорили нам...

--- Я знаю, что они говорят, но теперь вы видите, что они ошибались. Вы правы, вас оставили в аду, и временами трудно посмотреть на небо. Но поверьте, мир не кончается этим городом, и люди ждут вас...

Лазерный луч прошел возле уха Костеллина, и раздался крик:

--- Обманщик!

Комиссар обернулся и увидел, как низкорослый грузный мужчина входит в комнату. Он носил белые одежды священника, но священные руны были замаскированы краской.

--- Мари? --- прошептала женщина. --- Мы думали, ты...

Вошедший подошел ближе и обвиняюще указал на Костеллина.

--- Этот человек лжет. Он обещает свободу, тогда как его солдаты занимают позиции, чтобы уничтожить нас.

--- Нет, --- сказал Костеллин. --- Это не...

— Их ружья уложили четверых наших братьев. Они пытались убить и меня, но вера в железных богов защитила.

Костеллин почувствовал, как его палец дергается, будто нажимая на курок. В других обстоятельствах он бы уже казнил еретика.

— Их слишком много, Мариз, — утешаяще сказал борогатый. — А у нас только два ружья, ну теперь три. Может, стоит...

— ...сдаться им? — закончила его жена. — Уповать на их милосердие? Они знают, через что мы прошли, они должны нас понять.

— Их Император ничего не поймет. У него нет жалости. Разве вы не видите? Я знаю, как они поступят. Они убьют нас, чтобы защититься от той истины, что мы узнали.

— А сколько убили некроны? — тихо спросил комиссар.

Вопрос был адресован священнику, но предназначен всем остальным. Мариз был безумцем, но не глупцом. Он взял у юноши плазменный пистолет, отдав взамен

лазган. Он осмотрел незнакомое оружие и улыбнулся. Потом улыбка превратилась в оскал, когда он приставил пистолет к голове комиссара.

— Наш владыка говорил ясно, хотя не все смогли понять. Он предупреждал, что сопротивление вызовет Его гнев, — и так и случилось. Однако, выискивая Его врагов и приводя их к Немү на суд, мы можем...

Костеллин попытался выхватить пистолет. Он почти ухватился за рукоятку пальцами, но Мариц успел отскочить, при этом случайно выстрелив в плазмой. Другие беженцы бросились в укрытия, когда Костеллин, проклиная свои притупившиеся с возрастом рефлексy, оттолкнул жреца и бросился бежать. Перепрыгнув перила лестницы, он приземлился на шаткую лестницу и едва не полетел с нее вниз головой. Когда комиссар спустился на первый этаж, над его головой с шипением пролетел второй заряд и взорвался у стены, обжигая и на некоторое время ослепляя его раскаленными осколками. Костеллин слышал тяжелые шаги бегущего по лестнице безумного жреца.

Ослепленный вспышкой миниатюрной
сверхновой, Костеллин на ощупь добрался
до двери. Спотыкаясь по дорожке, он
принялся шарить руками, пока не нащупал
брошенный цепной меч. Он нашел его в тот
момент, когда зрение наконец прояснилось,
щелкнул активатором на рукояти.
Механизм рыкнул, но не завелся. Мариг
схватил его сзади, выламывая руку, пока
Костеллин не выронил меч, и снова
приставил дуло пистолета к голове
комиссара.

--- Назаг! --- завопил жрец. --- Назаг!

Костеллин разглядел силуэты
гвардейцев Корнуса Смерти, бегущих
вперед, различил отблески прицелов
лазганов.

--- Я видел девятых, --- сказал он в
комм-бүсинү. --- Но их может быть больше
в других зданиях. Священник --- их лидер.
Снимите его --- и остальные наверняка
разбегутся или сдадутся. У них на всех
только два лазгана и, насколько я понял,
нет подрывных зарядов.

--- У нас ваш офицер! --- кричал
Мариг. --- Еще шаг --- и я убью его! Клянусь

железными богаты, убью! Убирайтесь!
Оставьте нас, если его жизнь для вас хоть
что-то значит!

Очевидно, он не знал Корнуса Смерти
Крига.

Комиссар не почувствовал
стертельный лазерный луч. Он вообще
ничего не почувствовал. Он упал, не в
силах справиться с невидимой тяжестью,
вдруг навалившейся на грудь. Затем
услышал топот армейских ботинок,
грохот подъезжавших «Горгон», но не
стрельбу. Он оказался прав: со смертью
Марица, чье тело лежало рядом, его
последователи отказались бороться.
Теперь армия Крига могла двигаться
дальше. Перед глазами Костеллина
возникла маска противогаза.

— Полковник? — спросил он сквозь
туман.

Маска приблизилась, носивший ее
встал на колени подле комиссара, и
Костеллин разглядел знаки различия
квартирмейстера.

— Говори прямо, — прохрипел

комиссар, желая пролить свет на свою
участь, стараясь отогнать парализующий
страх, — сможешь залатать меня? Я буду
жить?

Квартирмейстер покачал головой.

При этих словах криговец полез
комиссару в карман и вынул вещьцу, с
которой тот совсем забыл: желтый куб,
хранящий священную реликвию —
фрагмент кости. С большим почтением
он положил ее к себе и лишь затем
обратил внимание на человека. Его
закрытое маской лицо выглядело как
череп, словно он был предвестником самой
смерти. Последнее, что видели глаза
столь многих криговцев. Почему-то
Костеллин никогда не думал, что то же
увидит и он, что он будет на их месте. В
юности он мечтал погибнуть на поле боя,
в последнее время стал надеяться на более
тихую смерть — стариком, в своей
постели. Но никогда не думал он, что
погибнет от выстрела одного из своих
солдат. Он почти растаял от
ненепостижимости своей смерти.

— Пусть покоится с миром твоя

душа, -- сказал квартирмейстер. -- Пусть знает, что Император оценил твою жертву и жизнь твоя прошла не напрасно.

Потом он протянул затаенную в перчатку руку и закрыл ему глаза. Последнее, что почувствовал комиссар, прежде чем нырнул в темноту, -- как квартирмейстер забирает его ценной меч.

Глава двадцать четвертая

На всем пути внутри города больше не было признаков ни разведчиков-некронов, ни парящих над головами их летательных аппаратов. И все-таки противник готовился и ждал, развернувшись боевым порядком перед черной как ночь пиратидой. Их число увеличилось в разы, как и предсказывали генералы Крига. Но вот чего они не ожидали, так это того, что армия некронов даже превзойдет числом их собственную, по крайней мере этот полк. Когда офицер СНО убегал эти толпы, то вырвался в канал общей связи.

Открывшийся огонь некроны сосредоточили на оставшихся в строю «Горгонах». Гаусс-винтовки пробивали броню, и отвечали, когда могли,

тяжелые стабберы. Машины продержались достаточно долго, чтоб успеть выгрузить всех пассажиров, ринувшихся вперед, стреляя по врагу из хеллганов. Как и раньше, уныри оконались в самом центре рядов Корпуса Смерти, и гвардейцы были готовы. На этот раз тем не менее главной мишенью противника оказались гренадеры с телтаганати, так что трое из них были освежеваны в течение первой минуты.

Гюнтер отслеживал все эти события по воксу, пытаясь из массы беспорядочных сообщений сложить целостную картину. Его «Кентавр» был оборудован перископом на месте второго водителя, но от него было мало толку — слишком далеко от поля боя. Он мог разглядеть громаду пиратиды, но не мог понять, где находится вход. Стрелок его экипажа, гвардеец Круза, имел лучший обзор из своей башни, так что его сведения были особенно важны. Справа от Гюнтера бывший фермер, куда больше привыкший к тракторам, нежели к танкам, вцепился в руль так, что побелели пальцы.

Остальные четверо членов его

отделения — еще пятеро ехали в другой машине — казались не менее напряженными. Они не сводили глаз с сержанта, со смертоносного груза, пристегнутого к его груди. Сами заряды выглядели вполне буднично: четыре цилиндра, обмотанные полосатой черно-желтой пленкой с черепом и костями. Но Гюнтер хорошо запомнил меры предосторожности, предпринятые при транспортировке, за которую он отвечал. Он спал куда более чутко, оттого что груз перевозился в ничем не помеченных грузовиках по нижним эстакадам, пусть и очень далеко от его постели.

Лишь однажды в жизни он дал добро на применение атомных зарядов: для проходки иссякающей шахты. До сих пор никто, кроме сервиторов, не мог войти в нее без радиопротекторного костюма.

Никто из командования не присоединился к нему, когда он ездил в Телониус-сити забирать ценный груз со склада. Пожилой бывший шахтер поднял крышку освинцованного ящика, и, увидев лежащее внутри, Гюнтер машинально

понялся. С тех пор как заряды повесили ему на грудь, он боялся ходить, сидеть, вообще двигаться, чтобы случайно не подорвать их.

Соресон велел водителю ехать вперед. Теперь, когда упырей выбили с их позиций, это казалось вполне безопасным. Тут стрелок-криговец положил с километре некронов, направляющемся в их сторону. Гюнтер схватился за сердце, но противника отвлекли Всадники Смерти. Не раз стрелок просил разрешения открыть огонь из стаббера, однако безопасность требовала, чтобы «Кентавр» не привлекал лишнего внимания. На откуп остальной части полка оставили отвлечение некронов от машины Гюнтера и входа в пиратигу. Пока бойцы не сделают этого, Гюнтер мог лишь беспомощно сидеть и наблюдать.

Он снова приник к перископу и увидел, как группа призраков обрушилась на гранадеров и встречный огонь хеллганов срезал нескольких из них. Он услышал знакомый голос полковника Стоуна, который, в сорок шестьдесят шестого, обещавшего

подкрепление. Оказалось, что Сорок
второй и Сто третий полки встретили
только видимость сопротивления к северу
и югу от гробницы, так что большая
часть их сил была в пути. Восемьдесят
первый полк, атакующий в трех
километрах восточнее, использовал
другую тактику: он обстреливал из
артиллерии черную пирамиду, пытаясь
пробить ее стены.

Тюнтер поделился новостями с теми
бойцами отделения, кому выпала удача
пользоваться преимуществами комм-
бүсины. Один новобранец средних лет
предположил, что Корпус Смерти может
перейти к обороне и удерживать внимание
некронов до подхода дополнительных сил и
нанесения совместного мощного удара.
Тюнтер осадил его, сказав, что новичок
никогда не видел некронов вблизи, не знал,
что лучшей защитой от гаусс-оружия,
легко пробивающего броню, является
нападение.

Они выжидали.

Подкрепление прибыло, но не

изменило картину боя настолько решительно, как надеялся Гюнтер. Оба полка начали наступление одновременно, зажав осажденных некронов в клещи, выводя из строя множество врагов, прежде чем те приступали к защите. Однако Гюнтеру в перископ казалось, что между ним и конечной целью некронов осталось столько же, сколько в самом начале сражения.

Он должен добраться до пирамиды. Именно там находился источник силы врага. Стоит разрушить гробницу, и некроны не смогут регенерировать, не смогут пропадать в одном месте и появляться в другом. Но крайней мере в теории. Сорок второй полк вел тяжелый бой, а Сто третий начал отступать, выводя некронов на юг. Гюнтеру не нужен был голос полковника в воксе, чтобы понять: снова пришло время наступать, обходя противника с севера. Водитель ударил по тормозам, когда их сотрясло взрывом. Вокс сообщил, что подбит «Кентавр» всего в двадцати метрах от них. Гюнтер нервно сглотнул и согласился.

что пока им лучше постоять на месте.

Сквозь перископ пирамиды казалась тающая близкой, но сражавшиеся фигуры давали возможность более реалистично оценить ее масштаб и расстояние, которое еще предстояло преодолеть Гюнтеру. Стрелок из башни доложил, что видят сейчас вход в пирамиду. Наведя свой перископ в указанном направлении, Гюнтер тоже различил его — с изливавшимся изнутри зеленоватым светом. Но между ними все еще было много, слишком много некронов, и они продолжали ждать.

Еще маленький рывок вперед, вновь томительный перерыв, и Гюнтер принял решение. Очередная фаланга некронов исчезла: судя по донесениям, они переместились к дальней стороне пирамиды, чтобы отразить тамошнее наступление. Путь вперед оказался свободен, как никогда, а «Кентавр» все равно столь же уязвим для врага, как любой пехотинец. У его отделения больше шансов выжить, будучи десятком маленьких мишеней, нежели двукратным

большими.

Такой способ следования рассредоточивал внимание противника, делая сержанта с драгоценным грузом менее уязвимым. Поэтому Гюнтер не колеблясь приказал высаживаться и тот же приказ передал по микробусине старшему пехотинцу во второй машине. Поле битвы выглядело столь же хаотично, как и в предыдущий раз. Разве не говорили ему, что этот бой будет легче? Он подавил в себе вернувшиеся чувства страха и неуверенности. Это было недостойно него. Теперь он опытный солдат, командир, и в бою на него рассчитывают другие. И все-таки он чувствовал свою уязвимость даже больше, чем в первом бою, — все из-за подрывных снарядов.

«Кентавр» погромыхал прочь, стрелок навестывал упущенное. Гюнтер спрятался за крепким корпусом «Медузы», пока остальное отделение строилось вокруг него. Теперь он и сам разглядел зеленый свет входа, иногда скрываемый дымом оружий, и солдат, сражавшихся возле них. Вот только не мог, к своему ужасу,

сказать, кто там некроны, а кто --- солдаты Корнуса Смерти.

Но ему все еще нужно было поодобратся поближе. Гюнтер жестом отдал приказ бойцам, не надеясь, что его услышат, и они бросились вперед за наступающим взводом, а потом укрылись за кучей обломков. Они были открыты не больше секунды, но и этого хватило, чтобы призрак прикончил одного невезучего солдата. Когда клинки вскрыли ему горло, другой солдат обернулся и чуть было не повернул назад, но Гюнтер схватил его за руку и потащил за собой. Они ничего не могли сделать --- никто из них не мог. Полковник выдал лазганы лишь трем из них, решив, что оружие все еще ценно, а в ту секунду, когда оно им понадобится, отделению все равно погибать.

Выглянув из-за развалин, Гюнтер обнаружил зеленое свечение куда ближе, чем ожидал, и путь к нему был чист. Он почти отдал приказ, почти двинулся дальше, но тут из орудийного дыма вынырнул неприятельский танк.

минигатюрная копия гробницы,
изрыгающий зеленое пламя из люка.
Раздался выстрел, и кусок стены,
укрывший бросившегося на землю Гюнтера,
укоротился в два раза, засыпав его
обломками. Еще минуту он не решался
поднять голову, а когда остелелся, то
увидел, что танк уезжает. Его атаковало
отделение гвардейцев, и, хотя большая
часть обратилась в пепел под огнем
изумрудных лучей, двоим все же удалось
открыть люк и влезть внутрь.

Мгновением позже танк разорвало на
куски, как решил Гюнтер, от множества
детонировавших внутри крак-гранат.
Гвардейцы, конечно, не вернулись, но
отдали жизни не напрасно. Они, пускай и в
меньшем масштабе, сделали то, что
предстояло Гюнтеру, и показали, что это
возможно. Он снова увидел вход в гробницу
и знал, что чем дольше он будет ждать,
прежде чем броситься к нему, тем больше
его товарищей отдадут свои жизни. Но
было невозможно подобрать момент,
предугадать течение боя, а он не мог себе
позволить совершить ошибку. С каждой

проходившей секундой он все больше беспокоился и боялся, что уже упустил свой шанс.

Решение приняли за него.

Гюнтер не знал, где сейчас полковник Вигито, нашел хороший наблюдательный пункт или вышел на связь с кем-то, кто там сидел, -- в ушах Соресона снова раздался его голос, велевший двигаться. Он исполнил приказ. Он сломая голову бросился в этот хаос, зафиксировав взгляд на входе в гробницу и поклявшись, что ни за что не остановится. Гюнтер не остановился, когда взрыв вздыбил землю в метре от него, забросав бегущего кирпичной крошкой и убив двух его телохранителей. Не стал терять время, когда у третьего солдата сдали нервы и он упал на колени, воздев руки вверх. Секундой позже его голова взорвалась, но Гюнтер не понял, откуда пришел выстрел.

Он не остановился, когда некроны поняли его план и навели свое оружие в его сторону. Ближайшие ряды гвардейцев Корпуса Смерти закрыли Гюнтера от огня, приняв на себя огонь гаусс-пушек, -- и

Соресону осталась лишь половина пути. Он увидел только зеленый свет, слышал только голос полковника, призывавшего его бежать как можно быстрее. А еще вспомнил, как инструктировал его полковник Браун:

— Когда попадешь в пиратиду, не тратить ни одной минуты. Помни, мы не знаем, что там внутри. Одно попадание гаусс-оружия может расщепить тебя в воздухе, но так и не привести заряд в действие, — он отвел глаза от Гюнтера в неловкости. — Если увидишь шанс... Чем глубже заберешься, тем больший нанесешь ущерб. К тому же чем больше стен окажется между тобой и остальными войском, тем лучше мы будем защищены от взрыва, и от его последствий.

В зеленом свете входа появилось что-то новое. Тысячи темных точек, двигавшихся над поверхностью. Гюнтер сначала грешил на дым, потом на свои глаза. А потом из гробницы вырвался рой металлических насекомых и бросился на него. Они облепили его, царапаясь и кусаясь. Гюнтер пытался пробиться сквозь

них, но сѣтмарная масса маленьких тел
отталкивала его. Еще один из его
телохранителей уже был мертв.
Насекомое ползло по подрывным зарядам, и
Гюнтер отчаянно сбросил его. Голос
полковника звучал откуда-то издалека,
заглушаемый шуршанием роя. Они вырвали
наушник из уха Гюнтера, и теперь он не
знал, каковы его приказы — продвигаться
дальше или отступить.

Развернувшись, он увидел еще одну
грудь камней и отчаянным жестом указал
на нее, хотя не знал, видит ли его сейчас
хоть кто-то из остатков отделения. Он
побежал, подпрыгнул. Как только его ноги
оторвались от земли, взрывная волна
забросила его дальше, чем он собирался
прыгать. Гюнтер едва успел обхватить
подрывные заряды, защищая их, и
приземлился на живот.

Он огляделся, восстановив дыхание.
Рой насекомых исчез. Осталось лишь
несколько бесцельно копошащихся дронов,
остальных испарило взрывом от удачного,
но безумно рискованного снаряда мортиры.
Два из четырех зарядов оторвались с

перевязи Гюнтера. Просто чудо, что они остались невредимы.

Остались в живых, остались с ним и другие из его телохранителей. Но их лица были в крови. До входа в гробницу оставалось менее двухсот метров, но некроны простреливали пространство перед ним, прижимая противника огнем. Солдаты Крива пытались подавить огонь врага, отвлечь его на себя, дать Гюнтеру еще один шанс, и он выживал.

Проход вновь полыхнул зеленым, и на сей раз в нем появился целый легион пехотинцев-некронов. Гюнтер с ужасом наблюдал, как воздух наполнился изумрудными молниями и целый взвод гвардейцев был скошен, словно колосья в поле. Еще секунду назад ему казалось, что Корпус Смерти наступает. Теперь же, наоборот, вся первая линия кривовцев дрогнула, и некроны приблизились к его собственной позиции.

Он должен был отступить, но Соресону невозможной казалась мысль оставить позицию, завоеванную им с

таким трудом, с таким риском. Он снова вставил в ухо микробусину, но полковник ничего не говорил. Даже сейчас Гюнтер ждал свой шанс, хотя бы самый маленький. Тем временем один из оставшихся солдат, поблуднев, указал ему пальцем на ворота пиратиды.

Оттуда вышел некрон, худой и куда более высокий, чем другие, облаченный в изношенную синюю мантию и сжимающий в руках посох. Гюнтер не видел его никогда раньше, но слышал рассказы о гигантском гололитическом изображении на Церонит-сити два месяца назад. Тех словесных описаний Гюнтеру хватило, чтобы опознать врага и понять, что он лежит сейчас всего в сотне метров от правителя некронов.

Лорд некронов воздел к небу скелетообразные руки, и Гюнтер увидел, что он сжимает в левой руке большую черную сферу. В глубинах сферы что-то сверкнуло зеленым, и Гюнтер ощутил во рту привкус металла, почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Кожу защищало, воздух, казалось, был

наэлектризован, как перед сильнейшей бурей. А потом некроны начали восставать из мертвых. Десятками и сотнями, даже те, кто еще несколько минут назад лежал мертвый, расплавленный мелтами. Но некроны ведь не могут восстанавливаться после попадания из мелты... ведь не могут?

Что-то двинулось, поползло по грунтовым трубкам Гюнтера. Он в ужасе встряхнулся и, когда поток расплавленного металла, соединяясь с грунтовыми, начал сливаться в фигуру некрона-призрака, сразу же взлетевшего в воздух. Это оказалось уже слишком для одного телохранителя, и он побежал, в ужасе вопя, но его трусость оказалась своего рода услугой. Он стал для призрака заманчивой мишенью, и тот бросился за ним, не заметив остальных солдат, которых теперь осталось всего вдвое из десятка.

Восставшие из мертвых упыри выбрались из-под «Медузы» и вцепились в нее когтями. Это казалось невероятным, но от их ударов броня плавилась и распадалась на куски. Гюнтер с трудом

сознавал увиденное. Этого не должно было случиться. Предполагалось, что некроны ослабели, лишившись энергии генераторов, и прячутся. Но, вместо этого, они наступали с новым и более смертоносным оружием, а их численность продолжала расти. Сейчас на поле боя их было столько же, и даже больше, чем в начале сражения.

Гробница действительно хорошо охранялась, и товарищи Гюнтера начали отступать, не в силах переломить ситуацию. Лорд некронов поднял посох, и с его зубцов сорвались три широких зеленых луча, тут же уничтожив трех Всадников Смерти Круга. Два огромных механических паука появились по бокам лорда, и Гюнтер понял, что бой проигран еще до того, как голос полковника подтвердил это. И все равно, когда поступил приказ к отступлению, Соресон внутренне воспротивился ему. Он был так близко. Ему стало интересно, где же был Император, когда был так нужен? Но Гюнтер тут же устыдился этих мыслей. Он спросил сам себя: «Что, если я просто

взорву заряды прямо сейчас? Я смогу повредить гробницу и, что более важно, убью лорда некронов. Разве мои товарищи не поймут меня, если я заберу оставшихся в живых с собой? Разве не согласятся, что это достойная жертва?»

Он почти сделал это. Рука лежала на detonatore. Потом он подумал, что, может, ему стоит связаться сначала с полковником и попросить санкции на свой план. Но потом он понял, что ответит полковник. Он скажет, что половина некронов, включая их командира, выдержат атомный взрыв и восстанут вновь. А солдаты Корпуса Смерти погибнут и останутся мертвецами. Оно того не стоило. Гюнтер ничего не мог сделать.

Отступление было нелегким и досталось дорогой ценой, как и ожидалось. Гренадеры израсходовали боеприпасы, прикрывая отступающих гвардейцев. Некроны продолжали давить противника, и Гюнтер заметил, что они вели прицельный огонь по артиллерии и

технике Круза, отсекая возможность повторить атаку вроде этой.

Гюнтер выскользнул из укрытия, когда решил, что это достаточно безопасно, а двое оставшихся бойцов его подразделения следовали по пятам. Может быть, их миссия и была прервана, но заряды на груди Гюнтера все еще нужно было защитить. Они оба погибли, охраняя их, застреленные в спины. Соресон, уставший, опустошенный и одинокий, наконец вышел из радиуса поражения пушек некронов и присоединился к колонне отступающих солдат.

Даже побежденные, бойцы Корпуса Смерти сохраняли такую же дисциплину, как и всегда, в отличие от совершенно разбитых выживших солдат СНО. Их все еще насчитывались тысячи, но это, понял Гюнтер, все, кто остался от трех полков. Двое из Сто третьего полка подтвердили, что им предписывается идти на запад, в сторону костопорта, а не на старые позиции на юге. То же относилось к Сорок второму и Восемьдесят первому полкам, отступавшим к востоку, собравшимся

обойти город и следовать к костюпорту.

--- Тогда кто останется охранять стены города? --- спросил Гюнтер, но он боялся, что уже знает ответ.

Он нашел полковника Сто восемьдесят шестого, идущего вместе с низшими чинами. Видимо, он лишился своего транспорта. Ули, решил Гюнтер, глядя на вытащенный болт-пистолет и хромоту, бросил его, чтобы принять более активное участие в бою.

--- Извините, сэр, --- сказал Гюнтер. --- Я пытался. Я просто не улучил момента, но в следующий раз... Дайте мне еще один шанс, и я покажу, что...

Полковник смотрел на него так, будто бы не догадывался, кто перед ним.

--- Сержант четырнадцать-девятнадцать, сэр. Я нес --- несу --- подрывные заряды.

Полковник опустил взгляд на грудь Гюнтера и немедленно подозвал квартирмейстера.

--- Сняли подрывные устройства, --- скотандовал он. --- И убедись, что они хранятся надлежащим образом.

Квартирмейстер вынул нож и принялся срезать ремни и липкую ленту. Полковник тем временем пошел дальше, не удостоив Гюнтера, чувствовавшего себя ничтожным и бесполезным, даже еще одним взглядом.

— Я не знаю, что делать, — признался Гюнтер квартирмейстеру, когда тот срезал первый заряд и аккуратно упаковал его в бронированный ящик.

— Нам приказано отступить, — ответил он.

— Я знаю, но... — Соресон вновь замолчал. Слишком давно ни с кем не говорил. Он даже больше не чувствовал себя солдатом. — Я никогда даже не предполагал, что... Я думал, что сейчас все уже должно быть кончено. Я думал, Корпус Смерти Круга всегда сражается до самого конца. Что мы сейчас будем делать? Как мы теперь будем сражаться с некронами?

— Мы не станем.

Квартирмейстер отсоединил последний атомный подрывной заряд и сейчас стоял на колене рядом с ящиком.

запирая его на множество замков. После он
передал его сервигтору.

--- Война закончена. Некроны
победили.

Глава двадцать пятая

День начался так же, как все предыдущие. Арекс разбудил солнечный свет, проникший сквозь неплотные шторы. Она резко села в кровати и принялась испуганно озираться, ища взглядом чужаков из своего сна. Руки скелетов, тянувшиеся к ней, пока она спала... Квартира, последняя в глинном ряду подобных ей, пуста, но прочие детали ночного кошмара слишком реальны. Арекс была почти разочарована.

Она знала, что рано или поздно кошмар обернется явью, и это ожидание стало для нее медленной пыткой. Во сне она даже радовалась касанию рук скелетов. Сегодня, однако, что-то было не так, как раньше. Снизу снаружи доносились отдаленные звуки. Арекс прислушалась и различила топот ботинок, рев

двигателей. Слишком шумно гля
вторгшихся чужаков. Девушка
выскользнула из кровати, подошла к окну и
глянула в щель между ратой и занавеской.
Ей открылся самый восхитительный вид в
ее жизни.

Армия — несомненно, идущая на войну.
Имперская Гвардия под черным знаменем,
на котором красовался белый крылатый
череп. За ней следовала колонна боевых
машин. Аркс принялась трясти спящего
Тайлера, спеша поделиться с ним
радостной вестью. Император не покинул
их. Дядя Хенрик не подвел ее.

Девушка хотела тут же бежать
наружу, но Тайлер уговорил ее ненадолго
задержаться, объяснив, что солдаты все
равно уйдут далеко вперед, прежде чем они
спустятся. Пока они одевались, руки Аркса
так дрожали, что Тайлеру пришлось
помочь ей застегнуть найденную блузку.
Они доели последнюю пищевую пасту. Они
пытались растянуть запасы, отсрочить
день, когда им придется снова выйти
наружу. Обнявшись, чтобы придать друг
другу храбрости, они открыли дверь. Сюда,

наверх, они забирались несколько дней, а вот обратно спустились всего за пару минут. Как и предсказывал Тайлер, они вышли на пустую улицу. С востока тем не менее доносились звуки сражения, обнадежившие Арекс еще больше.

— Что станем делать? — спросила она. — Ждать, пока они вернутся?

— Может быть, и нет, — ответил Тайлер. — Если солдаты вошли в город этим путем...

— Мы можем пойти по следам, — поняла девушка, — в обратную сторону, можем выйти из города!

Произнося эти слова, Арекс еще сама в них не верила. Сейчас это простое решение казалось невыполнимым после всего, что она пережила, после всех несбывшихся надежд, всех неожиданных трудностей. Она пошла, но всю дорогу морально готовилась к худшему: из засады выскочат враги или она вновь проснется в маленькой спальне и начнется такой же день, как всегда. Но все равно случилось непредвиденное. Стоило ей и Тайлеру добрести до ближайшей уцелевшей башни,

преодолеть очередной завал, испытать первый проблеск надежды, вдохнуть свободы, как безлецы угодили под огонь лазганов. Они тут же нырнули в ближайший подвезд. Арекс почувствовала запах жженого волоса и испугалась, что он исходит от нее.

--- Лазганы! --- шепнула она Тайлеру. --- Вторгшиеся чужаки не пользуются лазганати.

--- Наверно, сектанты, --- вздохнул друк. --- Пережившие чистку слуги Амарета или им подобные из других церквей.

--- Мне кажется, --- сказала девушка, --- я видела форму, пурпурную с красным. Я думаю, это СНО, Тайлер. Они, наверное, решили, что это ты с тобой еретики.

Тайлер выглянул, пытаясь разглядеть стрелявших, и новый луч едва не отрезал ему нос.

--- Не стреляйте! --- крикнул он. --- Мы не враги. Мы на вашей стороне. Да здравствует Император!

--- Я не могу пропустить вас, --- ответил нервный голос. --- Идите обратно.

--- Вы не можете! --- закричала Арекс. ---
Нас похитили, чуть не убили, хотели
принести в жертву, мы голодали.
Пожалуйста, пропустите!

--- Со мной племянница губернатора, ---
добавил Тайлер.

--- Леги Хенрик, это правда вы? ---
недоверчиво спросил голос после минутного
затишья.

Теперь переговоры пошли быстрее.
Представившись, майор Смитт, заявил,
что несколько раз встречал Арекс на
официальных приемах. Она сделала вид,
что помнит его, а потом и вправду
вспомнила один из этих приемов, чтобы
сообщить ему детали, подтверждающие
личность. Друзья осторожно выползли из
укрытия и обнаружили взвод СНО,
состоящий в основном из безоружных
подростков. Только Смитт, в отличие от
других, был седым и ходил, опираясь на
трость.

Он объяснил, что давно вышел в
отставку, но теперь решил послужить,
чем может, в нынешнем кризисе. Он
рассказал им, как добраться до

костюпорта, извинившись, что не может предоставить транспорт. Тайлер сказал, что все в порядке, они привыкли ходить пешком. Смитт смотрел на Арекса блестящими от слез глазами, повторяя, что это просто чудо, что они не ждали найти ее живой. Но она лишь потом узнала, что вызвало эти слезы.

Тайлер взял ее за руку, и они вместе пошли по дороге. Они вышли из разрушенного города в мир, который почти забыли. Этот день, не похожий ни на какой другой, Арекс запомнит навсегда.

Они сидели в теплой столовой костюпорта совершенно одни, если не считать раненого солдата за столом в углу. Они держали в руках первые за два месяца горячие напитки, но у Арекса не было аппетита.

— Это неправильно, — сказала она, запинаясь. — Я представляла себе этот момент. Даже когда все было совсем уж безнадежно и я думала, что никогда не выберусь, то все равно...

Тайлер потянулся через стол, взял ее

руки в свои:

--- Я тоже. Я думал, что все здесь, снаружи, будет... нормально, наверное. Как было раньше.

По пути в костюпорт ее узнали люди на холме. Беженцы окружили ее, желая прикоснуться. Большинство из них никогда даже имени ее не слышали, но сейчас говорили, что ее возвращение из смерти -- знак Императора, хорошее предсказание об окончании войны. Она содрогалась от их прикосновений. Как она могла быть их спасительницей, если сама так отчаянно нуждалась в спасении? На их устах было одно имя, и от них Алекс узнала то, что старый Смитт испугался ей сказать.

--- Он должен был улететь на спасательном корабле, -- с горечью сказала она, -- пока у него был шанс. Наверное, он оставался только ради меня, а я даже...

--- Ты не думала, -- осторожно сказал Тайлер, -- что он действительно мог сделать то, что говорят?

--- Дядя Хенрик не был предателем, -- с яростью сказала она. -- У него должна

была быть какая-то причина отправить
то сообщение, и в любом случае у нас из-
доказательств лишь слова этого
полковника Круза.

Арекс тяжело вздохнула и запустила
пальцы в спутавшиеся волосы.

— Просто я ожидала, что из всех
людей он... Я потеряла все остальное, и,
видит Император, я не думала, что увижу
его снова. Но я всегда надеялась... я думала,
что с ним все будет в порядке.

— Мы можем спросить людей.
Можем узнать о... Гюнтере, кажется,
так?

Арекс покачала головой.

— Если бы он был здесь, то уже нашел
бы меня. Ты видел, как быстро
распространилась весть о моем появлении.
Его нет, Тайлер. Гюнтера нет.

Тайлер сжал ей руку, пытаясь
утешить.

— Железные боги... некроны, они
уничтожили лишь один город из многих,
не планету.

— Это лишь вопрос времени, —
сказала Арекс. — Мы думали... Когда я

видела солдат этим утром, мне
показалось, что еще есть надежда. Я
забыла о том, что ты видел, Тайлер,
внутри пирамиды. Зеленый портал. Нам
не победить некронов.

Они расслышали шум в коридоре,
торопливые шаги и повышенные голоса.
Проктор в черной форме остановился у
двери и взволнованно объявил:

--- Они возвращаются! Солдаты, они
возвращаются!

Раненый солдат вскочил на ноги с
неожиданной подвижностью и побежал за
проктором. Тайлер тоже встал, но Арекс
осталась на месте, не торопясь услышать
новости. Все остальные молились о чуде ---
втором за этот день, --- но они не видели
того, что видела она. Арекс не могла себя
заставить разделить их оптимизм, как
бы ей того ни хотелось. Ее желудок
стиснул страх, а молиться она уже давно
перестала.

В кабинете полковника Сто
восемьдесят шестого бурлила
деятельность. Солдаты Круга разбирали

пульт связи, унаковывая его в ящики. Сам полковник невозмутимо стоял, будто бы в роке бури. Ей потребовалось три попытки, чтобы добраться до него. Он повернулся к ней, и она попыталась поймать его взгляд, но различила лишь отражение своих глаз в линзах его противогаза. Оно сбilo бы ее с толку, не будь она так решительна.

— Меня зовут Аркс Хенрик, — представилась она, подражая тому властному тону, которым дядя всегда говорил с властью и мужичи. — Я племянница губернатора и последний живой член семьи Хенриков, и я...

— Я объяснил вашему дяде в самом начале, что мир на военном положении, — сказал полковник, отворачиваясь от нее и направляясь к своему столу. — А это значит...

— Я знаю, что это значит. Я только хочу знать, что... Люди там, снаружи, они хотят знать, что происходит. Меньшее, что вы можете сделать, самое меньшее, — это объяснить...

— Мы покидаем Церонил Тета, — ответил полковник.

--- Так они говорили правду? Вы
отступайте? Вы сдались?

--- Первый десантный корабль
прибудет через полчаса.

--- Но железные... я имела в виду,
некроны!

--- По мнению нашего командования,
мы больше ничего не сможем сделать.
Теперь мы улетаем на планету
Джангалла, --- он взял со стола
инфопланишет и посмотрел на экран, ---
подавлять восстание орков. Мы прибудем
туда через шесть дней.

--- А что ждет нас? Они пришлют
другие войска?

--- Сделано все возможное. Мы почти
разрушили гробницу некронов. Но к тому
времени столкнулись с нехваткой ресурсов
и потерпели неудачу.

--- Тогда запросите больше ресурсов.
Свяжитесь с Департаменте Мониторинг,
потребуйте подкрепления. Я знаю, как они
работают, много раз слышала, как дядя
ругался с ними. Надо просто продолжать
давить.

--- Не исключено, --- ответил

полковник, — что наши расчеты ресурсов противника оказались ошибочны. Единственное, в чем мы уверены, — это что продолжение боевых действий окажется долгим и дорогостоящим делом с крайне малыми шансами положительного исхода.

— Значит, вы бросаете нас на их милость? Полковник, на этой планете живут — жили — девять миллиардов человек.

— Даже так, леди Хенрик, простого численного превосходства не хватит.

— Я не позволю. Не могу поверить, что вы можете быть так близоруки. А когда некроны расправятся с нами? Когда они обратят свое внимание на следующий мир, а потом на еще один? Что случится, когда они доберутся до вашего мира, полковник? Круг лишь в нескольких системах отсюда, как я помню. Если этих монстров не остановить сейчас...

Арекс замолчала. Полковник просто сидел и равнодушно смотрел на нее, и, хотя маска, как всегда, ничего не выражала, молчание говорило за него.

Арекс сама опустилась на ступ.

--- Они не допустят, чтобы это случилось, да? Я должна была сразу понять.

--- Мы связались с Имперским флотом, --- ответил полковник. --- Специальные разрешения уже получены. Приказ об Экстерминатусе готовится.

--- Сколько осталось? --- спросила Арекс.

--- Вы же знаете, такие дела занимают немало времени. Наши комиссары уже запросили больше спасательных кораблей, и я верю, что некоторые из...

--- Последний корабль ушел отсюда месяц назад. Где с тех пор пропадало командование флота? Нет, я угадаю. Пока они думали, что у вас есть шанс, что вы действительно можете побить некронов, то не придавали творящемуся здесь большой важности. А сейчас уже слишком поздно.

--- Я думаю, --- повторил полковник, --- что некоторые из администраторов, управляющих вашими городами, тоже

были весьма настойчивы в своих требованиях. Отправили шесть кораблей, и еще...

--- Этого мало, --- запротестовала Арекс. --- Шести кораблей совершенно недостаточно, и вы не хуже меня знаете, полковник, что некоторые из них даже не придут вовремя, чтобы... чтобы помочь нам.

--- Это не мое дело. Я предполагаю, вы свяжетесь...

Арекс разозлилась на него.

--- Может быть, это и не ваше дело, но разве вам совсем наплевать? Дядя Хенрик был прав на ваш счет. Я говорила с людьми: с беженцами и несколькими выжившими солдатами Сил планетарной обороны. И знаете, что они сказали о нем? О том, что вы с ним сделали?

--- Генерал-губернатор Хенрик, --- резко ответил полковник, --- вступил в контакт с культом некронов. Он сознался, что готовился вступить с ними в переговоры.

--- Ради моего блага! --- закричала Арекс. --- Он пытался спасти меня! Он не

собирался... А вы... вы убили его, и ради чего? Вы сами сказали, полковник. Вы пытались разобраться с нити по-своему --- и не сумели. Вы так и так потеряли наш мир.

Она едва сдерживала слезы. Арекс отвернулась от полковника, чтобы спрятать их. Она поклялась себе, что не станет плакать перед ним.

--- В войсковом корабле «Мементо тори», --- сказал он тихо, --- провизии и жилых помещений на тридцать тысяч человек. Общий состав всех четырех полков сократился до пяти тысяч.

--- Вы хотите сказать, что можете... --- всхлинула Арекс.

--- Нас попросили, --- ответил полковник, --- взять с собой беженцев. Вам придется отправиться на Джангаллу вместе с нами. Впрочем, там вы сможете найти шаттлы до ближайшего подходящего колонизированного мира.

--- Это... это очень великодушно, спасибо.

--- Если бы решал я, --- добавил полковник, --- мы бы заполнили пустое

место полезной техникой и машинами, которые можно спасти с этого мира. Но, как я упоминал ранее, ваши администраторы были весьма настойчивы.

--- Я... понимаю, --- ответила Арекс.

--- Квартирмейстеры свяжутся с вами, чтобы получить список тех, кто...

--- Нет! --- поспешно ответила она. --- Я не думаю, что могу... Я не смогу.

--- Нам потребуются список, --- твердо сказал он. --- Те, кого мы спасем, должны как минимум иметь ценность для Империи.

--- А вы считаете, что способны судить об этом? Потому что я --- точно нет.

--- Я предполагаю, что вы также хотели бы зарезервировать одно место для себя.

Арекс задумалась, прежде чем ответить. Она всем сердцем знала, каков будет ее ответ, но чувствовала себя невыносимо эгоистичной. «Двадцать пять тысяч человек, --- думала она, --- из всего населения мира». Это было почти ничто.

меньше чем ничто, и кто дал ей право снова оказаться в числе привилегированных? «Дядя Хенрик сказал "нет"», — думала она. Когда улетели первые корабли, он остался, чтобы помочь своему народу, чтобы найти ее. И теперь он мертв.

— Два места, — ответила она, глядя на руки и избегая смотреть в бесстрастные глаза полковника. — Мне нужно два места. Одно для меня и еще одно для... — она вспомнила ложь Тайлера перед храмом и подумала, что она может помочь, — моего жениха. Тайлер — мой жених, так что, как вы понимаете, он тоже член семьи губернатора, и я... полковник, он нужен мне.

— Как скажете.

— Что до остальных в списке, — сказала Аркс, — дайте этим заняться кому-либо другому. Одному из администраторов. Они подберут вам имена и, думаю, будут лишь рады этому. На самом деле я буду даже удивлена, если они его уже не составили.

Посадочные корабли послали в три
костюмента, раскиданные по планете.
Однако даже так многие люди были
вычеркнуты из списков, потому что не
успели добраться до них вовремя. Арекс
слышала, как комиссар Манхейм из Сорок
второго полка Круза спорит по терминалу
коммунка с возмущенным дворянином,
владевшим собственной посадочной
площадкой и искренне не понимавшим,
почему его с семьей не могут забрать
оттуда.

Все делалось в спешке. Генералы
Круза не соглашались отложить
эвакуацию своих войск даже на час.
Манхейм что-то бормотал насчет
великодушного решения принять беженцев
на корабль, но Арекс уже знала, что
командование тут ни при чем. Ее и
Тайлера отправили ждать эвакуации в
пустой кабинет, а Манхейм заглядывал к
ним, когда мог. Окно выходило на
взлетную полосу. Они наблюдали, как на
два десантных корабля грузили технику и
снаряжение, в том числе, если верить
Манхейму, контейнер с вещами

губернатора, спасенными из Высокого
Шпиля. Комиссар проследил за их
взглядами и вздохнул.

--- Мы прибыли на четырех, ---
печально сказал он.

Проблемы возникли сразу же, как
появились первые транспорты СНО и
прокторов. Арекс слышала гул
рассерженных голосов снаружи и знала, что
стряслось, еще до того, как доклад об
этом пришел в микробусину Манхейма.

--- Очевидно, толпа там все еще
растет. Мы разослали предупреждения,
просили их оставаться дома, сказали, что
ничем им тут помочь не можем. Но они
продолжают приходить.

--- Вы можете их в чем-то
обвинить? --- спросила Арекс.

--- Думаю, нет, --- согласился
комиссар. --- Но ваших прокторов не
хватит, чтобы справиться с ситуацией, и
кажется...

Он наклонил голову, прислушиваясь к
новому сообщению.

--- А что насчет тех, кто потерял
свои дома? --- спросила Арекс.

--- Некоторые прокторы даже присоединились к бунтовщикам. Не беспокойтесь, я уверен, что мы сложем...

--- Они ждали помощи месяцами.

--- Полковник Сто третьего послал пару взводов. Они должны разобратся с ситуацией.

Арекс, услышав стрельбу из лазганов, вздрогнула. Однако уже через пять минут первая машина СНО въехала в порт под эскортом гвардейцев в масках. Сразу затемitti ворвалась волна отчаявшихся людей. Другой взвод криговцев выдвинулся вперед, построившись в линию, чтобы остановить людей. Они расступались только для того, чтобы пропустить второй грузовик, а затем и третий и четвертый. Машины въехали на первый десантный корабль по грузовому трапу, собираясь высаживать пассажиров внутри металлической коробки отсека, чтобы не делать это на виду у толпы.

--- Мы будем совсем как они, --- сказала Арекс, --- на следующем мире. Там есть свои повелители. Имена наших отцов и их титулы больше ничего не будут значить.

Мы будем всего лишь парой беженцев, парой голодных ртов. И если они вообще найдут нам новые дома, то лишь на нижних уровнях.

Тайлер обнял ее, придвинул поближе к себе.

--- Мы выживем.

Внизу прибыло еще больше грузовиков. Манхейм вежливо прочистил горло. Когда Тайлер и Арекс обернулись, то увидели четырех гвардейцев, ожидавших их у дверей. Пришло и их время уходить. Она заколебалась и вновь повернулась к окну. Манхейм стал уверять, что их будут хорошо охранять в пути и что до десантных кораблей буквально пара шагов, но ее волновало не это.

--- Придут и другие корабли, --- сказал Тайлер.

Арекс с трудом улыбнулась, решив верить ему. Когда они пересекали холмат, девушка споткнулась о чью-то раскрытую сумку, разбросав ее содержимое. Из свертка военной формы вывалились голосники четырех юношей в военной

форме. Она задумалась: как сложилась их судьба?

Виг, творившегося на посадочной полосе безумия через окно не подготовил ее к шоку оказаться посреди него. Она не видела, куда ее ведут, не слышала приказов, что ей кричали. Она могла лишь, не поднимая головы, прижаться к Тайлеру как можно ближе, доверив гвардейцам их охрану.

Она почти пожалела, что отказалась от предложения Манхейма накрыться одеялом, скрыв свою личность. Еще утром ее приветствовали как героя, как символ надежды. Сейчас она стала дезертиром и предателем. Однако она чувствовала бы себя еще хуже, убегая под покровом анонимности. Это была бы уже предельная трусость. Наконец они прошли через враждебно настроенную толпу и кордон Корнуса Смерти. Трап вытянулся перед ними. Когда они поднимались по нему, что-то — пластиковый контейнер — ударило Арекс по затылку. Тайлер оглянулся и, нахмурившись, стер брызги

пищевой пасты с ее волос.

Она задержалась на входе в трюм корабля и оглянулась, не в силах уйти вот так. Она хотела что-нибудь сказать, чувствуя, что должна объясниться. Ее встретило море злых лиц, и она поняла, что никто не захочет услышать ее слова. Тайлер снова обнял ее за плечо и, как и всегда, придав ей новых сил, вывел из этого ужасного момента. Арекс последний раз горестно вздохнула и пошла прочь от единственной жизни, которую знала, навстречу новой и неизвестной.

Глава двадцать шестая

Некроны вновь наступали. Гюнтер проснулся от криков, разносящихся по костопорту. Люди реагировали по-разному: истерично орали, плакали, молча принимали происходящее. Все уже понимали, что случится. Вопрос лишь в том, сколько осталось ждать?

Гюнтер почувствовал холод и закутался в истрепанное одеяло. Проспал он неизвестно сколько, спиной прислонившись к стене ангара, подтянув колени к груди, чтобы дать место другому беженцу. Шейные мышцы привыкли к этому положению и уже не болели, как раньше.

Как давно ушли солдаты? Недели, месяцы тому назад? Он перестал считать дни. Восходы и закаты солнца уже ничего не значили, став всего лишь способом

упорядочить жизнь, в которой больше не было смысла. Гюнтер спал без сновидений, когда было необходимо, когда усталому телу не оставалось ничего, кроме как отключиться. Ел всякий раз, когда мог найти пищу, что случалось нечасто.

Он из всех сил старался не вспомнить ее лицо.

Он вспоминал последний день, когда обманывал себя, считая, что у его жизни еще есть смысл. Он помогал контролировать толпу, удерживать беженцев подальше от десантных кораблей. Старался делать это, по крайней мере. Его форма и звание почти ничего не значили в той ситуации. Оружия у него тоже не было, а потому его попытки заставить толпу прислушаться пропадали втуне.

Ее имя прозвучало словно выстрел. Сначала он решил, что ему послышалось, но скоро услышал его вновь, произнесенное с ядом на губах. Он понял, что она была так близко все это время, она была одной из эвакуируемых, которых он взялся защищать. А он и не знал, даже не

догадывался.

Он локтями проложил себе путь через толпу, отбросив все размышления о долге, и наконец увидел ее. Он смотрел на нее, будто видел впервые в жизни. Она взбиралась по трапу в сопровождении гвардейцев. Гюнтер окликнул ее, но она не расслышала. Она поднималась по трапу, уходя из его жизни навсегда и будучи всего в двух ступенях от него. Но Император, видимо, внял его мольбам — она остановилась, повернулась, посмотрела прямо на него. Она была точно такой, как он ее помнил: круглое лицо, зеленые глаза и каштановые волосы. Он начал пробиваться к ней, но был остановлен гвардейцами Крига. Он пытался объяснить им, утешал их, но они не слушали его. Восемь часов назад они были его союзниками, но сейчас стали чужаками.

Аркс была не огна. Теперь Гюнтер заметил, что мускулистый блондин касался ее волос, обнимал за плечи. Она словно никого не видела больше, смотрела лишь на этого мужчину, уводящего ее прочь. Гюнтер наблюдал, как они исчезли в

глубине корабля, и подумал, что так, возможно, даже и лучше. Он сказал себе, что должен быть доволен. Несмотря на все препятствия, он достиг своей единственной цели. Аркс была в безопасности. Она будет счастлива. Они никогда бы не смогли быть вместе, и оба это понимали.

Все считали, что костюпорт будет следующей целью некронов. Многие бежали, стараясь оказаться от Церонитов как можно дальше, отсрочив неизбежное. Но на место ушедших пришли новые беженцы, все так же молившие о спасении, но с каждым днем и новым разочарованием все тише. Гюнтер знал правду: не имеет значения, какой путь они выберут и что они сделают.

Они обогнули холм, двигаясь по дороге к более богатой добыче. Их тысячи, нет, десятки тысяч. Гюнтеру казалось немыслимым, что их смогли остановить, пускай и на короткое время. Но теперь и ничто не мешало. Была ночь, но в освещенном костюпорте Гюнтер этого бы

и не понял, если бы не тошнотворное
зеленое свечение армии некронов. Оно
исходило от их оружия, из бойниц и башен
их танков и от глаз железных насекомых,
окруживших вокруг них. Он следил за их
продвижением вместе со всеми
остальными с холма. Он не знал, что его
сюда привело. Он уже видел однажды, как
разыгралась эта трагедия, но не смог
побороть искушение взглянуть на нее
снова. Ему было интересно, почувствует
ли он что-либо новое в этот раз.

Некроны обрушились на Телониуса
сиди и принялись опустошать его.
Потрясенные наблюдатели мало что
могли разглядеть или расслышать на
таком удалении. Только зеленые вспышки
в ночном небе, грохот случайных взрывов и,
предположительно, крики. Но воображение
было более чем способно дописать картину.
Люди затаили дыхание, когда первая из
башен рухнула, окутав дымом и пылью
остальные.

Телониус был готов для миллионов
людей. Гюнтер знал, через что им
придется пройти, всем им, но не мог себе

позволить заботиться об этом. Обрушилась вторая башня, и Гюнтер разглядел первых беглецов, выходящих из внешних лифтов. Некоторые на машинах, большинство пешком. Будто бы им было куда идти, будто где-то они могли оказаться в безопасности. Через двадцать минут огни города потухли навсегда. Глаза Гюнтера налились тяжестью, и он сел на землю, дав им отдых.

После отбытия гвардейцев Силы планетарной обороны развалились на части. Большинство старших офицеров, включая полковника Брауна, улетели, а младшие чины дезертировали. Гюнтер остался, — в конце концов, он был солдатом, пускай и без приказов.

Пришли еще три спасательных корабля, и ходили слухи, что еще больше их послано к другим космопортам. Каждый раз, как один из них приземлялся, вновь появлялись грузовики с привилегированными пассажирами, которым досталось место на кораблях. Но сейчас не было солдат, чтобы защитить

их, так что эвакуируемым приходилось
сделать это самим. Гнев остающихся
беженцев в костопорту достиг точки
кипения, и к моменту прибытия
последнего корабля оружия уже не хватало,
чтобы смирить их.

Некоторым эти попытки стоили
жизни, но кое-кто смог отнять оружие у
неопытных владельцев. Беженцы
захватили корабль, но в нем не хватало
места всем, и вспыхнули новые драки. В
конце концов корабль взлетел, забрав с
собой куда меньше, чем мог, оставив
остальных выть и плакать внизу.

Гюнтер лишь наблюдал за дракой, не
вмешиваясь. Угонщики думали, что
спаслись от смерти, но вскоре им
предстояло осознать свою ошибку,
встретившись с Имперским флотом. Для
них не было выхода.

Заменивший полковника Брауна
молодой майор-идеалист отчаянно
пытался сплотить всех в течение этих
трех дней, и он должен был улететь на
этом корабле. Но Гюнтер давно не видел
его. Слухи утверждали, что он приставил

дуло к виску и теперь его тело лежит у
подножия холма среди прочих трупов.

Дневной свет пробивался сквозь
сломанные веки. Гюнтер соскользнул в сон.
Проснувшись, он понял, что левая щека
примерзла к земле. Уней покрыл его
шнур, и что-то твердое и маленькое
впилось в ногу. На холме почти не
осталось наблюдателей: большинство
вернулось к своим палаткам или в
относительное тепло зданий костюпорта.
Однако некоторые продолжали безмолвно
наблюдать за Телониус-сити, хотя там
мало что изменилось.

Покопавшись в кармане брюк, Гюнтер
нащупал что-то за подкладкой. Он
аккуратно достал предмет и не сразу
узнал его. Столько времени минуло с тех
пор, когда он хотя бы думал о нем.
Золотое кольцо с шестью атецитами.
Цвет этих камней напомнил ему больше,
чем ему хотелось бы помнить. Красный —
любимый цвет Арекс. Кольцо следовало бы
выбросить. Оно теперь бесполезно. Но,
вместо этого, Гюнтер вернул его в

карман. Оно стало единственной ниточкой, соединявшей его с утраченным прошлым. Мemento мори.

Сейчас отчетливо стало видно, какими смешными были тогда его проблемы, его цели и мечты о будущем. Но по крайней мере, тогда они у него были. Он вспомнил строевых инструкторов Корпуса Смерти Крива. Гюнтер знал, как оценили бы его проблемы; они сказали бы ему: «Ты прожил слишком долго». Его товарищи из Корпуса Смерти бросили его тут и отправились искать себе новую цель. Пришло время Гюнтеру сделать то же самое.

Здесь Гюнтер когда-то жил. Теперь большая часть Церонит-сити — сплошная куча развалин. Он гордо маршировал сквозь них на пути к полю битвы, волочился назад после поражения, но ни разу не смотрел на них по-настоящему, не думал о том, чем была когда-то каждая из этих куч обломков. Теперь он вспоминал башни и эстакады, магазины и закусовые. Вспоминал и людей, огромное множество

людей. Очередь на таксо, толпы клерков
наверху и шахтеров внизу. Иногда он даже
думал, что эстакады могут обрушиться
под тяжестью скопившегося на них народа.

Теперь, приглядываясь к развалинам,
он действительно мог увидеть этих
людей, обрывки их жизней: разбросанную
одежду, когда-то бережно хранимые
украшения, ныне брошенные и забытые,
гололиты в разбитых рамках. Что было
хуже всего, здесь торчала ступня, там —
посеребренная кисть руки, безнадежно
протянутая в мольбе. Все вокруг
обратилось в кладбище.

Гюнтер вскоре увидел обрывки красно-
пурпурной формы и, раскидав завал,
вытащил труп солдата СНО. Парень стал
жертвой когтей некрона, судя по
состоянию тела, еще в первые дни войны.
Что-то, видимо, отвлекло некрона,
поскольку кожа была снята не до конца.
Тело так и лежало тут неделями, пока
бойцы Корпуса Смерти не обрушили
нависавшую эстакаду, создав некое подобие
погребения.

Гюнтер забрал у убитого лазган и

набор для чистки оружия. Затем, начав разбирать его, понял, что тот сожжен изнутри и, как следствие, бесполезен. Он решил тем не менее его оставить. Визлазгана мог отпугнуть лутанта или еретика, если предположить, что кто-то из них выжил. Издали пистолет вполне может произвести нужное впечатление. Гюнтер покопался в рюкзаке покойного, надеясь найти гранаты или что-нибудь еще, но обнаружил только потятый, хотя и вполне исправный люминатор.

Солнце клонилось к закату, когда Гюнтер набрел на открытое место, где когда-то строилось войско. Здесь он задержался и постарался восстановить картину того, как это место выглядело когда-то. Похоже, он сейчас недалеко от своего старого дома. Он осмотрел несколько окрестных башен в поисках хоть какой-то зацепки, но не нашел ни одного ориентира.

Пришлось подойти ближе, взобраться выше. Следуя по пути Корнуса Смерти в центр города, он стал узнавать остатки башен, эстакад над головой. Их почти не

осталось, но все же они хотя бы давали
мень надежды. Найдя лестницу, он стал
подниматься вверх. Он тщательно
считал этажи и вышел на двести
четвертом. Едва не шагнул в пропасть, но
вовремя схватился за дверь и застыл на
краю.

Этакады двести четвертого этажа
больше не существовало. От нее ничего не
осталось. Начатое некронами закончил
Корпус Смерти Круга. Судя по разбитым
окнам, надписям на стенах и выгоревшим
квартирам, население города ит с охотой
содействовало. Гюнтер уставился на
оскверненную аквилу над входом в то, что,
видимо, было когда-то управлением
архивов. Разве не тут проходил он каждый
день по пути на работу? Сказать это с
уверенностью он не мог.

Вернувшись в башню, он нашел там
квартиру, чтобы отдохнуть,
неотличимую от его прежней, но не стал
облаиваться. Он попытался наполнить
кружку холодной водой, но потекла лишь
коричневая ржавая жижа. И все равно он
выпил ее. Гюнтер не знал, чего именно

ищет, лишь понимал, что еще не нашел.

До ресторана остались считанные шаги. До того самого, ради свидания в котором он приобрел кольцо. Он располагался на соседней эстакаде, так близко, но Гюнтер не мог найти пути туда. Сгустилась ночь, тусклая луна лишь изредка выглядывала из-за проплывающих облаков, так что ему пришлось освещать себе дорогу люминатором. Он направил луч в разбитое окно ресторана, и ему стал виден завал внутри помещения. Похоже, что обвалилась внутренняя стена. Даже если он доберется до входной двери, все равно не сможет попасть внутрь, да и незачем ему это делать. Эти двери всегда оставались закрытыми для людей его круга. Для него там не было ничего, кроме одного воспоминания.

Тем не менее Гюнтер мог использовать расположение ресторана, чтобы сориентироваться. Теперь он знал, на сколько этажей надо спуститься, сколько кварталов пройти, прежде чем добратся до статуи. Над ней, конечно же,

надругались, срезали все, что выше колен, но ступни все так же крепко держались на пьедестале, так что Гюнтер смог сесть на него там, куда садился и раньше. Сделав так, он постепенно закрыл глаза, стараясь вообразить, что ничего не изменилось, что статуя все так же нависает над ним, что учреждения на площади так же оживлены днем и просто закрыты на ночь.

Он постарался представить, что все так же рядом с ним сидит Арекс. Он чувствует запах ее цветочных духов, видит грусть, притаившуюся в уголках ее глаз при взгляде на статую. Для него памятник выглядел одним из сотен изваяний, установленных Хенриком в память не вернувшихся с фронта. Высеченное из камня изображение отца Арекс.

Что они делали перед этим? Он вспомнил. Хроники. Гюнтер взял ее на просмотр, хотя ей были неприятны все эти картины кровопролития. Гюнтер же заверил ее, что все в порядке, ведь Империя всегда побеждает. Девушка

заказала протеиновых бургеров, немало удивив Гюнтера, сберегшего деньги, чтобы угостить ее более изысканной пищей. Он любил в ней это всякое отсутствие высокомерия и снисходительности. Потом они сидели у статуи, глядя, как город ложится спать. Прекрасный летний вечер, но Гюнтер не испортил его разговорами о своем беспокойстве.

— Давай не будем говорить о будущем, — сказала Аркс, оторвав взгляд от статуи и взглянув ему в глаза. Он слышал ее голос сейчас так же ясно, как и тогда. — Я не хочу думать о нем сейчас. У нас есть этот момент, и мы должны наслаждаться им, а не думать о моем дне, или твоей работе, или о чем-то еще. Будущее неотвратимо и, вероятно, окажется не таким, как мы ожидаем. Так зачем беспокоиться?

Гюнтер открыл рот, намереваясь поспорить, но девушка придвинулась ближе и прикоснулась своими губами к его. Их первый поцелуй. Сначала он подумал, что это лишь способ заставить его замолчать. Потом перестал беспокоиться, так это

или нет, просто погрузившись в миг блаженства. Он не забыл ни единой детали.

Арекс высвободилась из его объятий, оставив его наедине с меланхолическими мыслями. Повинуясь мгновенному импульсу, Гюнтер вытащил из кармана кольцо, протянул, умоляя принять его, пока не понял, что слишком поздно. Она и не могла никак ему ответить. Она была лишь призраком, и, когда он открыл глаза, она исчезла. Прошлое ушло.

Теперь он плакал без слез, и, как только плотину прорвало, он понял, что ее не восстановит. Он скорчился, сотрясаясь от мучительных рыданий, у каменных ног героического отца Арекс. Он выкрикивал боль утраты безразличному небу, не заботясь, что кто-то или что-то может услышать его.

Холодным ранним утром Гюнтер нашел то, что искал. Для этого ему пришлось подойти к пирамиде куда ближе, чем ему хотелось, и спуститься на наземный уровень. Здесь погребло

большинство его товарищей. К счастью, здесь было не много некронов, главные силы, несомненно, разрушали Телониус, и Гюнтеру лишь дважды пришлось прятаться от их патрулей. Немногие трупы уцелели после попадания гаусс-пушек, да и с тех все, что могло пригодиться, сняли квартирмейстеры Корнуса Смерти. Тем не менее он нашел тело, лежащее на открытом месте и ускользнувшее от их внимания, и тихо обрадовался. Труп принадлежал гренадеру, а значит, имел снаряжение еще лучше, чем у рядового гвардейца.

Зеленое сияние гробницы, почти незаметное при свете солнца, накатывало на покойного тошнотворными волнами. Гюнтер, пригнувшись, бросился к нему и поскорее освободил тело от всего имущества. Стаскивая рюкзак, он снял и маску с гвардейца. Соресон вспомнил, что гренадеры, в отличие от рядовых, носят дыхательные фильтры на спине, освобождая место для дополнительного бронирования спереди. Не желая тратить время на отворачивание шланга, он взял

всю конструкцию целиком, забрал все, включая броню.

Потом в знак уважения закрыл глаза солдата, но не остановился, чтобы почтить его память. Последние его человеческие чувства остались у подножия статуи. Он вернулся в свою уютную нору — спальню в нескольких кварталах отсюда и на пару уровней выше, — где начал проверять найденное снаряжение. Хеллган с двумя дополнительными батареями. Шесть фраз-гранат, сухой паек и аптечка, ему ненужные. Он надел пояс с подсумками для гранат и хотел оставить противогаз, но остановился, глядя в его пустые линзы.

Он повернул маску и натянул на лицо. Шершавая ткань царапала щеки, линзы сузили боковое зрение. Однако чувствовалось и что-то успокаивающее в таком взгляде на мир глазами гвардейца Крива. Он ощутил, что словно бы сделал шаг вонне, глядя на жизнь, но не являясь уже ее частью. Единственное, что он слышал, был шелест сухого, отфильтрованного через респиратор воздуха. Приятное ощущение. Правильное.

И когда Гюнтер увидел свое отражение в неразбитом окне, то зрелище тоже оказалось правильным. Это было то, что нужно. Поэтому, вместо того чтобы снять маску, он надел воздухоочиститель, продев руки в лямки и забросив его за спину. Ранец был тяжелым, но Гюнтер с радостью принял его вес. Потом Гюнтер пристегнул гренадерские наплечники, нагрудный панцирь, налокотники и наколенники. Шлем был слегка великоват, но Соресон все равно надел и его. А сверху натянул угольно-серую шинель.

Теперь он был готов.

Гюнтер вышел на улицу, сжимая в руках хеллган. Тщательно его почистил, приноровился к нему, и теперь в его руках он стал надежным оружием. Соресон знал, что один сможет сделать не много, не стал обманывать самого себя. Он слышал, что Император скорее уничтожит Церонил Тета, чем отдаст ее врагу. Гюнтер верил в это, но верил и в то, что если кто и сможет пережить планетарный катаклизм, так это

некроны. Они могут переброситься с этого мира на другой, вновь начав цикл разрушений.

Он шел к их гробнице, выпрямив спину, с гордо поднятой головой, не пытаясь скрываться на этот раз. «Пусть некроны видят меня, — думал он, — пусть идут». Что они после всего случившегося могут сделать? Что еще могут забрать у него?

Тюнтер Соресон мертв, вместе со всем, что ценил в своей бессмысленной жизни. На его месте, в его теле жил лишь солдат. Солдат без приказов, но с чувством нового смысла, единственного, что когда-то был у него.

Он вспомнил, что говорили ему инструкторы перед его первым боем: убийство хоть одного врага оправдывает твою жизнь. Он уже сделал много больше. Теперь он сражался за других, за тех товарищей, что оказались не столь беззучи, как он, погибли, не исполнив долга. У него больше не было имени и лица. Соресон олицетворял их всех и нес их души в своей.

Он становился героем.

Об авторе

Стив Лайонс пишет романы, рассказы, сценарии для радиопостановок и реплики для персонажей комиксов, таких как «Люди Х», «Доктор Кто», «Радиоактивный пес» и «Санфир и сталь». Для Black Library автор создал книги об Имперской Гвардии: «Мир смерти» и «Ледяная Гвардия», а также аудиодрамы «Ожидание смерти». Помимо этого автору принадлежит несколько книг о телевизионных шоу (нон-фикшн), он сотрудничает со рядом журналов.